ОГОНЁК

№ 30 ИЮЛЬ 1990

ISSN 0131—0097

ГДЕ ЖЕ СИТЕЦ И ПАРЧА?

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Учрежден 1 апреля 1923 года

№ 30 (3288)

ИЗДАТЕЛЬ — ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС «ПРАВДА»

21 — 28 июля

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Савелий Вахромеевич Егоров — мастер топорной игрушки из села Федосеево Горьковской области. (См. в номере материал «Ярмарка».)

Фото Павла КРИВЦОВА

Оформление Н. П. КАЛУГИНА при участии Т. А. НОВРУЗОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.

Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

УСЛОВИЯ КОММЕРЧЕСКОГО ПРОКАТА, ПОДПИСКИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ ВЫПУСКОВ «ОГОНЕК-ВИДЕО» ПО ТЕЛЕФОНУ 212-15-79.

Сдано в набор 02.07.90. Подписано к печати 17.07.90. А 00342. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 4 600 000 экз. Заказ № 2512. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Внутренней политики и оперативного анализа — 212-15-39; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 251-90-55.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

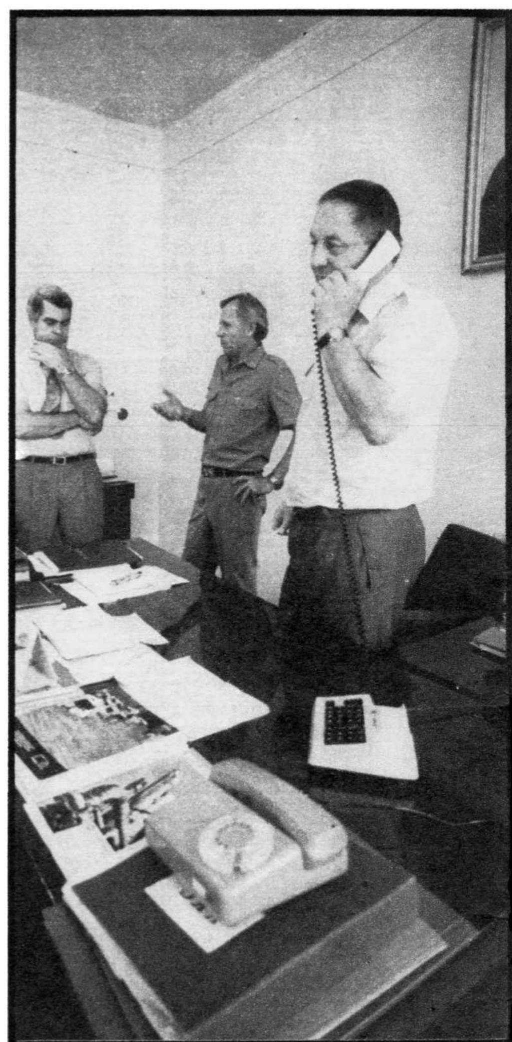
Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

КОНКУРЕНТ

Станислав КАЛИНИЧЕВ, собственный корреспондент «Огонька»

ЕСТЬ ЧИСТО ОДЕССКОЕ ПРОКЛЯТИЕ: «ЧТОБ ТЫ ЖИЛ НА ЗАРПЛАТУ!» БУДЕМ НАДЕЯТЬСЯ, ЧТО КОГДА-НИБУДЬ ОНО СТАНЕТ ДОБРЫМ ПОЖЕЛАНИЕМ. УЖЕ И У НАС ПОЯВИЛИСЬ ЛЮДИ, КОТОРЫЕ ВПОЛНЕ ДОВОЛЬНЫ СВОЕЙ ЗАРПЛАТОЙ. МНЕ ДОВЕЛОСЬ ПОЗНАКОМИТЬСЯ С НИМИ В КИЕВСКИХ СТРОИТЕЛЬНЫХ КООПЕРАТИВАХ.

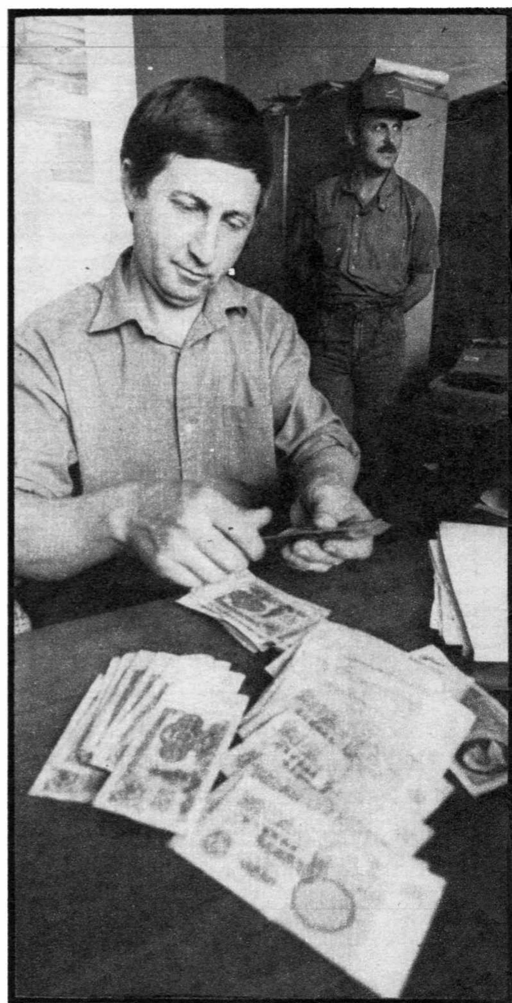

Фото Николая КОЗЛОВСКОГО

Горько сознавать, что одну из ключевых тем нашего времени приходится начинать далеко не с главного. Но куда денешься, если нашу замордованную «широкую общественность» неприятно раздражает, что рядовой каменщик, штукатур, маляр зарабатывают 700—800 рублей в месяц, а «простой инженер» — тысячу и побольше. Причем не где-то на Крайнем Севере, а возле теплого дома, под каштанами...

Казарменное сознание, пораженное такой информацией, уже не воспринимает то, что работают эти люди на самых «невыгодных» объектах — возводят жилые дома, детские садики, что расплачиваются с ними заказчики строго по государственным расценкам, что строят они значительно быстрее и лучше, нежели государственные подрядчики.

Конечно, можно было бы и пренебречь обывательскими представлениями о справедливости как о всеобщей равной для всех бедности. Но в том-то и дело, что эти представления — питательная почва нашей тоталитарной Системы, ее щит и меч. Десятками лет в высоких кабинетах Системы формировалось «мнение народа». Ныне это ее последний резерв в борьбе с кооперативами, арендой, частной собственностью и другими гибельными для нее новшествами.

Когда только стали появляться кооперативные и арендные предприятия, многие чиновники смотрели на них свысока: мелочь, мол, которая в общих масштабах ничего не значит. Захотим — кислород перекроем, и ничего не случится. Семь лет мак не родил — и голода не было. И перекрывали... Да и сейчас нередко перекрывают. У кооператоров есть только одно преимущество, которое оказалось решающим,— личная заинтересованность. Это бесплотный джинн, выпущенный из бутылки. И загнать его снова под пробку вряд ли кому удастся. Только не следует сводить личную заинтересованность всего лишь к длинному рублю. Она значительно богаче и шире.

ДЕНЬГИ НЕ ГЛАВНОЕ

— Это уже другая жизнь. Тут сразу не объяснишь. Одно дело считать себя человеком, а другое — чувствовать это, быть им...

Алексей Константинович Аверьянов был несколько смущен тем, что не может четко ответить на мой вопрос: в чем главное отличие его труда в кооперативе от предыдущей службы в Главкиевгорстрое? Человек по характеру мягкий, интеллигентный, он отвечал не только мне, но и себе самому, как бы размышляя вслух:

— Там я проработал двадцать шесть лет. От мастера до начальника СУ. И все те годы как под гнетом. Все время не можешь избавиться от предчувствия, что завтра случится что-то нехорошее. Это предчувствие выматывало уже само по себе, а нередко оно и оправдывалось. В любую минуту могли наказать, оскорбить, унизить. «Мы тебя из Киева вытащим», «Я тебя из

партии исключу!» — это из лексикона тех планерок и совещаний. Ну, скажем, мне начальник прилюдно сообщает: «У тебя голова на длинной шее — медленно доходит. Мы можем укоротить». Или: «У тебя мозги проржавели». А ведь я — человек, и уже немолодой. У меня семья...

Тут же все по-иному. Наше управление входит в объединение строительных кооперативов «Подряд». По мощности это как три-четыре строительных треста. Но мы самостоятельны. Нет прямого подчинения — только сотрудничество. Это надо прочувствовать — как хорошо, когда тобой не командуют. Да и я не ругаю рабочего или мастера. Не унижаю их. Мы разбираемся в делах, слушаем и понимаем друг друга. Представьте себе — это очень приятно.

Алексей Константинович по должности — главный специалист управления. На нем функции главного инженера. Тут вообще управленческого персонала в четыре раза меньше, чем в таком же СУ системы Минстроя. И при этом выработка на одного работающего в 2,2 раза (!) выше. Впрочем, предоставим слово самому Аверьянову:

— Конечно, «выгодные» объекты, которые обеспечены и материалами, и механизмами, нам не дают. Вот мы и пошли на заводы и в организации, которые сами пытаются строить хозспособом жилье, соцкультбыт...

Один пример. Завод имени Лепсе своими силами строит жилье. На этом деле у них было задействовано 115 человек. Причем среди них лишь сорок профессиональных строителей, остальные — токари, литейщики и другие очень нужные заводу специалисты. Им в своем деле цены нет, но нужда заставила стать учениками или подсобниками. Мы договорились и взяли это дело на себя — вместе с бригадой и той суммой, которая определена по смете. Постепенно стали освобождать заводских, заменять настоящими строителями. Дело пошло вдвое быстрее. На сегодня из той бригады осталось лишь 26 человек, но это уже наши, профессионалы.

А что мы имеем? В каждой секции завод отдает нам одну квартиру. Мы получили транспорт, который теперь наш, он лучше используется, обслуживает и другие объекты. Да и прибыль получаем — не жалуемся. А что имеет завод? Ну на одной зарплате, которую приходилось доплачивать командированным на стройку, тысяч двести в год экономия. Да и заводская очередь на получение квартир стала подвигаться живее.

У нас теперь три собственные штукатурные станции! Попробуйте их достать — дефицит страшный. А мы их приобрели примерно таким же путем, как и технологический транспорт на заводе имени Лепсе. Как говорят, к взаимному удовольствию и с обоюдной выгодой. Они у бывших хозяев использовались, может быть, процентов на десять.

Уже в первый год мы заработали такие деньги, что можем кое в чем «выручить» городские власти. Например, государственные подрядчики (их там было много разных) восемь лет мурыжили реконструкцию Театра драмы и комедии. А сдать все не могли. В общем, и драма, и комедия. Мы взялись и за один год сделали. От души сделали. Никакой прибыли там не получили, зато театр сдан. Им можно полюбоваться и сказать: наша работа.

Вот вы спросили, какая разница в работе там, где я полжизни положил, и тут... О самочувствии мы уже говорили. Но ведь и содержание работы изменилось. Там: давай-давай! Процентовки, «намазки», план, выгодно-невыгодно, за всеми следи и от всех отбивайся. А тут одно — качество. Если рабочий допустил брак, он за эту работу ничего не получит, да еще и доплатит из своих собственных: переделка дороже нового. И не я его накажу. Это он сам так решил, есть такой договор среди самих членов бригады. Мы ведь только по форме как обычное стройуправление. Но каждый участок, бригада самостоятельны, у них свои деньги, своя точно определенная часть от общего. Мы собрались не для того, чтобы отдавать команды или выполнять команды, а помогать друг другу. В этом вся разница.

...В конце нашей долгой беседы, из которой привожу лишь отдельные моменты, я спросил у Алексея Константиновича: «А что дальше? Зарабатываете вы за тысячу рублей в месяц, подниметесь до полутора, до двух... и в этом вся цель?»

Он ответил не сразу. Пожал плечами.

— Нет, нет. Тут все иное. Тут дело

в возможностях. Театр сдали. Вот надумали в пригородном колхозе построить теплицы — самые современные, с автоматикой. В Каролино-Бугазе под Одессой взялись возводить курортный комплекс... Часто наш заказчик в тупиковом положении, и объекты «невыгодны», а мы находим интересные для нас возможности у того же заказчика, предлагаем ему свои, и дело движется. Это захватывающая деловая игра. Появляется жадность к работе. Тут совсем другое содержание жизни.

ЛУЧШЕ ОДИН РАЗ УВИДЕТЬ

Офис кооперативного стройуправления, где мы беседовали с А. К. Аверьяновым, разместился в одном из красивейших жилых домов на Краснозвездном проспекте. Это целый комплекс высотников. Сооружает жилой микрорайон коллектив завода «Коммунист». Работы по договору с ним ведет кооперативное объединение «Подряд».

— Наше управление,— говорит А. К. Аверьянов,— построило тут всего лишь три секции — это триста десять квартир. Но у нас немало других объектов по городу. Очень интересные дома на Подоле. Впрочем, как мы строим, лучше бы вам самим посмотреть.

Мы воспользовались советом. Позвонили в одну из дверей. Мне доводилось бывать в богатых квартирах... Но эта впечатляла. Она в двух планах: на первом этаже кухня, комната, санузел, кладовки, балкон; на втором, куда мы поднялись по застеленной ковровой дорожкой лестнице,— две комнаты, санузел, кладовки, балкон. Много света, кругом полировка, кафель, лак, обои подобраны под мебель, каждый уголок буквально вылизан... Хозяин квартиры Александр Иванович Козенко — а мы, разумеется, тут же поинтересовались, где и кем он работает,— ответил:

— Пожарник я. Командир отделения. А жена — офицер, тоже работает в управлении пожарной охраны.

И далее он нас несколько разочаровал. Оказывается, все совершенство внутренней отделки — его работа. Но нас интересовали не его способности, а то, в каком виде он получил квартиру из рук строителей. Есть ли у него претензии к ним?

— Ну... это же не горисполком строил,— сказал он как о чем-то само собой разумеющемся.— Все же — кооператоры. Каких-то огрехов... не могу вспомнить. Стены ровные, потолки не провисают, рамы и двери нормально подогнаны. Даже трубы не текут. Нет, все было нормально.

...С такой же высокой оценкой «нормально» работают кооперативные строители на Подоле. Там они возводят несколько жилых домов по заказам предприятий. В бригаде Г. Г. Карбивничего нас приняли довольно сдержанно. Было время обеденного перерыва. «Вот пообедаем,— сказал бригадир,— и, если останется время, поговорим. А пока можете сами походить по стройке...»

И мы пошли. Невольно вспомнился один из телерепортажей Владимира Цветова о том, как строят японцы. Конечно, у нас нет той четкости и отлаженности часового механизма, да и быть не может при нашем снабжении, но все же... Мы не увидели хлама, битого кирпича, бестолкового нагромождения завезенных впрок материалов. В еще обнаженных стенах будущих квартир просматривалось одно — порядок.

Разговор состоялся в подсобке, за только что убранным столом. Рабочие, а их в бригаде тринадцать, были настроены сурово и по-деловому. Они не в восторге, когда кто-то проявляет повышенный интерес к их делам. И заработки свои воспринимают как норму, а не чью-то благодать.

— За каждый объект нам платят строго по смете. Пусть найдут других, кто с таким качеством, в срок и без копейки перерасхода возьмется за эти индивидуальные проекты.

— А в чем сложность вашей работы?

— Тут же не бетонные коробки, тем более не промышленный объект, где все намного проще и денежней. Вот мне, скажем, надо уложить кубометр кирпичной кладки, да еще не простой, другое дело — опустить готовый бетонный блок, а деньги те же. Есть разница?

— За счет чего же вы все-таки успеваете сделать больше и лучше, если тут ни «намазок», ни высоких расценок?

— Тут меньше начальства. Никто не мешает. Там на нашу бригаду пришлось бы как минимум три управленца.

— А еще — никаких переделок, потому что сами с себя спрашиваем за качество. Вот в результате и выходит скорее.

— Однажды,— замечает бригадир,— прислали к нам еще одного специалиста из управления... Так я и заявил руководству: если он чей-то друг или родственник, то пусть ему положат оклад за так, а на стройке он не нужен. Только мешает.

— Мы это уже в Главкиевгорстрое «проходили»,— поддерживает бригадира один из его команды.— Бывало, работаем, каждый занят своим делом, вдруг появляется кто-то из конторы: «озадачил», переставил людей, перенацелил — и все дело разладилось.

Тут очень четко выступает одно правило. При кооперативной организации, точно по Энгельсу, функция порождает орган, то есть берется новый человек, утверждается новая должность лишь тогда, когда появляется в этом необходимость. А в нашей всеобщей и одинаковой для всех организации сам руководящий орган определял и создавал функции, утверждал новые должности.

В дальнейшем разговоре выяснилось, что многие из бригады и ранее зарабатывали почти столько же, только для этого они, киевляне, трудились кто на Крайнем Севере, кто регулярно летал на вахту в «Тюмению», а то и сколачивал бригаду шабашников. Так что главное преимущество своего нового положения видят в том, что они — дома.

Кооператорам нет нужды в «лимитчиках», даже в учениках. Они приглашают к себе уже сложившихся мастеров. Кстати, именно в этом «грехе» их упрекают руководители Главкиевгорстроя. Дескать, мы готовим кадры, тратим средства на их обучение, даем квартиры, а они (причем лучшие специалисты) уходят потом в кооперативы.

Этот упрек, думаю, вполне обоснованный, я и высказал мастерам из бригады Григория Карбивничего.

— Не по адресу,— ответил мне один из них.— Тут вина правительства. У нас же в законах семь пятниц на неделе. Чтобы готовить смену, надо быть уверенным в будущем. А какое у нас будущее? Вот налог влупят — и крышка.

И ВСЕ-ТАКИ КОНКУРЕНТ!

Менее двух лет назад в Киеве было около двадцати строительно-промышленных кооперативов. В прошлом году — уже 180, а сейчас около трехсот. Только за прошлый год они выполнили строительно-монтажных работ (по госрасценкам, подчеркиваю) на 75 миллионов рублей, да еще на десяток миллионов оказали услуг населению. Ожидается, что к концу нынешнего года объемы удвоятся.

Это могучая сила свободного труда, которая взламывает многие преграды, кроме, пожалуй, откровенного «удушительства» и «непущательства». Конечно же, как и во всяком большом движении да еще при большом желании, тут можно найти и немало «соринок в чужом глазу». Но, если смотреть на вещи непредвзято, строительные кооперативы не дают повода для серьезных придирок. По расценкам, которые **у нас тут,** они продвигаются к качеству, которое **у них там...** Сейчас многие любуются отделкой Центра управления космическими полетами. А эту работу выполнил киевский кооператив «Терен».

В Киеве они создали свой объединенный профсоюзный комитет на правах райкома, который успел сделать для строителей больше, чем они имели за десятилетия. Созданы городская ассоциация, а также республиканский Союз строительно-промышленных кооперативов.

Все эти организации — далеко не управленческие надстройки. Они не командуют. Они лишь выполняют функции, которые предписаны их создателями. Например, Главкиевгорстрой за все послевоенные годы построил лишь... один кирпичный завод. А объединенные кооператоры уже сегодня полным ходом ведут строительство трех таких заводов. Причем два из них будут выпускать еще и черепицу. Производственные модули сооружаются, а два комплекта импортного оборудования уже закуплены.

Конечно, есть стройки, которые в одиночку трудно поднять. Скажем, чтобы пустить завод на 15 миллионов штук кирпича в год, кооператоры взяли в долю три колхоза. Те дали площадку, глиняный карьер, часть денег, за что будут потом ежегодно получать свою часть продукции. А с помощью таких могучих пайщиков, как производственное объединение «Электронмаш» и авиастроительный завод имени О. К. Антонова, строится завод на 30 миллионов штук кирпича в год. Берут кооператоры в аренду и некоторые колхозные заводишки, рассчитанные на сезонную работу. За счет переоборудования тут налаживается круглогодичное производство, что удваивает и утраивает мощности.

Привожу тут только некоторые факты и только по производству так называемых стеновых материалов. А если взять по лесу... Один из кооперативов наладил подъем топляка на Енисее. Тут тебе и экология, тут тебе и утилизация загубленных природных богатств. Правда, этот лес обходится весьма дорого — до двухсот рублей за кубометр, но когда его с умом перерабатывают и пускают в дело уже готовую продукцию — выгода есть. Нужда заставляет кооператоров быстро подхватывать инженерные новинки, внедрять современные технологии, осваивать производство прогрессивных материалов и — главное — самим выпускать их.

Теснят они, теснят по многим направлениям своих унифицированных державных конкурентов. Конечно, прибегая к спортивной терминологии, можно сказать, что кооператоры пока еще находятся в легчайшей весовой категории по сравнению с таким супертяжеловесом, как Главкиевгорстрой. Но время — на их стороне. Простой расчет показывает, что до 2000 года в Киеве надо построить 30 миллионов квадратных метров жилья. Ныне же сооружается в год лишь около полутора миллионов квадратных метров, то есть в два раза меньше, чем необходимо для выполнения намеченного. Так что без коренной переделки устаревшей организации строительного конвейера просто не обойтись.

Выход из тупика, по крайней мере на сегодня, видится только один — всячески поддержать развитие строительно-промышленных кооперативов. Свою состоятельность они уже доказали. В прошлом году кооперативное объединение «Подряд» имело 9 стройуправлений, которые выполнили работ на 25 миллионов рублей. До конца нынешнего года тут будет создано еще десяток управлений, а общая сумма выполненных работ перевалит за 50 миллионов рублей. Опережающими темпами развивается тут промышленная база. Руководство «Подряда» намерено объединить все строительство, которое ведется в городе хозяйственным способом.

Можно было бы рассказать и о масштабах благотворительной деятельности этого коллектива, его помощи ряду городских организаций, о деловых, обоюдовыгодных связях с селом... С начала года тут побывали полторы сотни делегаций из разных регионов страны, которые изучали структуру и опыт «Подряда».

Однако, чем больше доказывают свое право на жизнь новые организации, тем ожесточеннее сопротивление тех, кому они идут на смену. Можно было бы привести примеры, когда отдельные коллективы хотели бы взять в аренду свои предприятия и включиться в структуру «Подряда», но им под всякими предлогами отказывают в этом. Кооператорам не хотят передавать для выполнения работ даже такие объекты, которые на грани консервации из-за нехватки рабочих. Терпят они несправедливые ущемления и со стороны финансовых органов.

Есть вообще необъяснимые факты. Совмин республики уже полгода не может определить, является ли продукция, которую изготовляют рабочие «Подряда», то есть квартиры, жилые дома, товарами для народа. Вроде бы в них вселяются марсиане, а не очередники, которых в городе больше двухсот тысяч семей! Только за последний квартал прошлого года с объединения буквально «содрали» в виде дополнительного налога 700 тысяч рублей. Им отказывают в продаже строительной техники, которая именно в этих руках дает наибольшую отдачу. А в результате только одно объединение «Подряд» построит в этом году на 400 квартир меньше, чем могло бы. Это не прожект типа «Жилье-2000», а точный расчет, подтвержденный живым опытом.

...Есть старая притча о том, как мужик боролся с медведем. Силен медведь, да и мужик не лыком шит. Но медведь-то напал на него в лесу, и многое там было на стороне зверя. Тогда мужик и взмолился: «Боже! — сказал он.— Я не прошу тебя помогать мне. Это было бы несправедливо. Но я тебя прошу об одном, господи: не помогай медведю!»

Ныне наши руководители, законодатели, даже хозяйственники со всех трибун как заклинание произносят слова о равных правах и возможностях всех форм собственности. В жизни по-прежнему это равноправие хоронят в кабинетах, куда возвращаются, сходя с высоких трибун.

Боже, не помогай медведю!

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

ВОЗВРАЩАЕМСЯ В ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

Модной стала военно-спортивная терминология. Все пишут о победе. Одни — сил перестройки, другие — консервативных тенденций.

Кто же победил? Сегодня трудно сказать, тем более что победа одной стороны еще не означает ее абсолютную правоту. Но можно сказать, что историческая неотвратимость процессов, происходящих в стране, стала еще более очевидной. То, что происходит в государстве, в партии, даже в нашем журнале, вызревало десятилетиями, а сейчас прорвалось, и прорыв этот закономерен, у него суровые правила.

Когда Михаила Сергеевича Горбачева избирали Генеральным секретарем впервые, ЦК был поконсервативнее недавнего съезда КПСС, даже консервативнее съезда Российской компартии (Полозкова). Но ведь избрали. Конечно же, какой-нибудь Гришин был куда ближе и милее многим тогдашним членам Политбюро. Но боковым, аппаратным, ближе к инстинкту самосохранения умом они понимали, что еще один Брежневчерненко — и будет совсем плохо. Причем не только стране плохо; им плохо, лично каждому из них. И закономерность избрания Генсека периода перестройки сочеталась с надеждой заласкать его, замусолить, сломать — ведь все для этого было отработано и готово. Не удалось...

Думаю, в определенной степени история повторилась при избрании заместителя Генерального секретаря на прошедшем съезде КПСС. Ну, конечно же, овациями и другими восторгами зал показал Лигачеву все свои симпатии, уверил его в своем благорасположении. И провалил. Потому что даже самый деревянный из консерваторов ощущает сегодня хлопанье крыльев, с которым тяжелая птица истории пролетает над нашими головами. Одним эта птица представляется орлом, а другим — курицей, но никто не может отрицать, что мы, столько лет уверявшие мир, что птица эта гнездится у нас в подворье, ощутили повседневную зависимость от нее. От исторических процессов не скрыться.

Мы возвращаемся в человечество. Мы начинаем признавать, что человеческие законы и для нас писаны. Мы начинаем издавать и читать книги, которыми зачитываются другие. Мы начинаем понимать и просим понимания друг у друга, у человечества и даже у Бога.

Нас воспитывали в ненависти. Но, даже выигрывая войны, мы не смогли ощутить себя победителями. Классовые войны, разожженные нами, взрывались и разлетались осколками. Они до сих пор ранят даже с трибун партсъездов; то ли в генеральских угрозах, то ли в догматическом ужасе человека, вообразившего, что у крестьян земли будет не поровну. Счастливые дети не растут в семьях, где царит ненависть. Мы — дети своего времени и лишь учимся не сводить массу причин к простейшей; мы лишь выкарабкиваемся, лишь осмысливаем глубину и причину своих страданий.

На съездах мы платили за свою застоявшуюся официальную однопартийность. Повторяя заклинания о консолидации, нельзя было не понять, что никогда не смогут объединиться тот, кто распространяет клевету, и тот, на кого клевещут. Люди, настаивающие на единственно разумной экономической реформе, и те, кто затопывал-захлопывал любое упоминание о ней, не должны быть стянуты обручами одной-единственной партии. Категорическое нежелание делиться имуществом своим с теми, кто его заработал, отдать хоть что-то вновь создаваемым политическим организациям, тоже не делает партию сильнее и справедливее.

Вчера еще выход из этой партии был равен самоубийству — государство не прощало обид, нанесенных его хозяйке. Сегодня из партии выходят; в том числе те, кто любит Родину и желает ей блага. Надо понять всех. Как ни трудно это иным из руководителей и их подчиненным, но плюрализм становится реальностью. Обязан стать. Пресловутая статья Конституции, гарантировавшая единственной партии монопольное владение государством, отменена, но она продолжает пульсировать по-прежнему в большинстве сфер нашей жизни, тормозя их развитие в очень многих случаях.

Не все просто. На партийном съезде известный ученый и секретарь ЦК В. Медведев обвинил «Огонек» в антипартийных тенденциях. Это странно. Только что не очень известный ученый Д. Урнов в «Советской культуре» вылил на нас традиционный для мыслителей определенного рода ушат обвинений в перерожденчестве и сионизме. Это ложь.

Мы хотим быть собой, не хотим, чтобы в стране насаждалось карательное рвение и вновь, как в известных лагерях, всем на одежду шились определительные ярлыки с номером и статьей. Мы должны отрешаться от этого, иначе никогда не придем в человечество. Уроки съезда — это и уроки выхода из тех океанов ненависти, в которых тонула душа народа.

Все сводится к необходимости понять. Понять не только руководителей своей страны, но понять и шахтеров, доведенных до крайности. Понять руководителей стран Запада, которые готовы нам дать кредиты и боятся, что мы озвереем снова. Равновесия очень шатки, но История принимает нас к себе, мы опять стали причастны к ее полету и логике. Мы опять начинаем верить в себя, и нам начинают верить.

Трудные съезды и сессии пошли у нас. Но никогда еще не было такого четкого ощущения, что с плеч и душ сползает страшная, мертвящая тяжесть.

Пробьемся.

Виталий КОРОТИЧ

В связи с введением в действие Закона СССР «О печати и других средствах массовой информации» «Огонек», как и все печатные издания, должен с 1 августа 1990 года пройти регистрацию. Самое первое требование Закона к заявлению о ней — указать учредителя. Им в соответствии со статьей 7 могут быть Советы народных депутатов и другие государственные органы, политические партии, общественные организации, массовые движения, творческие союзы, кооперативные, религиозные, иные объединения граждан, трудовые коллективы, граждане СССР, достигшие восемнадцати лет.

Желая быть выразителем общенародных интересов и мнений, «Огонек» не хочет быть трибуной ни государственных органов, ни каких-либо политических, профессиональных и прочих групповых организаций и объединений. Поэтому, подтверждая свою поддержку линии журнала и его руководства, трудовой коллектив редакции решает сам стать учредителем «Огонька».

Мы исходили прежде всего из ваших интересов, дорогие читатели, и своей ответственности перед вами.

ЗАЯВЛЕНИЕ
о регистрации журнала «Огонек»

Трудовой коллектив редакции журнала «Огонек» просит зарегистрировать журнал «Огонек» как общесоюзное издание в соответствии со статьей 7 Закона СССР «О печати и других средствах массовой информации» и пунктом 2 постановления Верховного Совета СССР «О введении в действие Закона СССР «О печати и других средствах массовой информации».

В соответствии со статьей 9 Закона СССР «О печати и других средствах массовой информации» сообщаем следующие данные:

1. Учредитель: трудовой коллектив редакции журнала «Огонек».
2. Название: «Огонек».
3. Язык: русский.
4. Местонахождение средства массовой информации: г. Москва, Бумажный проезд, 14.
5. Предполагаемая аудитория: читатели, проживающие преимущественно на территории СССР.
6. Программные цели и задачи:

Целью еженедельного публицистического и литературно-художественного иллюстрированного журнала «Огонек» является распространение правдивой, объективной информации о политической, экономической, социальной и духовной жизни советского общества, о событиях за рубежом. Журнал является независимым от политических партий, массовых движений, иных общественных объединений, частных лиц и организаций.

В задачи журнала входит публикация материалов, отражающих сложившиеся в общественном мнении позиции по широкому кругу проблем; произведений литературы, изобразительного и фотоискусства, литературной критики, публицистики; оперативной информации; читательских откликов; иных материалов. Журнал ориентируется на широкий круг читателей, придерживается принципа плюрализма мнений, отстаивает собственную точку зрения по обсуждаемым проблемам.

Журнал выпускает литературные и общественно-политические приложения.

7. Предполагаемая периодичность выпуска: один раз в неделю.
8. Предполагаемый максимальный объем: 12 учетно-издательских листов.
9. Предполагаемые источники финансирования: доходы от реализации тиража журнала и приложений, от публикации рекламы и объявлений, банковские и иные кредиты, добровольные пожертвования граждан и организаций, иные источники, не противоречащие действующему законодательству.

* * *

Заявление принято на собрании трудового коллектива редакции журнала «Огонек» 16 июля 1990 г.

О том, как будут идти наши дела с регистрацией, решаться вопросы выпуска журнала, мы обещаем рассказывать своим читателям.

■

Я вступил в КПСС во время войны, скоро исполнится полвека моего членства в партии, я буду называться ветераном партии, получу золотой значок и право пользоваться льготами. Льготы немалые: ежегодно бесплатная путевка и бесплатный проезд в санаторий, бесплатный проезд и в городском транспорте, дополнительные вспомоществования, право внеочередного приобретения всего, за чем очереди тянутся годами, снабжение через спецмагазины и т. д.

Спрашивается, за что? За то, что все эти годы слепо верил обещаниям и указаниям партруководителей, а когда сомневался, то во имя диктатуры, называемой демократическим централизмом, глухо молчал? И тем косвенно способствовал тому, к чему мы пришли?

В Юрмале, рядом с пансионатом, расположен магазин-база. Продукты в изобилии, да такие, каких в простом магазине не купишь. У входа — объявление, что правом приобретения продуктов в этом магазине пользуются: ветераны партии, больные диабетом, инвалиды различных групп и так далее. Обратите внимание: ветераны КПСС — на первом месте. Они больше всех нуждаются, больше всех заслужили? Так во многих городах. Недавно партработникам заметно повысили зарплату. И лишь немногие из них почувствовали угрызения совести и отказались от добавки. Среди ветеранов КПСС много бывших партруководителей. Может, они тоже откажутся от незаслуженных льгот? Лично я так собираюсь поступить, если эти льготы не отменят. Иначе от этих замаскированных привилегий мы никогда не избавимся.

Н. НИЦЕНКО,
ветеран войны
Чернигов

■

Бедственное положение наших библиотек и архивов уже не раз обращало на себя внимание нашей общественности. Со стихийными бедствиями, которые можно было предотвратить (вспомним пожар в библиотеке Академии наук), с «успехом» соперничают у нас хозяйственная некомпетентность и легкомыслие, труднообъяснимые в тех ситуациях, когда речь идет о национальных святынях.

Сегодня опасность угрожает бесценным материалам отдела рукописей Института мировой литературы имени Горького АН СССР — архивохранилищу, которое обладает наиболее полными в мире фондами С. Есенина, А. Толстого, Д. Фурманова, Е. Замятина, автографами А. Блока, М. Булгакова, И. Бунина, Б. Пастернака и др. Сейчас многие произведения этих авторов переиздаются, но сколько материалов, до сих пор не опубликованных, может погибнуть, так и не дойдя до читателя. Условия, в которых содержится архив, мягко говоря, далеки от идеальных и не отвечают даже правилам противопожарной безопасности. В марте этого года отдел рукописей был закрыт Госпожарнадзором (в институте за последние полгода было уже два пожара!). Отделу было предложено новое помещение — склад треста «Мосстроймеханизация» в Красногвардейском районе столицы. Но и в этом помещении не предусмотрена противопожарная безопасность, кроме того, содержание сернистого ангидрида, разрушительно действующего на бумагу, в этой промышленной зоне в четыре раза превосходит предельно допустимые нормы.

В свое время администрацией ИМЛИ отделу рукописей было обещано помещение в доме № 27 по улице Воровского, однако сейчас речь идет только о складе «Мосстроймеханизации». Необходимо как можно скорее закончить ремонт дома на улице Воровского и перевести в это помещение ценнейшие материалы отдела рукописей ИМЛИ. Не будем забывать, что речь идет о сохранении нашего культурного достояния.

В. САЖИН, М. ПАВЛОВА
и другие (всего 33 подписи)

■

Вышел в свет Закон о СПИДе, который должен начать действовать с 1 января, основная ответственность ложится на нас — медработников. Думалось, что по этому поводу начнется какая-то подготовительная работа. Увы. Мы даже до сих пор точно не знаем, как правильно обрабатывать наконечник и бор скоростной бормашины в наших стоматологических кабинетах. Смена бора производится по мере прихождения его в негодность, а это — несколько, а иногда много дней. В день я принимаю около тридцати посетителей. От СЭС получено распоряжение: протирать бор перекисью водорода и 70-процентным спиртом. Эта обработка на практике занимает несколько секунд после каждого больного. Разве этого достаточно? Ведь бор, как правило, в крови... И еще одно. На мой взгляд, должно быть предписание или распоряжение по более тщательному контролю за обработкой инструментов. Не каждая санитарка достаточно грамотна. Всё моют голыми руками: инструменты, раковины, плевательницы. На все один ответ: недостаточно дезрастворов, не хватает перчаток...

Мы, стоматологи, обеспокоены. Поднимаю этот вопрос потому, что не уверена, что во всех стоматологических учреждениях страны готовы к работе в обстановке эпидемической опасности заражения СПИДом. Все хорошо знают, что из-за кризиса всего нашего хозяйства стране катастрофически не хватает одноразовых инструментов. И все-таки как же будет решаться этот вопрос для стоматологической службы? Или будем ждать, когда грянет гром?

Единственное, что пока успокаивает,— это сообщение СЭС нашего города, что вирус СПИДа у нас еще не обнаружен. Слава богу!

Т. КУЗНЕЦОВА,
стоматолог
Томск

■

Я прочитала в «Огоньке» № 22 за 1990 год ваше предложение начать Международное Игрушечное Разоружение. Мы с братишкой согласны, что это очень хорошо, и готовы в этом участвовать. Но если мы уничтожим все наши военные игрушки, то во что мой брат будет играть? Ведь в наших магазинах нет не только продуктов, но и детских игрушек! Как-то я видела в магазине мягкие игрушки, но их было всего два вида, и за ними стояла огромная очередь.

Почему несколько лет назад в магазине еще были какие-то игрушки, а сейчас их нет? Ведь делают военные игрушки на батарейках, так почему нельзя сделать на батарейках луноходы, машины? Почему нельзя для своих же детей сделать игрушки заводные и говорящие? Ведь за границей какие отличные игрушки делают — вы же видели, правда? И кукол нет совсем...

Вряд ли дети отдадут свои военные игрушки, если взамен папа с мамой им ничего не купят.

Настя и Петя БОЙКО
Владивосток

■

С ноября 1985 по март 1990 года я преподавал на английском языке технические предметы в Высшем институте электроники в Ливии.

Все эти годы советская сторона отбирала у меня около 80 процентов моей зарплаты до тех пор, пока ливийская сторона не поняла, что это грабеж, и не прекратила выписывать чеки с моей зарплатой на счет ВО «Техноэкспорт». Мне был открыт счет в ливийском банке, как и всем преподавателям из других стран. Кстати, в этом институте до меня работало пять советских преподавателей, и «Техноэкспорт» ни за что ни про что получил круглую сумму (около 8 600 000 динар).

И вот теперь, когда я вернулся в Союз, в Гособразовании мне сообщили, что мой счет во Внешэкономбанке арестован ими на основании телефонного звонка из «Техноэкспорта». Оказывается, я нанес ущерб государству. Советская сторона, не потратив на меня ни копейки, получила от меня примерно 850 000 динар. Хороший ущерб, не правда ли? Даже по тому драконовскому закону о налогообложении, который вступил в действие с 1 июля этого года, я уплатил советской стороне все.

Кстати, если сравнить положение советских преподавателей с преподавателями, допустим, из Польши или Чехословакии, то с советских при той же зарплате родное государство берет в десять раз больше. Это разве не грабеж?

А. МАЛЬЦЕВ
Тбилиси

■

Я, курсант военного училища, бывший суворовец, бывший член КПСС со стажем полтора года, отличник учебы и так далее, лишен надежды получить высшее образование за два месяца до госэкзаменов (и это после шести лет учебы!) только потому, что сознательно уверовал в Иисуса Христа.

Я хотел бы знать: как часто у нас так поступают и справедливо ли это? Кстати, не мешало бы вспомнить ленинский принцип свободы совести. Как люди, так поступившие со мной, могут считать себя коммунистами-ленинцами? Как могут они что-то перестраивать, если не знают и не хотят знать, что такое Личность, что такое Человек?

Видимо, их полномочия и власть решают далеко не те проблемы, которые надо было бы решать.

Неужели христианин не может быть офицером-инженером? До каких пор будут говорить одно, а делать другое?

Когда страна в таком тяжелом экономическом положении (другие области нашей жизни я уже не беру), как можно препятствовать человеку получить образование инженера, когда до завершения образования осталось всего-то ничего?

Неужели некому спросить с таких людей за их отношение к Личности?

Я верю в Христа, в торжество справедливости не на словах, а на деле. Прошу вас помочь разобраться в этой проблеме, в этом проявлении беззакония.

О. НЕРОДИН,
курсант
Харьков

■

23 февраля этого года скончался известный поэт Давид Самойлов. Власти города Пярну, где он жил последние пятнадцать лет, приняли решение о создании в этом доме музея. За счет города был произведен ремонт дома, и 1 июня, в день семидесятилетия поэта, в торжественной обстановке была открыта мемориальная доска. На открытии присутствовали представители прессы и эстонского телевидения.

Сейчас идет подготовка экспозиции музея. Осенью он должен открыться для посетителей.

Это ли не пример истинного уважения к культуре независимо от ее национальной принадлежности!

В. ПЕРЕЛЫГИН,
член общественного совета
дома-музея Давида Самойлова

Для тех, кто хочет помочь созданию музея, сообщаем номер счета: 203600, г. Пярну, Эстония. Отдел культуры Пярнуского горисполкома. Расчетный счет 142822 в Пярнуском отделении Агропромбанка (для дома-музея Давида Самойлова).

■

На выставке в Риге и Юрмале я впервые экспонировал свою картину «Апофеоз», вызвавшую много споров. Поступало большое количество предложений растиражировать ее в репродукциях. Право на репродуцирование картины я передал рижской фирме «Иника». Фирма, сделав цветоделение и макет (операции, необходимые для цветной печати), передала материалы в типографию Минской фабрики цветной печати.

Когда уже были отпечатаны сигнальные экземпляры, приехали «люди из госбезопасности» и все забрали (по словам работников типографии). Видимо, делу предполагалось дать ход, однако, получив информацию о том, что картина широко известна, дело заводить не стали. В то же время мне поставили условие: материалы не могут быть отданы, пока Главлит не даст разрешения на печатание картины. Латвийский Главлит отказывается «давать визу», поскольку по нынешним законам в его компетенцию входит лишь охрана государственных тайн, а в моей картине государственных тайн не содержится.

«Люди из госбезопасности» Минска

на это обстоятельство внимания обратить не захотели и отказались выдать какие-либо официальные документы по поводу «задержания» картины. Прошло уже больше месяца, и я не могу понять: это конфискация, арест или просто кража и сколько времени это будет продолжаться? И вообще, возможно ли такое сегодня? Я бы поехал сам выяснять, но, честно говоря, теперь опасаюсь, эдак и самого «конфискуют»...

Не видя другого выхода, я обращаюсь к общественности и к КГБ Белоруссии через прессу. Помогите вызволить картину из органов госбезопасности. Там не место картинам. А если ее нельзя публиковать, то пусть это подтвердит официальный документ с указанием причины.

А. НАБАТОВ
Ленинград

■

Постановление Съезда народных депутатов СССР «Об усилении борьбы с организованной преступностью» должно положить начало практическому решению давно назревшей проблемы.

Но мало принять хорошее решение, надо, чтобы оно реально выполнялось. Проработав на следственной работе в органах прокуратуры двадцать два года, я пережил немало кампаний, проходивших под девизом «улучшить, усилить, потребовать, коренным образом перестроить» и т. д.

Вот и теперь я с грустью смотрю на лежащую передо мной на рабочем столе стопку новых приказов и указаний Генерального прокурора Союза ССР, прошедших по всем ступеням ведомственной лестницы, с соответствующими визами для непосредственного исполнения: «О координации в работе...», «О неотложных мерах по улучшению...» и т. д. Смотрю и думаю, какими силами и средствами все это реализовать. Все эти благие пожелания не подкрепляются кадровыми и материально-техническими ресурсами.

В прессе давно обсуждается вопрос о создании специального следственного комитета. Большинство работников следствия поддерживает это предложение. Надо безотлагательно создать единый следственный аппарат, по-настоящему способный погасить волну преступности.

Противники следственной реформы ссылаются главным образом на отсутствие материальных средств для ее осуществления. Да, без определенных вложений ничего создать невозможно. Но в данном случае дополнительных затрат практически не потребуется. Достаточно лишь объединить уже выделяемые на это средства, разбросанные по разным ведомствам, и разумно их использовать.

Кроме того, я думаю, что и в следствии можно применять некоторые формы хозрасчета. Взять, к примеру, дела о преступлениях в сфере экономики — приписки, выпуск бракованной продукции, нарушения правил охраны труда, преступная халатность и т. д. Как правило, подобные дела сложны для расследования, объемны, требуют больших затрат времени и труда следователя, в конечном счете — немалых материальных затрат, которые можно оценить в денежном выражении и взыскать с предприятий, где допускаются эти правонарушения.

Существующие сейчас так называемые Временные Комитеты по борьбе с преступностью не играют сколько-нибудь заметной роли в организации работы правоохранительных органов — либо в силу некомпетентности, либо из-за формального отношения к делу.

Невольно возникает мысль, что кому-то выгодно иметь слабый следственный аппарат в органах прокуратуры, ведь именно ему наряду с делами о преступлениях против личности подследственны дела о должностных и хозяйственных преступлениях.

В. МЕНЬШИКОВ,
начальник следственной части прокуратуры Удмуртской АССР

■

Мы представляем одну из групп японских граждан, сердца которых глубоко волнует ущерб, нанесенный чернобыльской радиацией. По сообщениям японских газет, мы представляем себе страдания жителей Украины и Белоруссии. Особенно беспокоит судьба маленьких детей, пострадавших от радиации. Мы тоже имеем детей, и эта беда не может оставить нас равнодушными.

Мы узнали из разных источников, что требуется помощь пострадавшим от радиации. Нас потрясло послание архиепископа Белоруссии, помещенное в австрийской газете «Курьер». В адрес нашего друга, доцента Нагойского технологического института Ямадзато Макото, поступило письмо от научного сотрудника Математического института имени В. А. Стеклова АН СССР с призывом помочь пострадавшим.

27 и 28 апреля 1990 года в Токио перед нами выступили А. Адамович и врач из Киева А. Яковлев. Услышав их рассказ, мы решили начать конкретно с самого возможного.

Атомные станции есть везде, и ваша беда может завтра постичь и нас. По горькому опыту Хиросимы и Нагасаки мы знаем, как долго могут длиться страдания от радиоактивного поражения. Чернобыльское излучение «долетело» до удаленной на 8000 километров Японии.

Мы хотим рассказать японцам о размерах чернобыльского бедствия, развернуть, насколько можно, организацию помощи. Мы неправительственная организация, поэтому не можем полностью оправдать надежды, но мы сделаем все, что в наших силах.

Для того чтобы направить свои усилия в нужную сторону, для принятия конкретных мер по оказанию помощи мы хотим знать: какие и где существуют организации по борьбе с чернобыльским бедствием, какова степень загрязненности Украины и Белоруссии, какое количество пораженных, каковы прогнозы на будущее. Сообщите нам, какая конкретная помощь нужна, можно ли нужные предметы приобрести в СССР (например, медтехнику и лекарства); если возможность есть, то сколько это стоит. Есть ли возможность отправить чистое молоко? Если планируется строительство больниц, то сообщите, пожалуйста, необходимые расходы, назовите оборудование, которым мы могли бы помочь.

Но мы хотели бы иметь гарантии надежной доставки денежных средств и материалов для чернобыльских пострадавших, особенно для детей.

Было бы хорошо, если бы нашлась возможность принять кого-либо из нашей группы для ознакомления с обстановкой в целях оказания помощи.

Томура КЁКО,
представитель группы «Чернобыль» района Тюбу
Япония

■

...В Рыбинске прекратилась работа киноклуба «Современник». Ситуация и ее предыстория нестандартны, но для наших дней симптоматичны. Стаж клуба 20 лет. Он был создан на общественных началах Б. Крейном, человеком с безошибочным эстетическим чувством, специалистом с высшим киноведческим образованием. Рыбинск многим обязан «Современнику», ставшему местом свободомыслия и независимого слова, одним из очагов истинной культуры в жизни провинциального городка. Встречи с А. Тарковским, К. Муратовой, А. Сокуровым, С. Соловьевым, фильмы Феллини, Бергмана, Фассбиндера — множество интересных вечеров. Но главное — это особая атмосфера, определяемая, безусловно, личностью Крейна.

Изменившаяся ситуация в стране — это, естественно, деформация традиций и стереотипов. Закономерным шагом от оппозиционного просветительства стало участие Крейна в создании группы Народного фронта в городе. Тут и осложнилась ситуация. У председателя «Современника» не складываются отношения с руководством ДК «Авиатор». В заводской газете появилось несколько крайне резких и недоброжелательных статей. Выдвижение Крейна кандидатом в депутаты городского Совета от историко-художественного музея еще более драматизировало ситуацию и фактически решило судьбу «Современника». Отношение администрации к Крейну было заявлено на страницах городской газеты. Несмотря на множество писем в поддержку Крейна, редакция «Верхневолжской правды» заняла позицию администрации.

Каков же итог? Победа дисциплинарных норм над действительно творческим и интересным делом, отказ от человека, немало сделавшего для города, удовлетворенные амбиции? Мы вновь и вновь теряем, ничего не приобретая.

С. СМИРНОВ, Е. МАРАСИНОВА
Рыбинск

■

26 июня 1990 года районный суд Ашхабада рассматривал дело о привлечении к ответственности членов неформальной организации «Агзыбирлик» Н. Нурмамедова, Ш. Нурмурадова, М. Сахатова за организацию несанкционированного митинга.

22 июня 1990 года в сквере у памятника Махтумкули собрались около 25 членов инициативной группы этого неформального объединения и работники партаппарата, милиции и прокуратуры. Ни митинга, ни собрания там не было. В этом можно убедиться, посмотрев видеоматериал, заснятый работниками милиции, а также радиотелевизионной компанией ABC (Австралия). Что было? Были собраны подписи под заявлением Верховному Совету, Совету Министров и Министерству юстиции Туркменской ССР о регистрации организации «Агзыбирлик» и разъяснены отдельные положения проекта новой программы организации. Уже там, на месте, аппаратчики заявили, что они еще будут определять, митинг это или нет.

В тот же день майор Н. Валюнин составил протокол, и ночью были разнесены повестки.

...25 июня в Ленинском нарсуде был разыгран настоящий фарс при участии нарсудей Мамедяровой и Дурдыева. У нас были пожелания: мы не хотели, чтобы нас судил член компартии, и хотели, чтобы у нас были адвокаты, которых найдем мы сами. В ходе разбирательства мы просили о том, чтобы были допрошены свидетели и просмотрен видеоматериал. Кроме того, нам хотелось, чтобы заседание велось на туркменском языке. Обо всем этом ходатайствовал адвокат, назначенный судом. Но ни одна наша просьба не была удовлетворена.

Нас присудили к выплате огромных штрафов, а против одного из лидеров неформальной организации «Агзыбирлик» возбуждено уголовное дело.

На сессии Верховного Совета Туркменской ССР была принята поправка к Конституции республики, согласно которой новые общественно-политические организации могут создаваться при согласии двух третей списочного состава депутатов Верховного Совета республики. Если же учесть, что 90 проц. депутатов — партийные функционеры, то практически в Туркмении действует и будет действовать однопартийная система. Нынешнее положение в нашей республике можно сравнить с состоянием советского общества 10—20 лет назад.

Очень надеемся, что наши депутаты скажут свое слово в защиту демократии и гласности в республике.

Н. НУРМАМЕДОВ,
Ш. НУРМУРАДОВ,
М. САХАТОВ
Ашхабад

ДИАГНОЗ: «ХОМО СОВЕТИКУС»

Мы охотно критикуем собственные недостатки, но не любим, когда за нас это делают другие. Предлагаемое вашему вниманию интервью наверняка вызовет неоднозначную реакцию — ведь затронута весьма щепетильная тема. Но мы решили его все-таки напечатать, поскольку в нынешней трудной, тревожной обстановке совсем нелишним может оказаться беспристрастное зеркало, взглянув в которое, возможно, откроешь что-то новое в самом себе, поймешь, как поступать дальше.
Своими наблюдениями с читателями делится доктор психологии из Калифорнии Фрида Порат. Она занимается менеджментом и психотерапией, ведет популярную передачу на радио, выпустила восемь книг, среди них такие: «Самоуважение», «Как преуспеть в бизнесе и любви», «Равноправное партнерство». Беседует с Фридой ПОРАТ корреспондент «Огонька» Людмила САЛЬНИКОВА.

— В последнее время многие из нас задаются вопросом: «Ну за что нам посланы такие испытания? В чем мы так сильно провинились перед историей? Может, мы не такие, как все?» Как вы, госпожа Порат, относитесь к популярному выражению «хомо советикус», которое подразумевает, что в Советском Союзе «выведена» невиданная доселе порода людей, которые одни только и могли построить то, что построили? Только давайте откровенно, обещаю, что обид не будет.

— Надеюсь, что вы поймете меня правильно. Я люблю вашу страну, искренне желаю успеха начавшимся переменам. Да и как может быть иначе, ведь мои родители — выходцы из России, мама до последнего дня своей жизни мечтала вернуться на родину. Кроме того, перед вами не праздный турист, а профессиональный психолог. Беру на себя смелость утверждать, что «хомо советикус» — это диагноз. Да-да! Вы ищете выход из кризиса в экономических, политических реформах, но совершенно не вспоминаете о психологии. Почему? Любые, самые мудрые решения претворяют в жизнь конкретные люди. Что лежит в основе их поступков? Могут ли они справиться с возложенной на них задачей? Тут-то, мне кажется, и кроется главная причина нынешнего тяжелого положения у вас в стране. В чудовищном тоталитарном государстве, созданном Сталиным, были невероятно деформированы представления о добре и зле, все происходившее напоминало дурной сон. Представляете, как искривлялось сознание людей!

— У меня в руках очень интересная книга. Называется она «Советский человек». Позвольте привести из нее маленький отрывок: «История советского человека как социалистической личности, несмотря на своеобразие и в некоторых отношениях даже неповторимость, содержит в себе существенные черты всеобщего порядка, касающиеся решения сложных социальных проблем формирования новой личности во всех странах мира». Ни много ни мало! Как вы оцениваете это высказывание?

— Как и вы, наверное. Вам предстоит избавиться от множества застарелых стереотипов и заблуждений, осознав их нелепость. Без этого невозможно что-либо изменить в вашей жизни к лучшему.

— Как вы впервые почувствовали наше «сумасшествие»?

— Два года назад я впервые приехала к вам и чуть ли не с трапа самолета попала в Большой театр. Восхитительный театр, прекрасная балетная труппа! После первого действия я вскочила со своего места и зааплодировала. Вдруг все в зале встают, поворачиваются в мою сторону и тоже аплодируют. Что такое? Неужели я столь важная персона? Наконец сообразила: по соседству расположена правительственная ложа. Первые лица государства одобрительно захлопали артистам — и публика вслед за ними, перестали аплодировать — и зал мгновенно смолк.

«И это называется демократией?» — подумала я. Такое невозможно представить ни в какой другой стране! Здесь люди панически боятся принимать самостоятельные решения, даже думать боятся. Потом много раз убеждалась: вы не любите альтернатив. Либо да, либо нет. Либо жизнь, либо смерть. Вас преследует страх выбора. Но где нет выбора, там нет творчества, нет свободы — главных ценностей жизни!

— Дело в том, что слово «личность» появилось у нас в обиходе сравнительно недавно, до этого в ходу были совсем другие слова: «народные массы», «человеческий фактор». Наш известный педагог А. С. Макаренко в свое время с гордостью сказал, что «человек, у которого коллективная перспектива преобладает над личной, является уже человеком советского типа». Из нас воспитывали людей-винтиков, самое страшное для которых — оторваться от остальных. Может ли человек-винтик отважиться на самостоятельный поступок?

— Позвольте, но тогда жизнь сводится к биологическому существованию. Часто звоню кому-то по делу в девять-десять утра, а мне говорят: он еще спит. Как? Ведь утренние часы самые продуктивные! Почему человек отказывается наслаждаться каждым мгновением жизни, а предпочитает спать, то есть заниматься самоубийством? Или день и ночь смотрит телевизор, слушает радио — лишь бы отгородиться от действительности каким-то шумом?

— Вашей бодрости и энергии можно только позавидовать. Знаете, какое самое характерное наше состояние? Непроходящая усталость, когда уже ничего не хочется. Почему так?

— Ваша усталость не физического, а психологического происхождения. Когда в душе нет покоя, удовлетворенности, ничто не приносит радости. У вас не хватает энергии на полнокровную жизнь. Откуда берется энергия? Ее дают свобода и внутренняя независимость. А их, в свою очередь, приносит экономическая самостоятельность. Вы называете нас, капиталистов, хищными акулами, которые только и делают, что гоняются за богатством. Но разве нищий может быть свободным в своих желаниях и поступках?

— Знаете, что заметил по этому поводу Н. Бердяев, запрещенный до последнего времени у нас философ? «В новом советском человеке,— писал он,— происходит не только страшное умаление свободы, но исчезает самый вкус свободы, самое понимание того, что такое свобода». Но, может, спокойнее жить, ничего не решая, ни за что не отвечая?

— Свобода — это в первую очередь чувство личной безопасности. Когда, скажем, я сажусь в машину, то уверена, что никто не помешает мне доехать до нужного места; покупаю в магазине продукты и знаю: если я заплатила, мне гарантируют, что в них нет ядовитых нитратов; открыто выражаю свои мысли, убеждения и не озираюсь испуганно по сторонам. Иными словами, я никогда не сомневаюсь в личной безопасности и потому чувствую себя хозяйкой собственной судьбы. Коли так — у меня появляется потребность действовать, преобразовывать мою жизнь.

Заметьте, что я все время рассуждаю как психолог, а не как политик, то есть рассматриваю лишь внутренние, психологические причины вашей хронической подавленности. Вы живете в полной неопределенности, никто не знает, что может случиться завтра. В массе своей вы очень бедны, вынуждены себе во многом отказывать. А поскольку невозможно все время страдать от несвободы, ущемленности, тревоги, вы спасаетесь бегством в апатию, в сон, убеждаете себя, что ничего не хотите.

Знаете, однажды я испытала нечто подобное. Пришла купить билет на самолет в интуристовскую кассу, а там невообразимая очередь. Первое желание — немедленно уйти. Но билет очень нужен. Тогда я подумала: есть редкая возможность, что называется, влезть в шкуру советского человека, который ежедневно выстаивает уйму очередей. Почему бы не остаться и не провести психологический эксперимент? Первый час была как на иголках: нервничала, бегала к телефону, чтобы отменить деловые встречи. Мне хотелось убить кассира или кого-нибудь из очереди.

— ...у меня время от времени тоже появляется такое желание...

— Но вот пошел второй час ожидания и — о чудо: мне стало спокойно,

Фото Джоди КОББА

Фото Энди ЛЕВИНА

Снимки из фотоальбома «Один день из жизни СССР». Издательство «Коллинз паблишерз».

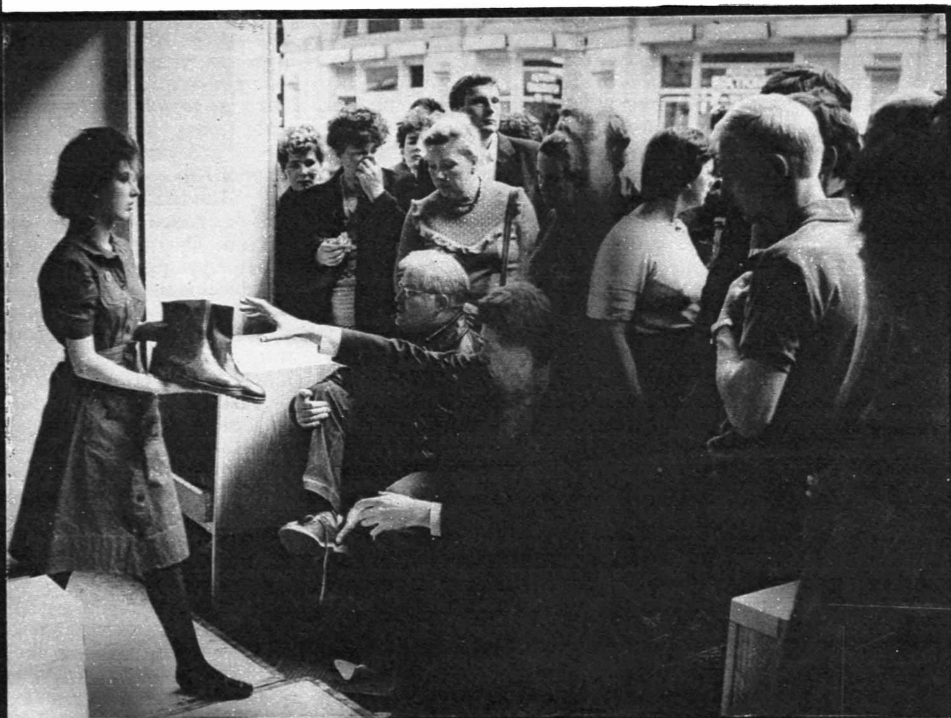

Фото Рика СМОЛАНА

Фото Торина БОЙДА

я впала в какой-то транс — как психопатка! Чувствую, что теперь я готова стоять хоть до утра. Поэтому, когда к концу третьего часа моя очередь подошла и женщина в окошке объявила, что надо было стоять в другую кассу, у меня не случился разрыв сердца или нервный припадок. Невозмутимо, как нормальный советский человек, я начала проталкиваться в новую очередь, повторяя: «Пустите, я уже стояла». Мне посочувствовали и пустили.

— Как все это знакомо! Знаете, мы все время спрашиваем друг у друга: «Почему мы все это терпим?» И... продолжаем терпеть. Недавно разговаривала с одной пожилой женщиной из подмосковного села. Она ругала на чем свет стоит паникеров: «Что это все кричат о повышении цен? По радио же передали, что на хлеб не повысят». Понимаете, она заранее готова перейти на хлеб и воду, не задумываясь, что за свою жизнь заработала, наверное, немного больше, чем на тюремный паек. Откуда такая необъяснимая покорность судьбе?

— Как раз вполне объяснимая. Когда человек живет в постоянном напряженном ожидании беды, которая неизвестно откуда придет, у него рано или поздно вовсе исчезает чувство опасности. Он, словно загипнотизированный, перестает реагировать на признаки реальной угрозы.

Меня поражает, что вы никогда не строите планов на будущее. Как без этого можно за что-нибудь браться? Я, например, твердо знаю, что стану делать в следующем месяце, чем займусь через год, чего смогу добиться через десять, двадцать лет. А мои московские друзья всегда живут сегодняшним днем, главная забота — достать (словом «купить» вы не пользуетесь) что-нибудь из еды или одежды. Зашла в продовольственный магазин, там толпа за колбасой. Спрашиваю продавщицу: «Много у вас колбасы?» Она отвечает, что хватит еще человек на десять. Я поспешила предупредить тех, что стоят в конце очереди: «Не теряйте зря времени, вам не хватит». Они смотрят на меня враждебно и не двигаются с места. А вдруг еще поднесут? В общем, мы друг друга не поняли...

— Вы говорите, что советские люди не заглядывают в завтрашний день. А как насчет нашей страсти планировать все и вся?

— Вы же сами видите результаты... Как могут заниматься планированием чиновники, у которых психология временщиков? Они, я думаю, острее других чувствуют собственную незащищенность, ненадежность своего положения. У них одна мысль — скорее, скорее взять от своей должности как можно больше, пока наверху сидит нужный начальник. Они не смеют хоть чем-нибудь рисковать, поэтому стремятся вообще не принимать никаких решений. Я еще совершенно не знала русского языка, но одно выражение засело в голове твердо: «надо подумать». Так отвечали мне, не сговариваясь, чиновники, к которым я обращалась с деловыми предложениями. Пойди узнай, сколько они будут думать и до чего додумаются. Еще одно любимое у вас словечко: «договорились». У бизнесменов это означает, что вопрос решен. В вашей стране такой ответ ни к чему не обязывает. Сколько раз мне жали руку, улыбались, повторяли, что обо всем договорились, и... ничего не делали. А потом встречались со мной как ни в чем не бывало, снова приветливо жали руку.

— Нас с пеленок учили, что капиталисты — беспощадные эксплуататоры и кровопийцы, у которых нет никаких моральных принципов. Может быть, у наших чиновников срабатывает «классовое чувство»?

— Мои деловые партнеры в СССР всегда удивляются, когда я их убеждаю, что капитализм заставляет предпринимателей быть честными, надежными людьми. Именно так! Если ты хоть раз поступил непорядочно, нарушил обещание, вообще, если ты необаятельный, с плохим характером человек, с тобой никто не захочет иметь дела. К сожалению, ваши ответственные работники плохо продвигаются к пониманию этой истины. Они почему-то считают, что уклончивость и необязательность в деловых контактах скорее приведут к успеху. Кстати, заметила, что взаимопонимание во время переговоров быстро налаживается, когда вынимаешь из сумки подарок. Для нас, американцев, такой стиль сотрудничества непривычен, он непрофессионален и неэтичен.

— Коль скоро мы заговорили о бизнесе — с какими деловыми предложениями вы к нам приехали?

— Я мечтаю открыть в разных городах вашей страны женские центры. Чтобы уставшая от тяжких ежедневных забот советская женщина, обратившись в такой центр, смогла бы получить и совет и помощь по самым разным вопросам: как поддерживать здоровье и пользоваться контрацептивами, как модно одеваться и красиво двигаться, как добиться успеха в карьере и наладить гармоничные отношения с мужем и детьми, как, наконец, наравне с мужчинами участвовать в политической жизни.

Ваши женщины не только великие труженицы, они еще потенциальные красавицы. Но поскольку их материальные возможности очень скромны, они махнули на себя рукой. Я хочу помочь им раскрыть свои таланты, свою женственность. Ведь для женщины внешность — важный элемент карьеры.

— Кто, по-вашему, больше «хомо советикус» — мужчины или женщины?

— Женщине для самоутверждения вполне достаточно быть привлекательной. А вот представитель сильного пола, чтобы не чувствовать себя неполноценным, должен активно участвовать в государственных делах, бизнесе, иметь власть, деньги. Поэтому ваши мужчины, думаю, больше страдают всякими «комплексами». К тому же мужская психика менее пластична, чем женская.

— Тем не менее у нас есть и такие, кто имеет и высокие посты, и деньги...

— ...что не мешает им поставить тот же диагноз. Однажды в Калифорнии мне пришлось провести целый день с женой одного вашего ответственного работника. Знаете, как надменно она держалась, сколько у нее было амбиций! Наверное, целый час она рассказывала, что покупает в особом магазине красивую одежду, пользуется услугами парикмахера из международного центра. Очень жаловалась, что теперь приходится самой ходить за продуктами в спецраспределитель (так, кажется, у вас называют буфеты для начальников?), а раньше все доставляли прямо домой. Она так привыкла упиваться собственной значительностью, что совершенно не учитывала, где находится. В Америке ее хвастовство может вызвать только снисходительную улыбку. Ваши высокопоставленные работники не понимают, что получать недоступные большинству квартиры, дачи, одежду, иметь больше, чем у других, ковров, драгоценностей, машин — вовсе не значит быть аристократами.

Советская пропаганда долго твердила, что у вас нет классового неравенства. Простите, но такого жесткого деления на простых смертных и избранных я нигде не встречала. Взять хотя бы нас, иностранцев. Когда стюардесса ведет меня в самолет без очереди и я прохожу мимо женщин с маленькими детьми на руках, становится стыдно. Почему ко мне такое повышенное внимание? Только потому, что у меня есть доллары?

— У нас действительно сложился «новый класс», который выстроил для себя наглухо отгороженный от остальных мир. А знаете, где мы, простые смертные, нашли свое прибежище? На кухне! Достаточно сойтись в гостях друзьям, даже просто знакомым, как они забиваются в тесную кухню и за чаем или чем покрепче начинают извечную русскую тему: «что делать?», «кто виноват?»... После таких излияний (и возлияний) легче становится. Вы с этим сталкивались?

— Я жила в советских семьях и не раз участвовала в таких кухонных посиделках. Сначала была в шоке. У вас все философы! За обеденным столом вы откровенно обсуждаете сложные духовные и нравственные проблемы. У американцев такое общение не принято. Только о погоде, счете в банке, новой машине. Русская душа действительно очень глубока и богата, Толстой и Достоевский могли родиться только у вас.

Как психолог, я хорошо понимаю вашу тягу к задушевным беседам. Когда человек несчастлив и подавлен, живет в тревоге, не уверен в завтрашнем дне, он чувствует себя очень одиноко. Ваши разговоры «на троих» — это психотерапия. Ты выслушаешь меня, я выслушаю тебя. Нам на время будет не так одиноко. Согласитесь, человек, у которого нет внутреннего разлада, не станет откровенничать со всеми подряд.

— Получается, что нас объединяет не искреннее душевное влечение, а какая-то корысть?

— Не совсем так. Голого расчета, конечно, нет. Но в ваших условиях, когда элементарного нельзя получить без личных знакомств, дружба волей-неволей переплетается с делом. «Нужные» знакомства у вас значат гораздо больше, чем деньги. На самые искренние отношения в таком случае ложится легкая тень...

— Вы заговорили об искренности и наступили на больную мозоль. Нам десятилетиями приходилось жить с двойной-тройной моралью. Одно надо было говорить с трибуны, другое думать про себя, что-то третье сочинять для детей. Шизофреником можно стать! Кому-то проще показалось вообще отказаться видеть очевидное. Мне попалась любопытная мысль Германа Гессе о том, что человек «не может жить и работать... не натянув над своей постелью густой сетки систем, условностей, абстракций, упрощений... Он... создает себе из гремящего мрака мира некий порядок, некую географическую карту, предпочитая жить на плоскости, а не в многомерном пространстве...». Не потому ли некоторые наши соотечественники упорно «не могут поступиться принципами», которые давно завели страну в глухой тупик? Может быть, у них просто не хватает мужества трезво взглянуть на реальность?

— У советского человека долгое время существовало две ссылки: внешняя и внутренняя. От внешней удалось, наконец, избавиться. А вот выбраться из внутренней ссылки гораздо труднее. Вы, например, по-прежнему очень сдержанны в общении, особенно с иностранцами. Я познакомилась в Москве с одним умным, интеллигентным человеком по имени Владимир. Чувствую, что он относится ко мне с симпатией, но во время разговора предпочитает отмалчиваться. Я не выдержала и спросила: «Вы мне не доверяете?» Он смутился, стал извиняться, а потом поведал такую историю. Друга его отца расстреляли в тридцать седьмом году за то, что он рассказал политический анекдот. Родители назвали сына в честь своего друга Володей, чтобы имя всегда напоминало: не говори ничего лишнего! Разумеется, сейчас мой знакомый по имени Владимир ничего не боится, но привычка утаивать свои мысли стала второй натурой, избавиться от нее невозможно.

К счастью, в самые мрачные времена у вас были люди, которые любым выгодам предпочитали честность. Сахаров, скажем. Да, они работали в стол, их преследовали, но их душа оставалась свободной. Таких людей я сразу отличаю по живым глазам, по внутреннему огню, который они не позволили в себе задуть.

— Но были и такие, кто сказал себе: «Я один ничего изменить не могу». Что вы скажете о них?

— Их тоже легко узнать. Избрав такую позицию, они рано или поздно должны были почувствовать собственную моральную неполноценность.

— И в кого превратиться?

— Скорее всего стать ярыми борцами с «инакомыслящими», причем методы использовать самые грубые: оклеветать, очернить идейного противника, разоблачить в нем «врага», ведь он — живой укор совести.

— Вы знакомы с деятельностью «Памяти»?

— Да, появление этой организации психологически вполне обусловлено.

— Вы заметили — в разговоре с вами я почему-то все время на кого-нибудь ссылаюсь? Сейчас мне очень хочется процитировать Андрея Дмитриевича Сахарова, который в одной из своих статей писал, что советского человека «...дрессируют — и он поддается дрессировке, чтобы жить. Он обманывает самого себя. Советский гражданин — порождение тоталитарного общества и до поры до времени — его главная опора». До какой же поры, как вы думаете?

— До той самой, пока вы, наконец, не осознаете, что психологически больны, что в вас сидит, за вас думает и действует не свободный, здравомыслящий, уважающий себя человек, а «хомо советикус». Знать, что ты болен,— это уже много, это первый шаг к выздоровлению, потому что появляется стремление излечиться. Миллионы ваших граждан должны собраться с силами, сбросить с себя апатию и уныние и сказать: «Никто за нас не изменит общество к лучшему. Никакой добрый дядя не даст нам изобилия, комфорта, демократии. Хватит ждать и на что-то надеяться! Надо действовать! Надо вырваться из добровольной ссылки!»

— Могу предсказать, какая первая мысль придет в голову любому из нас после таких слов: а вдруг завтра демократию «закроют» и все вернется на круги своя? Еще живы поколения, на чьих глазах прокатились все волны массовых репрессий. В народе до сих пор велика инерция страха, он с генами передается от родителей к детям...

— Тут-то и кроется ваш главный «комплекс»! Если все время дрожать и думать: «А вдруг грянет террор?», он действительно грянет! Из-за страха!

Начавшаяся в вашей стране демократизация — это джинн, вырвавшийся из бутылки. Назад в бутылку его не загнать. Надо идти вперед, отбрасывая старые опасения. Заметьте, вас пугает не только возврат к прошлому, но и приближение незнакомого будущего. Раньше хоть и плохо было, но привычно, понятно. В рабстве можно было чувствовать себя безответственно, а потому спокойно. А теперь надо самому принимать решения, действовать в непривычных условиях. Страшно! Это как наследник, неожиданно получивший миллион и впавший в панику: куда его истратить.

— Не надо паниковать?

— Ни в коем случае! Ваше выздоровление уже началось. Гласность — это настоящая гуманитарная революция. Советским людям дали возможность говорить, и в них тут же пробились первые ростки самоуважения. Вы стали шире видеть мир, узнали, как живут в других странах. В вас проснулись желания, поскольку вы увидели, чего можно добиться. Это хороший признак, ведь психопат ничего не хочет. Только будьте терпеливы в лечении. Даже самые эффективные лекарства, если их принять все сразу, не пойдут на пользу. Мне кажется, самое разумное — позволить каждому жить, как ему нравится, тогда он сам найдет подходящий способ лечения.

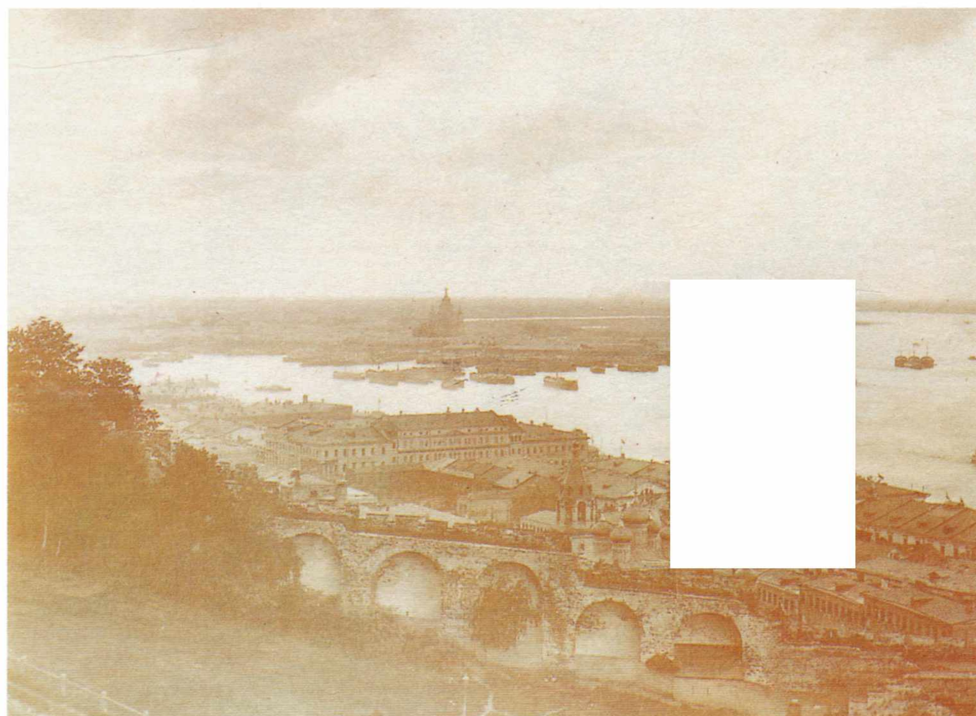
ОГОНЁК

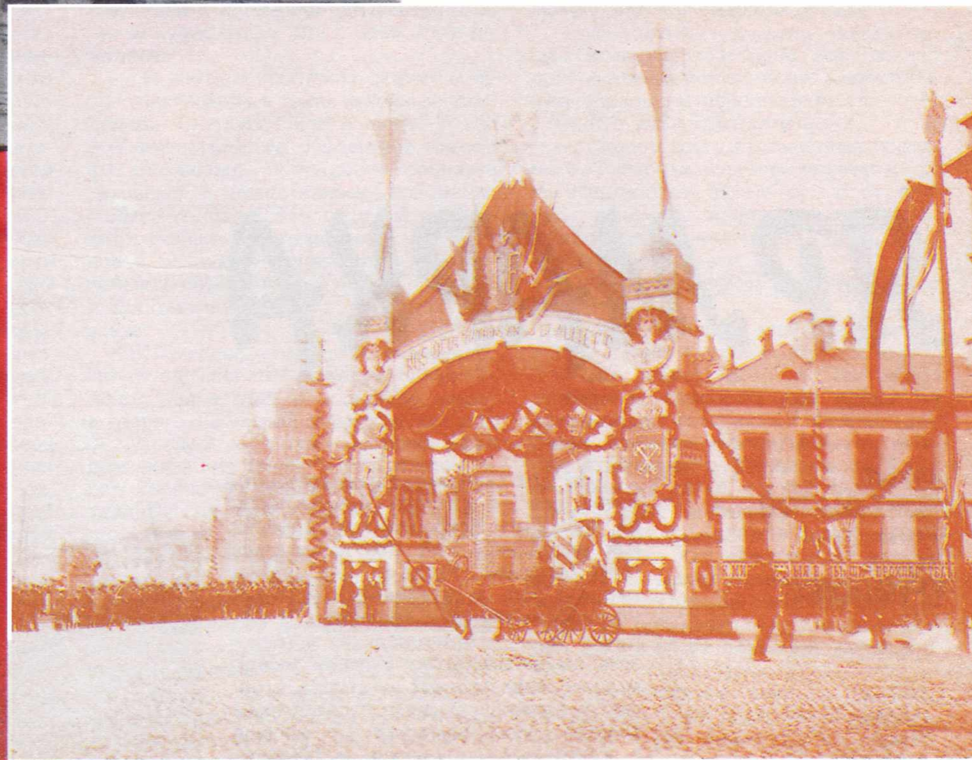
ЯРМАРКА

Антон ФОРТУНАТОВ
Фото Павла КРИВЦОВА

Пищи для скептиков было предостаточно: еще бы, в городе Горьком решили возродить Всероссийскую ярмарку как наследницу той, что называлась Нижегородской. Когда-то она играла могучую роль в экономической жизни Российской Империи. Например, Н. Обручев писал: «Нижегородская ярмарка есть важнейший факт русской жизни, полный всевозможных интересов, стоящий в ближайшей связи с состоянием русской промышленности и вообще с политико-экономическим и финансовым положением России. Это ключ к уразумению важнейших явлений нашей жизни, это пульс нашего народного организма, который в данный период времени бьется на наших глазах».

Итак, конец мая, гудит многолюдное торжище... Но вряд ли можно сказать

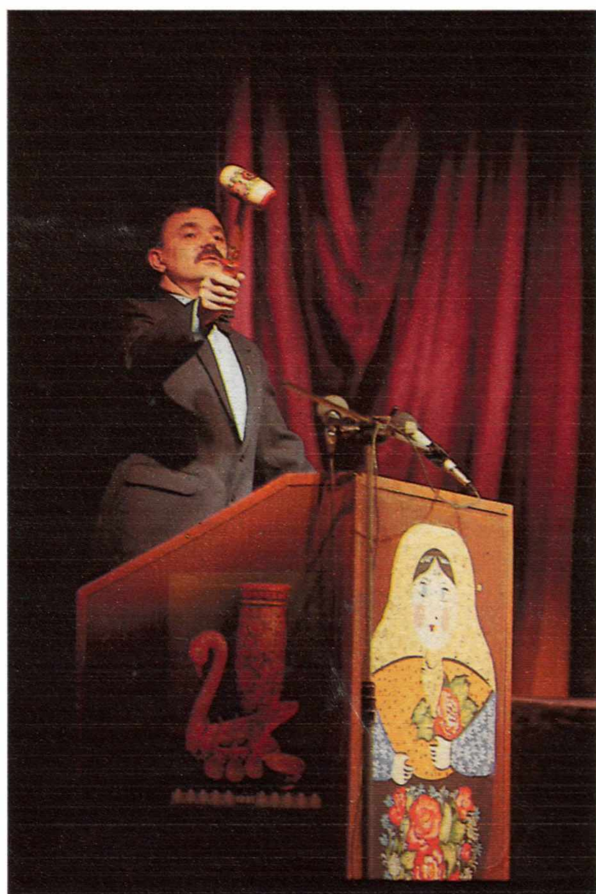

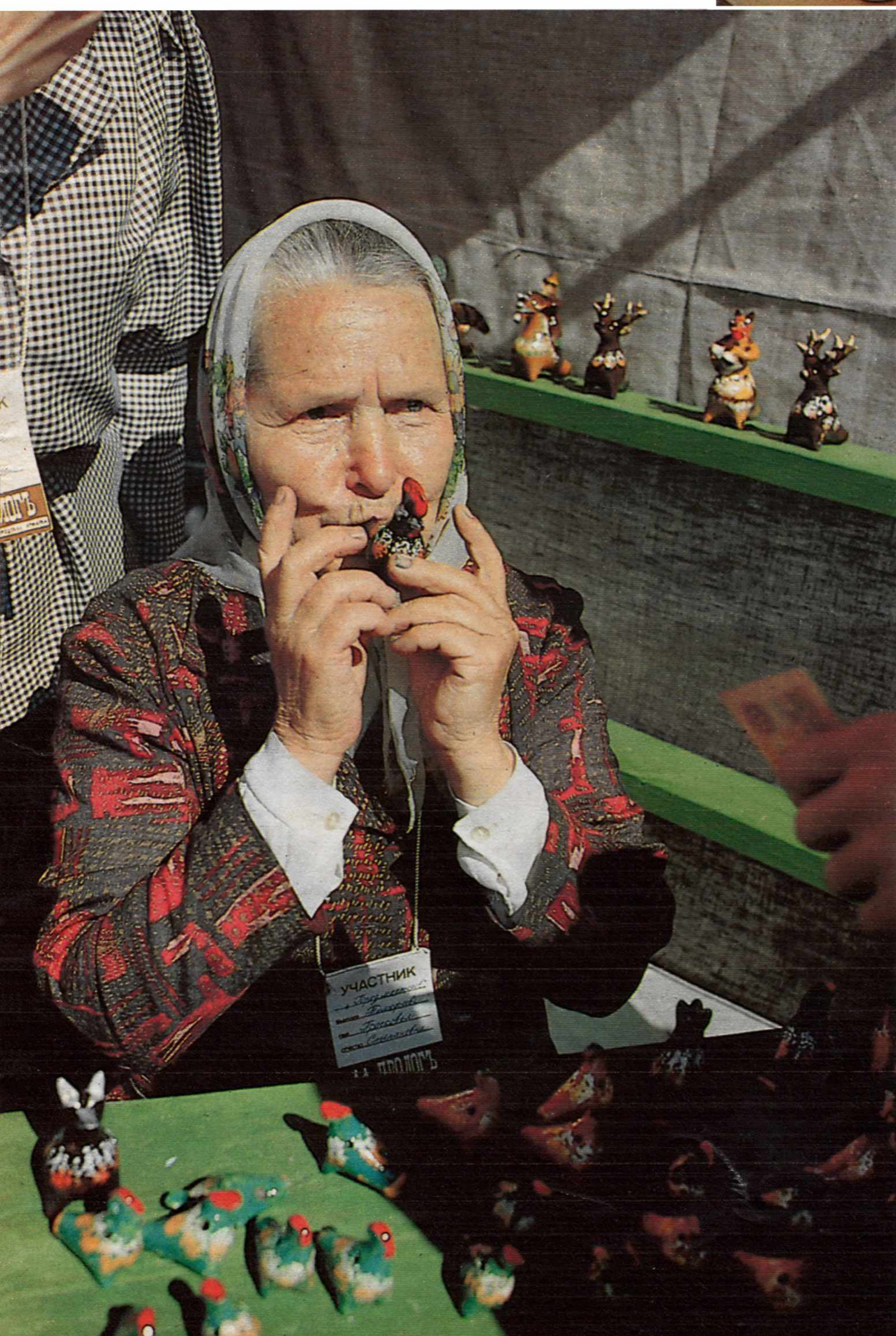

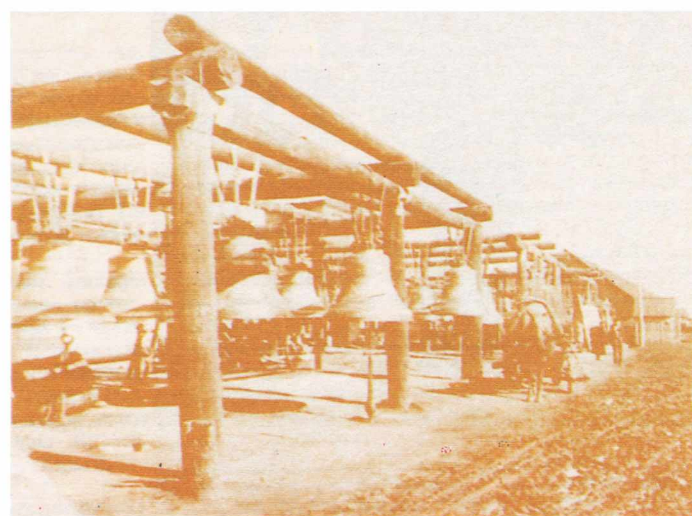
о возрождении традиции, если самая смелая экономическая мечта пришедших на ярмарку выше вожделенной посиневшей курицы за три с полтиной без очереди взлететь была не в состоянии? Да и на этот раз осуществить мечту удалось немногим...

Шестьдесят лет назад знаменитая ярмарка была закрыта постановлением Совета Труда и Обороны «ввиду того, что плановое начало в товарообороте усилилось». В том постановлении говорилось: «...упразднить Нижегородскую и Бакинскую ярмарки. Поручить Народному Комиссариату внешней и внутренней торговли СССР в месячный срок провести ликвидацию Нижегородской и Бакинской ярмарок, определив... по принадлежности назначение имущества указанных ярмарок». Сухо, по-деловому, в темпе был уничтожен целый пласт экономической культуры, зародившейся еще в годы царствования Ивана IV. Суровое время труда и обороны пришло на смену торговле и процветанию. А сегодня трудно поверить тому, что благодаря Всероссийской нижегородской рубль на многих биржах мира предпочитали доллару. И что знаменитая Лейпцигская ярмарка не начиналась, пока не пройдет Нижегородская, ибо мировые цены на многие товары устанавли-

УЧАСТНИК

ВСЕРОССИЙСКАЯ

вались именно здесь, на Волге, трудно поверить...

И когда в марте в городе все еще имени пролетарского писателя Горького стало известно об инициативе газеты «Комсомольская правда» провести пролог Всероссийской нижегородской ярмарки, многим идея показалась утопической. Попытки хоть как-то возродить прежнее величие волжского города предпринимались здесь не раз. Однако успеха по понятным причинам не имели. И на этот раз в Горьком нашлись энтузиасты, понимающие, что именно сегодня, когда, кажется, хуже и беднее жить нельзя, нужен России свой экономический центр. Центр рыночных отношений! Первая сессия нового горсовета приняла решение: открыть город для въезда в него иностранцев и возвратить ему исконное имя, а именно: Нижний Новгород. Верующим передали староярмарочный кафедральный собор, «малый Исаакий». Здесь много лет был... склад химических реактивов. С того и началось возрождение Нижегородской ярмарки после долгой летаргии.

...Товаров было немного. И хотя управление областной торговли старалось вовсю, создать в городе изобилие даже на несколько дней не удалось. Конечно, организаторы к этому и не стремились: ярмарка во все времена была достаточно точным барометром экономического состояния страны. Так оно было и на этот раз. Одних попытка возродить ярмарку шокировала, другим дала пищу для размышлений.

Отсутствие хлеба насущного с лихвой восполнили зрелища. За последние полвека в Горьком такого масштабного праздника не было. «Город мастеров», собравший лучших умельцев со всего Союза, ансамбль «Коробейники» от фонда народной дипломатии, фестиваль фольклора народов Поволжья и международный конкурс бального танца, ярмарочный цирк с пляшущими медведями на цепи, финал Всесоюзного конкурса молодых модельеров, шоу-программы «Русские богатыри», «Ярмарочная карусель» и концерт на барже, ставшей на якорь у берега Волги!.. В финале — праздничный фейерверк. Зрелища, которыми не избалованы жители закрытого города, города, ставшего на долгие годы пыточной камерой для Андрея Дмитриевича Сахарова.

Кстати, иностранцам удалось проникнуть на ярмарку, несмотря на то, что постановление горсовета пока не утверждено правительством РСФСР. Польская фирма «Амартекс», немецкая «Сервиком» и австралийская «Кэй-си» развернули выставку изделий широкого спроса для оптовой продажи. Неожиданно даже для организаторов выставки — центра социально-экономических инициатив «Комсомольской правды», коммерческого центра Главснаба и Верхне-Волжского отделения Торговой палаты СССР — она имела большой успех. Сделки были заключены на многие миллионы инвалютных рублей! И отчисления от них в фонд ярмарочного комитета дали ему возможность стать постоянно действующим. Это ли не результат?

Впрочем, силами горсовета ярмарку не возродить. Желающих принять в ней участие в ближайшее время очень много. За рубежом даже сохранились фирмы, привозившие когда-то в Нижний Новгород товары. Это было до социалистической революции.

Дело сегодня за малым — нужно решение российского правительства о статусе и регламенте Нижегородской ярмарки.

А здесь, в городе Горьком, для многих стало ясно: шестьдесят лет царствования «плановой экономики» не смогли убить традицию, исток которой в далеком прошлом. Понятие «ярмарка» не только экономическое. Тут тебе и политика, и национальные традиции, и культура, и просто общение, просто праздник души. Возрождению именно этих добрых начал в обществе и был посвящен недавний пролог Нижегородской ярмарки.

2. «Огонек» № 30.

С КРАСНЫМ ФЛАГОМ ПРОТИВ КРАСНЫХ

ИЗВЕСТНЫЕ ПИСАТЕЛИ ЗАЗУБРИН, АЛДАН-СЕМЕНОВ, СОЛЖЕНИЦЫН УЖЕ ЗАТРАГИВАЛИ ЭТУ ТЕМУ, А ВОТ СОВЕТСКИЕ ИСТОРИКИ ДО НЕДАВНЕГО ВРЕМЕНИ ЭТО ДЕЛАТЬ ОПАСАЛИСЬ, НЕСМОТРЯ НА ОБШИРНЫЕ ЗАПАДНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ОБ ИЖЕВСКОМ МЯТЕЖЕ. О НЕМ И ИЖЕВСКОЙ ДИВИЗИИ ПИСАЛИ В НЬЮ-ЙОРКЕ И ПАРИЖЕ, ШАНХАЕ И ХАРБИНЕ, ВАРШАВЕ И БЕРЛИНЕ. НАПРИМЕР, ПАРИЖСКИЙ ЖУРНАЛ РОССИЙСКОГО ОБЩЕВОИНСКОГО СОЮЗА «ЧАСОВОЙ» ПОСВЯТИЛ ИЖЕВЦАМ-РАБОЧИМ СТАТЬИ В 1931, 1961, 1962, 1968 ГОДАХ, ПУБЛИКУЯ ПОРОЙ МАТЕРИАЛЫ ОБ ИЖЕВСКИХ МЯТЕЖНИКАХ ПОЧТИ ЕЖЕМЕСЯЧНО. САМАЯ ПОСЛЕДНЯЯ И ОБЪЕМНАЯ (323 СТРАНИЦЫ) КНИГА ОБ ИЖЕВСКОЙ ДИВИЗИИ БЫЛА ОПУБЛИКОВАНА В США В 1975 ГОДУ. ЕЕ НАПИСАЛ ПОЛКОВНИК АВЕНИР ЕФИМОВ, КОМАНДИР ИЖЕВЦЕВ С 1919 ПО 1922 ГОД, УМЕРШИЙ В 1972 ГОДУ. А. И. СОЛЖЕНИЦЫН В ТРЕТЬЕМ ТОМЕ ИЗДАВАЕМОГО ИМ И ЕГО СОТРУДНИКАМИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ СССР ОПУБЛИКОВАЛ ДОКУМЕНТЫ О БОРЬБЕ ИЖЕВСКИХ РАБОЧИХ ПРОТИВ БОЛЬШЕВИКОВ.

Игорь КОБЗЕВ

Ижевские рабочие в отличие от пролетариата Москвы, Петрограда, Баку и большинства других — не уральских — промышленных центров России были, как правило, потомственными, высококвалифицированными, высокооплачиваемыми рабочими, имеющими свои земельные участки. Экономические и политические ошибки большевиков, а также естественное стремление защитить от экспроприаций и продразверстки свои дома, огороды, покосы, живность были причиной восстаний рабочих и крестьян по всему Уралу в течение 1918 года. Самое крупное из них произошло на Ижевском заводе в августе. Восставшие выбрали старый состав Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, который большевики до этого разогнали. Причем красный флаг с Дома Советов повстанцы не сняли, профсоюзы сохранили. Начали выпуск печатных органов Совета — «Телеграммо-газеты» и «Ижевского защитника», на страницах которых выступали против Красной Армии, продотрядов, смертной казни, торговли спиртными напитками.

По словам поручика Лоткова, рабочих вели не генералы и офицеры дворянской крови, а в основном свои же братья по станку. Многие из солдат-рабочих отличились на германской войне, были награждены Георгиевскими крестами, заслужили офицерские чины. Среди них выделялись штабс-капитаны Мудрынин, Калашников и Стяленин, ротмистр Агафонов, поручик Ладыгин, капитан Селезнев и другие — все коренные жители заводского поселка. Но некоторые офицеры представляли исключение. Командующим ижевцев был сын военного полковник Федичкин, воткинцев и сарапульцев — дворяне: капитан Юрьев и корнет князь Ухтомский.

Создав народную армию, ижевцы вместе с воткинцами разбили в 1918 году Антонова-Овсеенко, отбросили, чуть не взяв в плен, спрятавшегося в лесу Блюхера.

Патронов у ижевцев не было. Боеприпасы они добывали у противника, удивленного, что после рева могучего заводского гудка на них идут почти без выстрелов в штыковую атаку или с охотничьими ножами, с пением «Марсельезы», под залихватские звуки гармошки люди в рабочих куртках. Это поражало красноармейцев, которым перед боем говорили, что в Ижевске восстали буржуи и дворяне. На сторону восставших переходили целые полки, например, 1-й Петроградский полк красных.

Повстанцы разбили две красные армии. Троцкий бросил на Ижевск самые верные свои полки, состоящие из китайских, латышских и венгерских интернационалистов, чекистов Московской, Тамбовской, Смоленской, Рязанской, Саратовской и Нижегородской чрезвычаек, волжскую флотилию Федора Раскольникова, бронепоезда — местные жители были ненадежны и сочувствовали мятежникам. Кстати, большевистского подполья в Ижевске создать не удалось.

По словам меньшевика Уповалова, «были моменты, когда большевистские латыши и китайцы приближались на две или три версты. Тогда станки останавливались, рабочие брали винтовки и уходили на фронт, разбивали противника и опять становились к станкам»[1].

Повстанцы доверили рабочим винтовки (они лежали у станка во время работы), в отличие от красных, поставивших перед мятежом у склада винтовок охрану из бывших пленных венгров (кстати, на иностранцев многие смотрели как на интервентов).

В три-четыре раза на каждого рабочего выросла в этот период производительность труда. Во время обороны главного оружейного завода России (Тульский и Сестрорецкий заводы, оказавшиеся в руках красных, издавна изготавливали винтовки из ижевской стали) ижевские рабочие вооружили не только себя и воткинцев (50 000 винтовок),— 60 000 винтовок передали окрестным крестьянам, 15 000 отправили в армию генерала Болдина, а отступая из Ижевска, передали Колчаку 100 000 винтовок, обеспечив междоусобную войну на несколько лет.

Красные, удивленные странным упорством рабочего города, бросили на Ижевск еще три армии. Кольцо вокруг блокадного Ижевска сокращалось. Тогда повстанцы с несколькими патронами на бойца вместе с семьями прорвались на восток.

Белые отнеслись к рабочим повстанцам подозрительно: у ижевцев было красное знамя, офицеров они выбирали сами из своей среды и называли их «товарищами», ими был создан Совет рабочих и солдатских депутатов. Но посланный на инспекцию к ижевцам генерал Тихмеев донес, что рабочие представляют собой великолепную боевую единицу и горят желанием драться с красными.

Колчак сформировал из ижевцев бригаду. По отношению к рабочим сухопутный адмирал проводил особую политику, так как их боевое соединение играло важную роль в обработке трудящихся. Ижевцы и воткинцы лучше были вооружены и одеты. Ижевцам говорили, что они сражаются за свой завод, после освобождения которого им будет предоставлена возможность вернуться домой и только желающие останутся в рядах доблестной Ижевской дивизии. Поэтому ижевцы дрались за родные очаги с особым упорством. Кроме того, Колчак сохранил у мятежников до 1919 года Советы рабочих и солдатских депутатов.

Боевой песней ижевцев стала «Варшавянка», хотя слова на музыку этой революционной песни они сочинили собственные, впрочем, не менее революционные:

Сброшены цепи кровавого гнета,
Дружно врага уничтожил народ,
И закипела лихая работа,
Ожил рабочий, и ожил завод.

[1] **Макаров Ф. П. Октябрь и гражданская война в Удмуртии, УдГИЗ, Ижевск, 1932, с. 82.**

ИЗ ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОСТИ

Похороны рабочего-меньшевика, члена Ижевского Совета А. Сосулина, убитого красноармейцами весной 1918 года. Убийство Сосулина было одной из причин восстания ижевских рабочих в августе 1918 года.

ИЖЕВСКІЙ ЗАЩИТНИК

Орган Ижевскаго Исполнительнаго Комитета Совѣта Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов и Штаба Народной Арміи.

№ 2. 25 августа 1918 г. Цѣна 35 к.

Над рабочим классом и всей демократіей большевистской властью совершается насиліе.

За то, что мы отказались идти грабить крестьян, на нас, рабочих, шли с пушками и пулеметами тѣ, которые называют себя „защитниками рабочих и крестьян".

Не дадим погубить свои семьи, свои жилища и всѣ тѣ завоеванія революціи, за которыя умерли тысячи лучших сынов народа!

Печатный орган ижевских повстанцев.

Молот заброшен, штык и гранаты
Пущены в ход молодецкой рукой,
Чем не герои, чем не солдаты
Люди, идущие с песнями в бой?
Люди, влюбленные в светлые дали,
Люди упорства, отваги, труда,
Люди из слитков железа и стали,
Люди, названье которым — руда.
Кто не слыхал, как с врагами сражался
Ижевский полк под кровавой Уфой?
Как с гармонистом в атаку бросался
Ижевец, русский рабочий простой?
Годы пройдут, на отчизне свободной
Сложится много красивых баллад,
Но не забудется в песне народной
Ижевец, русский рабочий-солдат.

Символом неразрывной связи со своими заводами, железом и сталью у ижевцев и воткинцев считался синий цвет — цвет их погон, выпушек, петлиц. Буква «И» была на погонах ижевцев, буква «В» — у воткинцев.

Командир ижевцев — генерал Молчанов — мало отличался от своих подчиненных. Высокий, очень

«Союз фронтовиков» — ижевская организация воинов германской войны, поднявшая восстание против большевиков в 1918 году.

худой человек с большими усами и горящими глазами, генерал носил серую солдатскую шинель и дешевую гимнастерку с синими погонами с буквой «И» на них и белыми (матерчатыми, а не серебряными) генеральскими зигзагами. Ижевцы-рабочие протестовали против старорежимного отношения к ним офицеров и смотрели на своих командиров как на товарищей.

Обратимся к современнику тех событий — процитируем документальную во многом выдержку из романа Владимира Зазубрина «Два мира», высоко оцененного Лениным, Луначарским, Горьким, а сегодня — увы — малоизвестного. В романе рассказывается о том, как молодые белогвардейские офицеры, только что окончившие военное училище, отправились в штаб N-ской (читай: Ижевской) дивизии, не зная, что она сформирована Колчаком из рабочих:

«Въехали в село, встреченные дружным лаем десятка собак всех пород и возрастов, проехали две-три улицы и остановились на площади, среди села, перед большим домом с красным флагом у крыльца.

Офицеры недоумевающе переглянулись. Колпаков слегка побледнел.

— Что за черт! Да они нас привезли к красным?

В окно высунулась большая черная борода с проседью, лохматая голова и плечо с погоном полковника.

— Нет, господа офицеры, ошибаетесь. Не к красным, а к белым, да еще к каким.

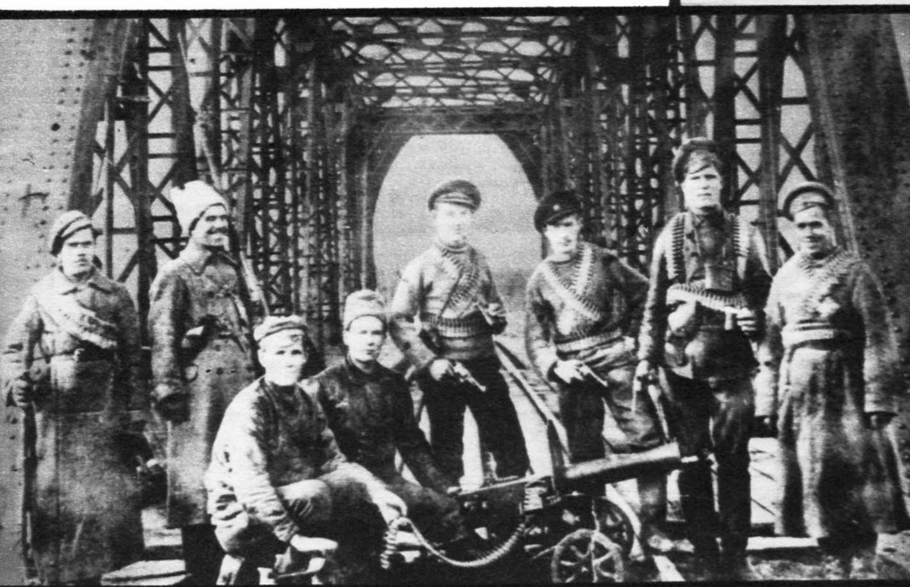
Голова скрылась. Из окна послышался раскатистый хохот. Подпоручики облегченно вздохнули и пошли в штаб представляться.

Борода оказалась принадлежащей полковнику Мочалову[2], начальнику дивизии.

— Так к красным, говорите, попали? Ха-ха-ха-ха! Ах вы, колченята молодые! Сидели в тылу и ничего не знали. Не слышали вы, видно, что N-ская Добровольческая дивизия дерется под красным знаменем, дерется не за что-нибудь, а за Учредительное собрание, за Свободу, за Революцию. Ха-ха-ха! — раскатывался полковник.

Выпускник оружейной школы. Ижевск.

Красноармейцы Азинской дивизии, сражавшиеся с ижевцами.

Лица у многих вытянулись от удивления, только один Иванов улыбался...

Мочалов помолчал немного, затянулся несколько раз из короткой английской трубочки, сделался серьезным.

— Ну-с, шутки в сторону, господа. Предупреждаю вас, что наша дивизия несколько отличается от других частей и своим составом и дисциплиной. Наша дивизия состоит почти исключительно из рабочих — добровольцев N-ского завода. Знаете такой на Урале? Ну-с, вот, рабочие восстали против красных потому, что некоторые комиссары принялись насаждать социализм с револьвером и нагайкой в руках, а плоды земные распределяли так, что было заметно, как пухли у них комиссарские карманы. Ну а тут еще эсеры подлили масла в огонь со своей агитацией за учредилку, вот наши N-цы и поднялись. Итак, господа, наши добровольцы воюют за Свободу, за Учредительное собрание, поэтому в строю они держатся свободно. Дисциплину, как беспрекословное подчинение единой воле начальника, они признают только в бою. Вне боя они с вами, как с товарищами, как с братьями будут обращаться. Не обижайтесь на это. Зато уж будьте покойны: в бою они вас не выдадут, за шиворот к красным не потащат.

<...> В тот же день офицеры явились в полк.

<...> Заговорили все сразу. Шумно, перебивая друг друга, стали доказывать, что не воевать с красными нельзя, что жизнь при них невозможна.

Говорили горячо, бестолково. Офицеры молча слушали, улыбались. Из всего бурного потока слов они поняли ясно и определенно, что N-цы знают, за что воюют, что воевать с ними хорошо, безопасно.

Разошлись N-цы поздно вечером возбужденные, с растревоженными воспоминаниями о доме, о родном заводе, где родились и выросли, откуда пришлось уйти и куда так сильно тянуло».

Судьба предоставила ижевцам возможность сражаться с легендарным Чапаевым весной и летом 1919 года. Так, М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев писали в приказе по войскам Южной группы, что белые 9 и 10 июля перешли в наступление на чапаевцев, но в результате «двухдневных кровопролитных боев враг разгромлен окончательно. Ижевская бригада и 4-я Уфимская дивизия уничтожены. Нами взято за 2 дня свыше 2000 пленных, 3 орудия, много пулеметов и другого оружия. Жалкие остатки разбитого врага стремятся спастись поспешным наступлением на восток...».

Именно тогда, 9 июля 1919 года, в бою под Уфой

Сюда, в управление НКВД Удмуртской АССР, привозили ижевцев, вернувшихся в 1937 году из Харбина. Фото 1980-х годов.

[2] Прототип Мочалова — Молчанов В. М.: родился в 1886 году в камском городе Чистополе в семье чиновника, учился в военных училищах Елабуги и Москвы, прошел путь от Ижевска до Маньчжурии, был начальником ижевской рабочей бригады, затем дивизии, дослужился до звания генерал-лейтенанта. (Подробная биография Молчанова и других ижевских командиров приведена в книге поручика Б. Филимонова «Белоповстанцы», Шанхай, 1932 г.)

имел место случай, отображенный в фильме «Чапаев» в эпизоде психической атаки, которую впервые применили ижевцы в бою за родной завод год назад против не менее легендарного Азина.

Чапаеву удалось разбить Ижевскую бригаду, но если другие бригады в таких случаях расформировывались и превращались в полки, то бригада Молчанова по его просьбе была превращена в начале августа 1919 года в дивизию, выведена в резерв, на отдых, а в сентябре получила от «Верховного» почетное Георгиевское знамя, вместо прежнего — красного. Этот любопытный эпизод со слов очевидцев Владимир Зазубрин в художественном варианте записал так:

«N-ская дивизия обратила на себя внимание диктатора, он верно ее оценил, как одну из лучших и надежнейших частей, N-ской дивизии верховным правителем было пожаловано Георгиевское знамя и срок стоянки в резерве продлен еще на полмесяца. По случаю такого радостного события, как получение Георгиевского знамени, в дивизии был устроен праздник. Почти все офицеры и солдаты принимали эту награду как должное, были весьма довольны и польщены. Некоторые смотрели на это дело совершенно с другой стороны. Барановский был из числа тех, которые в душе подсмеивались над хитростью Колчака, так легко сменившего у N-ской дивизии ненавистное красное знамя на полосатое, желто-черное, Георгиевское. Злые языки говорили, что если бы у N-цев было белое знамя, то адмирал, пожалуй, и не подумал бы наградить их Георгиевским, а тут волей-неволей пришлось, так как нельзя же было терпеть дольше, чтобы в армии его высокопревосходительства было проклятое красное знамя, этот символ борьбы раба за свое освобождение».

...Шло время. Солдаты Ижевской бригады, потом дивизии, начали мучительно думать над тем, что, может быть, они сражаются против своей власти, которая хотя и обидела их, но все-таки именно она им родная. И может быть, красные в нравственном отношении лучше? Ижевцы задумывались, когда белые грабили лавки и магазины, обливали керосином и сжигали на Каме пароходы с пленными и даже ранеными и пассажирами. Разве о такой демократии они мечтали?

Они чувствовали к себе со стороны рабочих в уральских, сибирских и дальневосточных городах пренебрежение. «Всюду сибирский рабочий,— сообщал красным перебежчик,— видит в воткинцах и ижевцах предателей дела рабочего класса и относится к ним с брезгливостью, как раньше к штрейкбрехерам или царским шпикам. Даже поддержка со стороны правительства и вмешательство владельца завода или фабрики бессильны заставить рабочих принять в свою среду отщепенца. В первые же дни при первом же удобном случае его ждет удар ножа в бок или иное тяжкое увечье. Больше 2—3 дней никто не мог выдержать. Ввиду этого многие из бывших ижевцев и воткинцев прикидываются жителями Средней России...»[3].

Сложилась такая ситуация, когда ижевцы, опасаясь красных, не хотели служить и белым. Красноармейцы, освобождавшие от ижевцев населенные пункты, обнаруживали разбросанные по домам записки:

«Товарищи красноармейцы, нам говорят, что вы не берете в плен, а колете. Товарищи красноармейцы, берите нас в плен, не колите, мы все вам сдадимся. Долой войну! Будем жить в согласии. Теперь мы видим, что мы обмануты... До свидания, товарищи красноармейцы, все-таки мы покамест уходим»[4].

Ощутив на себе военную диктатуру Колчака, ижевцы от него «давали тягу» кто куда — в лес, к партизанам, в Красную Армию. Несмотря на страх перед возмездием, они шли туда с молитвой на устах: «Что Бог даст, расстреляют или нет, но у Колчака не останусь».

Ижевцы-солдаты и их семьи-беженцы тщательно скрывались от контрразведки. Например, в Екатеринбурге они четверо суток голодные пролежали на кладбище между могилами, с нетерпением ожидая азинцев. А в Томске после отступления белых осталось 700 ижевцев. Их ходатайство о возвращении на родной завод удовлетворили. В феврале 1920 года в Ижевск прибыло из Сибири два эшелона ижевцев, а в апреле — 1850 человек. Осенью этого же года на родину выехали еще 1500 ижевских и воткинских квалифицированных рабочих. «Нет, кажется, ни одного русского человека,— писал 1 октября 1920 года корреспондент харбинской газеты «Свет»,— который не знал бы, кто такие ижевцы и воткинцы, эти сверхлегендарные богатыри духа, борцы за поруганную Россию... эти простые русские рабочие, сразу учуявшие своим здоровым нутром подоплеку «комиссарства»...

Они не только пошли сами, а повели за собой на страшные муки своих детей и жен. Они отдали все, что только может отдать человек. Никто, даже чехи, в свое время не вызвал у «товарищей» такой ненависти, как «изменники ижевцы и воткинцы». Ни о ком не издавал таких истерических приказов Троцкий, призывая уничтожить их без разбора.

В Красной Армии весьма распространена была фраза: «Когда кончится гражданская война, все разойдутся по своим домам, а ижевцы и воткинцы — по гробам». И вот я узнаю, что эти люди едут в Советскую Россию.

Какой умственный сдвиг или душевный перелом должны были пережить эти железные люди, каким психологическим воздействиям должны были подвергаться, чтобы решиться на этот шаг?

Ижевцы и воткинцы — это подлинная краса и гордость русского рабочего класса, попав измученными и истерзанными во Владивосток, были предоставлены сами себе...

1500 квалифицированных рабочих перешли к большевикам, они просто с презрением отвернулись от людей, неспособных говорить и мыслить по-народному...»

Эти слова корреспондента харбинской газеты свидетельствуют о трагической судьбе ижевцев, сходной с судьбой шолоховского Мелехова.

Ижевцев и воткинцев осталось немного. Состав их воинских соединений сократился за время гражданской войны с 40—50 тысяч бойцов до нескольких тысяч. Численность жителей Вятской губернии, в которой было поднято Ижевское восстание, сократилась на 700 тысяч человек, а народонаселение Ижевска уменьшилось за три года втрое — со 150 до 60 тысяч человек. В этих условиях Молчанов приказал своим солдатам разойтись и служить русскому, а не японскому делу (на Дальнем Востоке японцы хотели использовать их в борьбе против большевиков). Но вскоре снова начал борьбу с красными, совершив с ижевцами и воткинцами захват Хабаровска, Волочаевки, Спасска.

Главком Блюхер написал Молчанову знаменитое письмо с требованием сдать оружие и не служить японским интервентам. Письмо было послано через выпущенного пленного открытым и, прежде чем попасть к Молчанову, прошлось по рукам ижевцев и воткинцев.

В декабре 1921 года в сражении с Блюхером дивизия Молчанова была разбита. Знаменитая песня «По долинам и по взгорьям» про «штурмовые ночи Спасска, волочаевские дни» рассказывает именно об этом. (Кстати, музыкальной основой для этой песни послужил «Марш дроздовцев».)

«В день первой годовщины Великой Октябрьской революции,— писал Б. Филимонов в изданной в 1971 году в США книге «Конец белого Приморья»,— молодая Красная Армия подарила своему вождю «Ильичу» изменческий, «контрреволюционный» Ижевск, ко второй годовщине ту же участь ожидал «белогвардейский колчаковский» Омск, к третьей — Чита и Крым, четвертая годовщина прошла без яркого подарка... теперь, к пятой годовщине Красная Армия должна освободить последний клочок русской земли и преподнести партии, ее вождю и Наркому красный Владивосток». «И на Тихом океане свой закончили поход»,— поется в знаменитой песне.

После взятия Владивостока ижевцы со своим командиром — генералом Молчановым — эмигрировали в Маньчжурию, в которой в 20-е годы проживало сто тысяч русских.

О дальнейшей судьбе Молчанова рассказал его товарищ по оружию, генерал Смолин, живший, по словам газеты «Шанхайская заря», в 1928 году в Циндао и торговавший в магазине, а до этого побывавший сторожем и жокеем. «Мой коллега, генерал Молчанов,— сообщал ижевец в той же газете,— имея несколько тысяч денег, уехал в Америку, открыл там курный завод. Куры заболели и сдохли, и имею сведения, что он окончательно погорел и теперь бедствует»[5].

Ижевцы и воткинцы как квалифицированные рабочие имели хорошие руки и организовали в Харбине Ижевско-Воткинское технико-промышленное товарищество и столовую при Рабочем Красном Кресте. В их товариществе входили, по словам харбинской газеты «Понедельник» за 14 февраля 1924 года, «люди, желающие и умеющие работать, спаянные в одну семью. Все не желающие ничего делать, воры и пьяницы давно уволены с предприятий». В Харбине и Шанхае выходили книги, публиковались статьи об ижевцах. Ижевско-воткинское зарубежье праздновало даже полувековой юбилей своего восстания в 1968 году, когда советские танки вошли в Прагу и были еще живы многие ижевцы. В 20-е годы выходила газета «Ижевский юбилей». В тот день оставшиеся в живых ижевцы пели свою боевую песню, а в русских церквах Азии, Америки, Европы можно было услышать моление: «Во блаженном успении вечный покой подаждь, Господи, убиенным и погибшим рабам Твоим воинам ижевским и воткинским... и сотвори им вечную память».

Вот, например, праздничная статья в парижском журнале «Часовой» за 1931 год:

«Ижевцам и воткинцам

16-го августа ижевцы и воткинцы в Шанхае празднуют годовщину своего восстания против власти коммунистов в 1918 году.

Больше 13-ти лет прошло с того момента, когда вы, рабочие Ижевского и Воткинского заводов, как один восстали за поруганную Родину, за православную веру, за свободу человека...

Да, вам пришлось оставить родные заводы, пришлось принести неимоверные жертвы, совершить тернистый путь от Камы до великого океана и напоить собственною кровью снега Сибири... Ваши полки и батальоны героев-рабочих, о которых писатели и поэты сказали, что это «люди со стиснутыми зубами» и «люди из слитков железа и стали», были разбиты... Но все же враг вас не сломал... Вы не отдали врагу своих винтовок, как не отдали ему своей воли, своего сердца, своей чести...

Сегодня ижевцы и воткинцы в Шанхае, празднуя годовщину своего восстания против власти большевиков-коммунистов, собрались тесной и дружной семьей, обращаются ко всем своим соратникам, ижевцам и воткинцам, разбросанным по всему Дальнему Востоку и по всему миру, с призывом — вспомнить тот великий час нашей жертвы и нашей славы и присоединиться к нашей горячей молитве за освобождение родного народа...

Ижевско-Воткинский союз Шанхая»[6].

Еще в 20-е годы часть ижевцев уехала в США, главным образом в Сан-Франциско (с одним из них — Николаем Сунцевым, уроженцем Ижевска, я переписываюсь). Там жил, в частности, полковник Федичкин — главком ижевских повстанцев в 1918 году. Эмиграция для него проходила в очень тяжелых условиях. На чужбине он занимался физическим трудом. Умер 24 октября 1966 года, не дожив два года до полувекового юбилея ижевского мятежа, воспоминания о котором оказались после его смерти в Институте войны, мира и революции имени Гувера в Калифорнии.

Но многие ижевцы после гражданской войны возвратились на Родину. В Ижевске к ним относились по-разному. Одни ненавидели их как «контру». Другие расспрашивали о красивой жизни за границей, козыряя «незапятнанным» прошлым. Третьи с пониманием относились к людям, прошедшим через кровь, муки и сомнения, умеющим хорошо работать и желающим вместе со всеми строить новую жизнь.

Однако на оборонный оружейный завод многих из них не брали. Часть «харбинцев» уехала из родного Ижевска в другие города страны, часть смогла принять участие в строительстве первого в СССР ижевского мотозавода.

Пройдут годы. В 1937 году в НКВД Удмуртии побывает около 140 «харбинцев». Несмотря на прошедшую ранее амнистию, почти всех их расстреляют.

Будут осуждены даже те, кто никакого отношения к белому движению не имел. Кто они?

Сидорчук Александр, 1909 года рождения, работник КВЖД, потом Ижстальзавода. Арестован как агент японской разведки. Осужден на 10 лет. Реабилитирован 15 июля 1989 года. Родных нет.

Изачик Борис, образование высшее, член ВКП(б) с 1928 года, преподаватель школы советских кадров в Сарапуле. В феврале 1937 года исключен из партии «за скрытую связь с отцом в Америке». Арестован 7 июля 1937 года.

Мне лично знаком один из жителей Ижевска — уроженец Харбина, сын работника КВЖД. Он был членом подпольной пионерской организации в Харбине, хотя и дружил с сыном генерала Пепеляева, имевшего отношение к подготовке (последнего из трех) ижевского мятежа 1921 года. В 1935 году, когда правительство СССР отозвало советских граждан из Харбина, ему исполнилось 15 лет, и впервые с родителями он приехал в Страну Советов, в которой он не бывал никогда. В Ижевске был арестован органами НКВД его старший брат, работавший в Харбине шофером у одного американца, а также его сестра — машинистка при ижевском Горплане за «связи с ИТР завода 180 с целью сбора секретных сведений». Сестру приговорили к пяти годам лишения свободы, реабилитирована 10 мая 1989 года.

Список этот можно продолжить. Он многое расскажет о судьбах тех, кто поверил Советской власти и вернулся на Родину...

Фотографии — из фондов Удмуртского республиканского музея и из частных коллекций. Публикуются впервые.

[3] «Ижевская правда», 1919, 5 декабря.
[4] Максимов В. А. Кулацкая контрреволюция и ижевское восстание, Ижевск, 1933 г., с. 65.

[5] «Шанхайская заря», 1928, 19 февраля, с. 4.

[6] «Часовой», 1931, 1 октября, с. 13.

ВЕК НА СКЛОНЕ

Виктор Кривулин и Галина Гампер — ленинградцы. Этой «припиской» к великому городу-призраку с вполне вещной культурной традицией во многом объясняется тот тип поэтического сознания, который можно назвать законченно-литературным.

Отчетливо он явлен в герметических, плотных стихах В. Кривулина. «Гоголевский» цикл Г. Гампер может показаться более привычным для восприятия, ведь работает она с культурно-историческими реалиями «в открытую».

Самое важное здесь, пожалуй, то, что авторы не сомневаются сами и не оставляют сомнений у нас в том, что прошедшая «лагеря, старость и юродство» женщина — именно «четвертая» чеховская «сестра», а тот, неловко притулившийся в углу обыкновенной ленинградской квартиры человек — Н. В. Гоголь...

Виктор КРИВУЛИН

Из «Сюиты»

1. НА ДОРОГЕ

В больной стране живешь как неживая
материя среди белковых тел —
и все исполнится, чего б ни захотел:
зачем-то ждать заблудшего трамвая,
пойти на выборы или, не выбирая,
найти любое брошенное слово,
поднять его, очистив от земли,—
блестит как новое... Подростки подошли.
Разглядывают — и готовы
с невнятной силой поросли дубовой
наброситься, отнять, на части раздробить
по справедливости (на каждого осколок)...
В больной стране еще больней любить,
чем вырваться, бежать и, в зарослях веселых
полжизни проплутав, вернуться на проселок,
ведущий к пустырю через пустырь,
вдоль голых рельсин... Господи, прости
идею невозвратного пути —
зачем Ты ей развиться допустил
до полного иссякновенья сил?

2. ГДЕ ОСТАНОВИЛАСЬ СМЕРТЬ

Бройлер жареный пропел.
Ожил всадник на плакате.
Слава Богу, есть предел
и для смерти в Петрограде.
Остановится она,
в ликовании всеобщем
публикуя имена,
возвращенные усопшим.
Миллионы обнялись,
выкликаемы по списку,
стягиваясь от границ
к Центру Жизни, к обелиску,
в честь неведомо чего
установленному кем-то,
чьи и подпись и число
у подножья монумента
неразборчивы — но сам
почерк вызывает взрывы
радости, доступной нам
по невозвратимым дням...
Были счастливы и лживы.
Умерли — и стали живы.

3. С ЭКОЛОГИЧЕСКИМ ВОСТОРГОМ

Злорадный какой-то восторг
в захлебывающемся перечисленьи
отходов и нечистот,
продуктов распада и тленья,
какие обрушены вдруг
на чистое поле сознанья,
что было прекрасно — вокруг
внутреннего зиянья,
той круглой и злой пустоты,
той воющей дырки центральной —
кругом ее травы, цветы,
усадьбы, куртины, купальни,
и церкви, и даже кресты
в еще нетюремных оградах...
Среди изобилья лишь ты,
лишь внутренний твой беспорядок
был явственной ямой, куда
сбрасывались отбросы,
растущие города, строящиеся колоссы,
строящиеся колоссы!

СЕСТРА ЧЕТВЕРТАЯ

куда ни сунешься — везде журнальное *вчера*
чего мы ждали? — жизнь перевернется
когда четвертая, из чеховских, сестра,
пройдя и лагеря, и старость, и юродство,
таким заговорит кристальным языком,
что и не повторить — и только небо ломят
студеные слова, несомые тайком
весь век во рту — и век уже на склоне,
почти что за бугром... а чтоб казались выше,
соборы, вдавленные в холм,—
на них вернут кресты, им позолотят крыши,
на них рабочие рассядутся верхом —
вы, муравьиные строительные птицы,—
прибавишь резкости — отброшенные вдаль,
где мир микроскопически мельчится
и проясняется настолько, что не жаль
ничуть мне прошлого.

ПЕРВАЯ БАБОЧКА

чешуекрылые книжки взлетали стоймя
прямо в лицо мне летели шурша по траве
тенями своими китайчатыми на подъезде
к Москве
у железнодорожной насыпи где загорала семья
расстелив одеяло больничного цвета из тех
под какими никак не согреться когда зацвела
черемуха и газету без месяца и числа
ветер гонит за поездом ветер библиотек
накрывает ею как типографским сачком
раннюю бабочку первую —
помнишь перепечатанный *ДАР*
где-то в уральском журнале на землях
заволжских болгар
пермяков черемисов еще кого-то о ком
никогда и не слыхивали но чьи стоймя
чешуекрылые книжки взлетают ранней весной
вдоль дороги в кордоне огражденном тремя
временами глагола, как тюремной стеной
ограждены БУТЫРКИ плывущие в параллель
северной ветке... не лучше ли старый стиль
по которому все еще длится Апрель
пока ты маешься в Мае отыскивая Итиль
на исторической карте среди переименованных
городов
где-то на линии Царицын — Казань
где переводят Рильке и звучит его *ЧАСОСЛОВ*
на рассвете по местному радио
в дослужебную рань

Ленинград

Галина ГАМПЕР

* * *

Вот и мне уж полвека, как только что власти
советской
(Кстати, нас с ней роднит день рожденья
и место рожденья) —
Ирреальная власть горемык, полоса
отчужденья.
Мы, привыкшие к без, без всего, а не то
что без детской
Или спальной... Нигде ни жиринки, нигде
ни заначки —
Вот в чем нищая гордость родителей,
нас воспитавших.
Нам ли в райские кущи из этих ноябрьских
опавших?
Аскетический шик не приемлет господней
подачки.
Ну, а впрочем, и это лишь миф, мы,
привыкшие к мифам,
Обживаемся в них, как в бреду заболевшие
тифом.
О Господь, как же долго и как терпеливо
больны мы.
Генетический сдвиг к новой формуле крови
едва ли
Поправи́м. Хоть теперь и отменишь Ты вечные
зимы,
Мерзлота в наших клетках навечно,
как в добром подвале.

* * *

I

В полдневном безветрии вдруг раздавался
Зов Пана, и ужас панический рос,
И Гоголь как будто бы с ветки срывался,
И клюв заострялся, похожий на нос.

Готовый в фельдъегери или курьеры
И даже на наших, на перекладных,
Хотя б и в Камчатку... не ради карьеры,
Метался и схимничал в землях иных.

А клюв все длиннее, едва ли не вещий,
И галочий глаз округлила беда,
Никем не повязан — ни жены, ни вещи,—
А только над бездной полет в никуда.

II

И в Новом Свете дождь,
и в Старом Свете,
И в Назарете дождь, и в Назарете,
В небесной слякоти
ни островка просвета
И даже над холмами Назарета.
И Гоголю, отчаяньем гониму,
В святые земли, к Иерусалиму
Бежавшему... вотще он ищет рая,
Всё дождь, и мерзость, и юдоль земная.
Молитва на губах окаменела...
«Ни дух скорбящий, ни живое тело,
Я черств, я деревянен, Боже, Боже,
Я сам как лужа, весь в гусиной коже.
Я рая жаждал, я мечтал о лете...»
И в Назарете дождь, и в Назарете.

III

Слеза, как соринка в глазу, как помеха.
Что ж, вытравим слезы отныне и впредь.
Под белым лучом инфернального смеха
Он черта доподлинно дал рассмотреть,
Чтоб тем поуменьшить почтенье в народе
К отродью бесовскому, Боже, прости...
Смешон черт, как пугало на огороде,
Смешон и не страшен, не страшен почти...

IV

Итак, я — ставший Дьяволу врагом...
Молитесь обо мне, как ни о ком другом,
Молитесь поскорее, Бога ради.
А как умру, похороните прах
(О Боже, как меня терзает страх)
Поближе к церкви, где-нибудь в ограде...
И панихиды обо мне служите
И день и ночь, прошу, и день и ночь
(Терзает страх и не уходит прочь).
Итак, меня в ограде положите
И отгоняйте их — со всех сторон
Слетающихся галок и ворон.

V

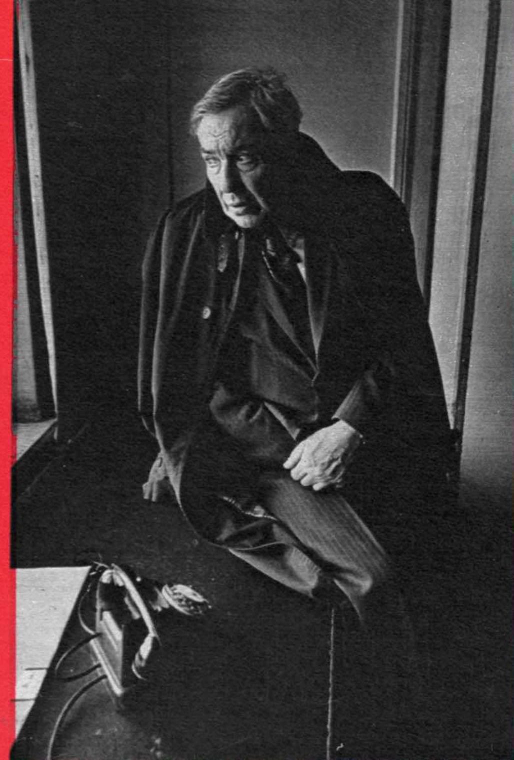
На первой неделе поста, в феврале,
Когда в дымоходах гудят домовые,
Иконы в углах, будто глухонемые,
Наш схимник водил кочергою в золе
И плакал, поскольку уже ни клочка,
Хотя б чернового,
ни строчки, ни слова...
Душа опустела
и к смерти готова;
Лукавый всесилен,
почище ЧК.
Простите за пошлость,
я сбилась, и вдруг
Бессмертная пошлость все поры забила,
Она из его холодеющих рук
Уже беспризорная в мир уходила.
Зола остывала, и Гоголь рыдал,
Больной, исступленный —
уже не в полете.
Что в мире все похоть —
очей или плоти —
Он был не согласен, но мир покидал.

Ленинград

СОРАТНИКИ.
1946 г.

МИР ГЛАЗАМИ ДМИТРИЯ БАЛЬТЕРМАНЦА

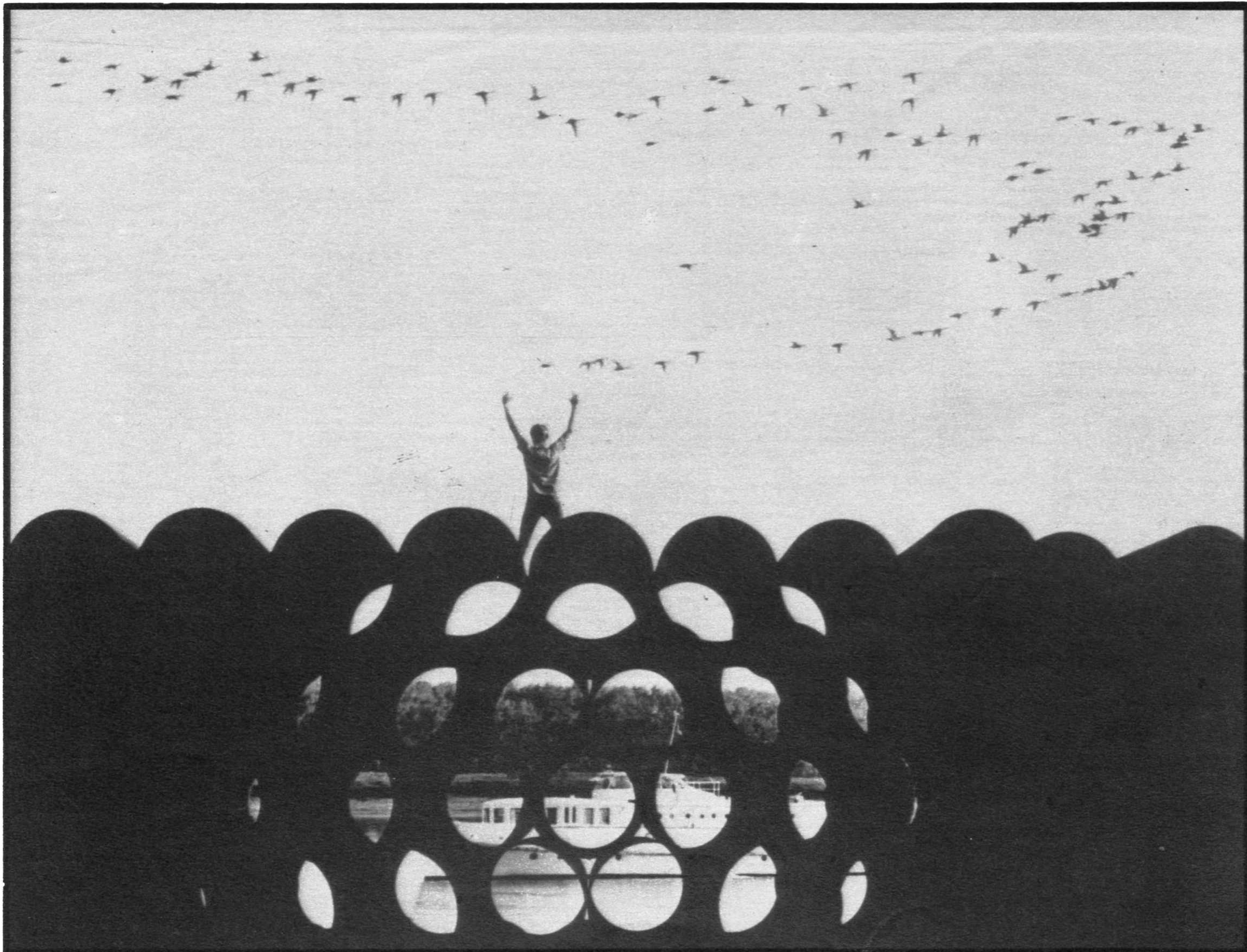

1912—1990

ЧАЙКОВСКИЙ.
Германия 1945 г.

МИР ГЛАЗАМИ ДМИТРИЯ БАЛЬТЕРМАНЦА

1912—1990

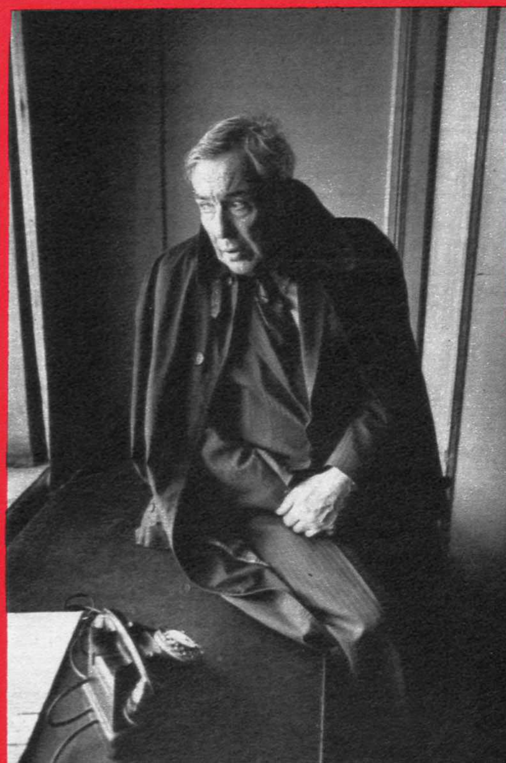

Фото Павла КРИВЦОВА

Ведет
Бенедикт САРНОВ

У одного летчика-испытателя спросили:

— А бывают у вас какие-нибудь профессиональные болезни?

Подумав, он ответил:

— Кроме преждевременной смерти, как будто никаких.

Я не раз вспоминал эту невеселую остроту, размышляя о судьбах наших писателей. Припомнил ее и сейчас, думая про Анатолия Кузнецова, умершего одиннадцать лет назад в Лондоне. Умер он внезапно, в расцвете сил, за несколько месяцев до своего пятидесятилетия. Но горькие слова летчика-испытателя имеют к судьбе Анатолия Кузнецова самое прямое отношение не потому, что он умер, как говорится, раньше своего срока: кто знает, кому из нас какой сужден срок? Слова эти приложимы к его судьбе, потому что на ней, быть может, даже ярче, чем на судьбах многих других писателей, видно, какое опасное, рискованное это дело — литература. В своем роде не менее опасное, чем даже профессия летчика-испытателя.

Поначалу литературная судьба Анатолия Кузнецова складывалась более чем благополучно. Это была очень типичная, если можно так выразиться, очень советская судьба.

Родился Анатолий Васильевич в 1929 году в Киеве. Ребенком пережил там немецкую оккупацию. В 1952 году работал на строительстве Каховской гидроэлектростанции. В 1955 году вступил в КПСС. В 1960-м окончил Литературный институт имени Горького при Союзе писателей СССР. Во время учебы в институте некоторое время работал бетонщиком на строительстве Иркутской гидроэлектростанции, о чем написал повесть «Продолжение легенды» (1957), получившую официальное признание и имевшую известный читательский успех. Еще больший успех имела его повесть «Бабий яр», опубликованная в 1966 году в журнале «Юность».

Летом 1969 года Анатолий Кузнецов отправился в Англию. Добиваясь официального разрешения на эту поездку, он мотивировал ее необходимость тем, что будет там собирать материал для задуманного им романа о Ленине. Но, оказавшись в Лондоне, он неожиданно обратился к британским властям с просьбой о предоставлении ему политического убежища. Получив таковое, выступил с сенсационными разоблачениями. Объявил, например, что примерно за полгода до поездки стал секретным агентом КГБ и вынужден был писать доносы на своих собратьев по перу, в частности на Евгения Евтушенко. Он подробно рассказал о том, как его вербовали. Свое согласие сотрудни-

Анатолий КУЗНЕЦОВ

АРТИСТ МИМАНСА

РАССКАЗ

1

Илью Ильича обидели. Это случилось вечером, в третьем акте.

Будучи одет в малиновую ливрею с галунами, белые чулки и туфли с пряжками, Илья Ильич обязан был выйти на сцену и раздать балеринам кубки из позолоченного папье-маше: только и всего.

Он мирно стоял с подносом в кулисе № 2, ожидая, когда в оркестре свистнет флейта — тогда пора идти. Кулиса была его; он всегда здесь стоял.

Партию принца исполнял талантливый премьер балета Валентин Борзых. Совершая свои прекрасные коронные прыжки, несколько увлекшись и опьяненный аплодисментами, он в последнем прыжке ошибочно влетел во вторую кулису, прямо на Илью Ильича.

Принц был в белоснежном камзоле и белом трико, в белокуром паричке, с сильно напудренным и нарумяненным лицом, воздушный и женоподобный, но ударил он Илью Ильича, как чугунная пушка.

Старик был сбит с ног, кубки взлетели золотым фонтаном и рассыпались, как горох, по сцене. По зрительному залу прошелся смех.

— С-стоит, с-волочь...— ругнулся принц, добавив кое-что покрепче, потому что и сам ушибся; но тут же засиял ослепительной сценической улыбкой и мягким балетным шагом пошел на поклоны.

На Илью же Ильича тем временем накинулся помреж. Затем прибежал ведущий спектакля с воплем: «Сколько говорено, чтобы посторонние не торчали в кулисах! Как твоя фамилия?» — и записал на бумажке.

Илья Ильич не был посторонним: предстоял ведь его выход. Ведущий мог бы не обращаться к нему на «ты»: он был моложе на двадцать пять лет. Премьер Валентин Борзых не должен был запрыгивать в тесную кулису № 2; он всегда уходил в кулису № 5, сейчас просто туда не допрыгал.

Но Илье Ильичу некогда было размышлять об этих пустяках, он проворно заползал среди крахмальных пачек балерин на четвереньках и, пока помреж с ведущим пререкались, ловко все подобрал и спрятался, вызвав в зале новый взрыв смеха.

Ведущий схватился за волосы: именно сегодня была получена накачка от дирекции, чтобы не было накладок, ибо в зале присутствовал высокий иностранный гость.

Но тут в оркестре пискнул, наконец, сигнал флейты, загремело «форте», пошли с подносами все лакеи, и ведущему ничего не оставалось, как вытолкнуть Илью Ильича снова на сцену.

На ролях лакеев, кроме штатных единиц, подрабатывали приходящие студенты. Один из нештатных юркнул вдоль законного ряда Ильи Ильича и подал балеринам свои кубки, так что, когда подоспел Илья Ильич, кубки никому не понадобились.

Здесь он совершил вторую и роковую накладку. Он не мог уйти обратно с полным подносом. Это было неестественно и с лакейской точки зрения абсурдно. Поэтому он пересек по диагонали всю сцену, и, когда кордебалет жестами античных богов вскинул это позолоченное папье-маше за здоровье принца с принцессой, вспотевший и несчастный Илья Ильич все еще путался перед рядами, предлагая никому не нужные кубки.

Наконец он догадался ретироваться. Расстроенный, с полным подносом, он ушел за кулисы и увидел, что там уже зреет скандал.

Сам главный балетмейстер, этот бог в человеческом облике, распинал начальника цеха миманса; все прочие начальники стояли вокруг и подсказывали балетмейстеру нужные выражения. Начальник цеха миманса виновато кивал: «Признаю... сегодня же приказ... на общем собрании... обсудим...». Он ястребом взглянул на Илью Ильича, и тот, поняв, немедленно исчез, как дым.

2

Балет со стороны кулис выглядел не так, как из зрительного зала. Это была тяжелая, довольно нервическая, суматошная работа людей многих цехов.

В полутьме, среди пыльных холстин и сваленных грудами декораций, озабоченно сновали бутафоры, костюмеры, статисты. Балерины топтались в ящике с канифолью, нервничая и ссорясь. Ведущий пробегал в панике со словами: «Королева, на выход! Где королева, черт возьми?» Осветители флегматично тянули кабели, о которые все спотыкались. Солисты, «друзья принца», гоготали у люка, рассказывая последние анекдоты. Прима-балерина истерически ругалась с костюмершей из-за лопнувшего шва. Машинисты озабоченно включали рубильники на щитах. Гудели моторы, и скрипели блоки. С танцоров, являвшихся со сцены, лил градом пот, они промокали усталые лица туалетной бумагой и обмахивались полотенцами. Скучали, кажется, одни лишь нелюдимые пожарники.

На освещенном пятачке сцены сходились, как в фокусе, все усилия, там происходило удивительное чудо искусства. А по ту сторону рампы пульсировал и вздыхал, как одно тысячеликое мохнатое существо, пятиярусный зрительный зал, который пришел смотреть именно на это чудо. Он волновался, переживая хорошо отрепетированные ситуации, взрывался восторгом при каскаде ослепительных фуэте примы-балерины, и ему совсем не нужно было видеть пот, который в это время веером слетал с нее.

Благополучно одолев переплетения стоек и кабелей, Илья Ильич понес в бутафорскую свой поднос со злополучными кубками. Все его выходы и стояния на освещенном пятачке кончены по крайней мере сегодня.

Там, в оркестре, глухо зарокотала трагическая тема, пятачок погас, злой колдун поволок принцессу, и еще целый акт предстояла борьба добра и зла, но в ней статисты не участвовали.

Сдав бутафорию, Илья Ильич зашел в крохотный душный туалет с серым от старости унитазом, заперся на задвижку, поднял рубашку и ощупал ребра. Щупал он долго и обстоятельно: ему казалось, что при ударе у него что-то сломалось. Но ребра были целы, и он успокоился.

Ему очень не хотелось сразу подниматься на пятый этаж в уборную миманса. Он знал, что на лестнице в эту минуту караулили театральные парикмахеры, отбирая у миманса парики. Дело в том, что кто-то когда-то унес парик, и вот парикмахерскому цеху приказом было вменено в обязанность выдавать парики по списку, забирая тотчас по выступлении. Эта процедура казалась обидной Илье Ильичу, вся жизнь которого прошла в театре, он всячески хитрил, стараясь ее избежать.

Кроме того, наверху его ждал, без сомнения, обо-

чать с органами госбезопасности объяснил тем, что уже тогда задумал свой побег и только таким способом мог надеяться его осуществить.

Это саморазоблачение вызвало бурю разноречивых откликов. О том, какова была реакция официальной прессы, гадать не приходится: все советские средства массовой информации дружно клеймили Анатолия Кузнецова как предателя, изменника родины. В то же время раздался спокойный, сдержанный, осуждающий голос и с другой — противоположной, стороны. С «Открытым письмом к писателю Анатолию Кузнецову» обратился Андрей Амальрик, известный диссидент-правозащитник, автор знаменитой книги «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?»,— человек безупречной репутации, высочайшего морального авторитета.

Амальрик ни в малейшей степени не осуждал Кузнецова за то, что тот решился покинуть родину. Напротив: он прямо объявил, что «бегство — единственное, в чем Кузнецов проявил характер».

«Если вы как писатель не могли работать здесь,— писал он в своем «Открытом письме» Кузнецову,— или публиковать свои книги в том виде, как вы их написали, то не только вашим правом, но в каком-то смысле и вашим писательским долгом было уехать отсюда».

Осуждал Амальрик Кузнецова не за бегство, а за исповедуемую и проповедуемую им «философию бессилия».

Позже, в своей книге «Записки диссидента», Андрей Амальрик вновь вернулся к этому инциденту и так объяснил свою позицию:

«Как их завербовали — одного в лагере, другого на свободе — мне известны признания двух русских писателей. Видимо, нелегко им было об этом писать и сделали они это, чтобы наглядно показать, как действует постыдный механизм насилия. Мне кажется их честность героической — однако и воля, и моральная позиция обоих оказались разными. Пафос статей Кузнецова в том, что «не было дано иного выбора». Но выбор был. Насилие — как правило, а не как исключение — возможно там, где есть готовность насилию подчиниться; где начинается сопротивление, насилию приходит конец. Конечно, весьма непрост вопрос о степени сопротивляемости, человеческая натура несовершенна... Но где граница? Любой честный человек не только может, но и должен дойти до границы неучастия. Если вы не можете быть против системы насилия, по крайней мере не будьте «за»! По счастью, я знаю уже примеры, когда почтенные доктора наук, которые никогда не подписали бы письма в защиту Сахарова, тем не менее уезжали даже на уборку гнилой картошки, чтобы только не подписывать письма с его осуждением».

Анатолий Кузнецов ответил Амальрику не сразу, а спустя четыре года, когда тот сидел в магаданской тюрьме. Ответ назывался: «Доживет ли Амальрик до 1984 года?». В этой своей статье Кузнецов писал, что не отвечал раньше, боясь повредить автору «Открытого письма», хотя ни раньше, ни потом не мог повредить Амальрику больше, чем тот «повредил» себе сам своими открытыми и смелыми выступлениями. Ответ Кузнецова Амальрику представлял собою набор все тех же идей, за которые Амальрик его осуждал: «Борьба бесполезна, вот и судьба самого Амальрика это доказывает. Он рыпался, и что мы видим? Сидит в тюрьме. Вот и Якир покаялся. И всех других диссидентов ждет та же участь, а значит, как я утверждал, иного выбора не дано».

Вряд ли сегодня кому-нибудь еще не ясно, кто был прав в этом давнем споре.

Конечно, Анатолию Кузнецову нельзя не сочувствовать. Еще одна изувеченная, изуродованная жизнь. Еще одна раздавленная, сломанная человеческая и писательская судьба.

Но моральная уязвимость его позиции очевидна.

Амальрик, безусловно, был прав, признавая стремление Анатолия Кузнецова «вырваться на волю» не только его правом, но и его писательским долгом. Однако осуществить этот свой писательский долг он мог, обретя не только внешнюю, но и внутреннюю свободу.

К сожалению, за те 10 лет, что он прожил в Англии, Анатолий Кузнецов ничего значительного не написал. Самое существенное из сделанного им за эти годы было опубликование его повести «Бабий яр» с выделением тех мест, которые в советском издании были выброшены цензурой, а также тех, которые из-за страха перед цензурой не были тогда им написаны.

Рассказ «Артист миманса» — один из лучших рассказов А. Кузнецова — был опубликован в 1963 году в «Новом мире». С тех пор в нашей стране ни разу не перепечатывался.

зленный начальник цеха миманса; благоразумнее было дать ему время поостыть. И Илья Ильич, выгадывая время, отправился в буфет.

Буфет для актеров помещался в полутемном подвале без окон. Почему-то за сценой все подсобные помещения, коридоры, переходы плохо освещались, никого это не удивляло. Так в этом театре было испокон веков: для зрителей — бронза, свет, блеск, а за кулисами — черт-те что.

Начался антракт, и в буфете столпилось много народу. Стойку осаждала очередь: балерины в трескучих пачках, придворные дамы в кринолинах, пажи, оркестранты, а в хвосте очереди стояла сама вдовствующая королева — злостная сплетница Марья Поликарповна Шпак. По штатному расписанию она числилась в том же цехе миманса, к которому принадлежал и Илья Ильич. Но ей платили с надбавкой, потому что она была солисткой миманса, обычно изображая величественно выступающих царственных особ. Из всех статистов она лишь одна присутствовала на главных репетициях, ее имя даже печаталось в афишах, хотя, собственно, ее работа заключалась всего лишь в сидении на троне и кивании головой, то есть была не сложнее, чем роль лакея или какого-нибудь мавра с опахалом.

Илья Ильич стал в очередь за королевой и стоял очень долго, потому что со стороны подходили то гримерша от прима-балерины, то администратор, то секретарша, и все они совали деньги поверх голов. Опытная буфетчица хорошо разбиралась, у кого надо брать деньги через головы, а кто может подождать.

Чувствуя нестерпимую жажду, не отойдя еще от давешней обиды, Илья Ильич вдруг словно проснулся и впервые с горечью увидел эту несправедливость. Он, медленно, но верно вскипая, смотрел, молчал, но, когда подошел танцующей походкой, поверчивая задом, премьер Валентин Борзых и подал рубль перед носом королевы, Илья Ильич, весь задрожав, громко сказал:

— Не отпускайте без очереди!

— Мне сейчас выходить,— объяснил премьер.

— Другим тоже выходить, вот Марье Поликарповне, например,— возразил Илья Ильич.— Вам должно бы быть стыдно, вы же мальчишка и суете рукавами женщине в нос.

Премьер Борзых удивился, очень он удивился, так удивился, что даже не сказал ни слова, только посмотрел на Илью Ильича таким изумленным взглядом — сверху вниз,— будто какая-то муха, ползавшая по его рукаву, вдруг произнесла цитату из Гегеля.

— Может, вам позволено сшибать людей в кулисах,— сказал Илья Ильич, близкий к истерике,— но люди все равны; здесь есть очередь, это в конце концов возмутительно и... и...

Но очередь молчала, а буфетчица взяла у премьера рубль, не замечая отчаянно протянутой руки Ильи Ильича. Премьер получил виноградный сок, бутерброд, не взял сдачи и ушел, забыв об Илье Ильиче.

Все, кто стоял в очереди, продолжали молчать. Илья Ильич по этому молчанию понял, что его выходка не поддержана, но скорее осуждена. Если до сих пор никто об этом не заикался, может, так нужно, так должно и естественно? А тот, кто заикается, прикасается к тому, к чему не следует, так же нелеп, как если бы публично развесил по стульям исподнее.

Получив кружку пива, он с горя затиснулся в самый темный угол. Там за колченогим столиком допивал черный кофе такой же старый, как он, неудачник — гобоист Паша Платонов из оркестра.

Илью Ильича уже не мучила жажда, ему не хотелось пива — ему захотелось поскорее умереть. Жизнь показалась ему совершенно безразличной. Он почувствовал, как, наконец, от нее устал.

— Валторна в третьем акте такую киксу дала,— сказал Платонов, с омерзением сплевывая попавшую в рот гущу.— Шеф аж закачался. Слышал?

— Нет,— сказал Илья Ильич.

— Да что ты, я думал, на улице было слышно! Этот тунеядец Чертков. Шеф его шуганет, готов пари держать... Плюнь, не переживай. И какого лешего ты с ним, сопляком, беседовал? Пущай! Они — премьеры. Они живут в высоких сферах искусства, и указанное искусство зависит от их левой ноги, так до того ли им, чтобы толкаться в очередях, сам посуди.

— У нас все равны! — возмущенно сказал Илья Ильич.

— Равны-то равны. Но скажи на милость, сколько ты получаешь и сколько получает он?

— Какое это имеет значение?

— Такое. Ты поедешь домой в трамвае, он — в собственной машине. Потому что он делает шестнадцать антраша — и зал рыдает. Ты же этого не делаешь. Ты разнес свои бокалы на подносе — и до свидания. Чего же ты лезешь в амбицию?

— Он сегодня сбил меня с ног,— сообщил Илья Ильич.

— А!.. Тем хуже для тебя,— философски заметил Платонов.— А ты не стой на пути премьера.

Он старательно почистил свой черный музыкантский костюм и пошел в оркестровую яму. Илья Ильич попробовал пиво. Было оно бессовестно жидкое. В душе упрямо и горько сосало.

К столику подсели три балеринки в костюмах и, не обращая внимания на старика, зачирикали о скандале, который прима Васильева учинила в дирекции, узнав, что роль Авроры отдают молодой Гребневой.

Молодые балеринки были за молодую Гребневу, справедливо рассуждая, что прима выстарилась, и они были тысячу раз правы, только не помнили, что выстарятся сами тоже. А Илья Ильич служил так давно, что помнил еще приму Егоркину, которую публика носила на руках. Молодая Васильева пришла тогда из балетного училища и получила роль Одетты... Неизвестно даже, куда делась Егоркина — может, преподает где-нибудь в хореографическом кружке при клубе железнодорожников, а может, мирно старится замужем. В балете, как нигде, быстро сходят со сцены. Особенно примы и премьеры: они ведь не остаются на второстепенных ролях и тем более не опускаются до миманса, а слетают сразу — и навсегда.

Здесь он не отказал себе в удовольствии заранее злорадно вообразить, как будет сходить со сцены премьер Борзых.

У буфета висел репродуктор, транслировавший сцену. Начиналось вступление к четвертому акту. Собравшийся было уйти, Илья Ильич задержался и послушал короткое соло гобоя,— это отличался его друг Платонов. Гобой хорошо сыграл, проникновенно. А дальше Илья Ильич не стал слушать. Он давным-давно знал всю партитуру наизусть.

По пути наверх, на узкой лестнице, он шарахался и притискивался к стене, пропуская несущихся сверху, пахнущих гримом и пудрой танцоров и балерин; они на ходу тоже склоняли имя Васильевой.

Зато парикмахеров на лестнице уже не было, и Илья Ильич, торжествуя, пошел на пятый этаж, не снимая парика.

3

Существуя с незапамятных времен, театр Оперы и Балета имел свои четкие устои, правила, историю, традиции, то есть устройство сложное, многоярусное не только в архитектурном отношении.

Собственно, это было целое небольшое царство со своими премьерами и уборщиками, военизированной охраной и финансовой частью, билетерами, рабочими, парикмахерами и так далее, и все это были весьма различные коллективы со своим бытом, цеховыми интересами, спецификой. Далеко не всем даже удавалось видеть то, что они делали.

Так, оркестранты сроду не видели спектакля толком, но всегда — снизу, из своей ямы, и то лишь та половина, которая сидела ближе к зрителям. Буфетчица слушала только по радио. Парикмахеры видели сцену с колосников. Нотные библиотекари встречались с билетными кассирами лишь на общих собраниях. А какой-нибудь столяр мог проработать в декоративном цеху пятнадцать лет, так и не познакомясь ни с одним актером. Более того, между самими актерами были свои границы.

У главных, ведущих артистов уборные были персональные — у самого выхода на сцену, святая святых, куда Илье Ильичу и заглянуть не полагалось. Там стояли вазы под цветы и сифоны с газированной водой.

На втором этаже помещались уборные для обычных солистов. Туда подавались два сифона на всех, а в вазах не было надобности.

Кордебалет (или хор, если шла опера) занимал третий этаж, по восемь и более человек в комнате, причем у них стояли просто бачки с кипяченой водой.

Четвертый этаж занимал закулисный технический персонал с аристократическим, однако полутворческим оттенком: здесь были гримерные, костюмерные, сапожницкие.

И уж под самой крышей, на пятом этаже, находилась одна общая уборная для статистов — длинный зал с низким потолком, узкими окошками-бойницами, насквозь пропахший смесью потной обуви, вазелина и пудры. Непритязательный цех миманса галдел, переодевался, гримировался, пил воду из-под крана.

Впрочем, не всегда. Для скромно-камерной «Ма-

дам Баттерфляй» нужен был только один статист, изображавший слугу с зонтиком. Илья Ильич гримировался под японца в грустном одиночестве. Зато монументальной «Царской невесте» требовалась целая банда свирепых опричников с пищалями и секирами, и тогда цех миманса походил на разбойничий стан.

Нет, Илья Ильич ел свой хлеб не даром. За иной спектакль ему приходилось перевоплощаться много раз. В «Кармен», допустим, он изображал прохожих, не менее десятка разных прохожих, затем устраивал с другими статистами панику при побеге Кармен; во втором акте служил в кабачке и почтительно выслушивал хвастливую арию тореадора, но тут же сломя голову мчался наверх, чтобы перевоплотиться в контрабандиста. Но больше всего ему нравилось последнее действие, где он был темпераментным не то пикадором, не то матадором — он так и не постиг премудрость корриды, но, в общем, ему давали две стрелки с красными перьями, и другому мимансу тоже давали, и они несли их через сцену в вытянутых руках. Потом под крики своего начальника галопом бежали вокруг задника — и снова несли, так несколько раз, чем достигался эффект массовой сцены.

Итак, благополучно избежав парикмахеров, Илья Ильич поднялся в уборную миманса и увидел, что и тут он рассчитал правильно: начальника цеха уже не было. Костюмерши уносили вороха камзолов. Студенты разбежались, лишь трое сидели в трусах на скамьях и говорили о футболе. В помещении стоял тяжкий банный дух.

Вдоль стен тянулись ряды позеленевших зеркал со столиками, усыпанными коробками из-под грима, бумагой, тряпицами, яблочными огрызками. Давным-давно Илья Ильич, вырвавшись из общей неразберихи, самовольно присвоил ящик углового стола. Маленьким ключом он открыл замочек и достал собственную пачку бумажных салфеток. Уж два месяца не выдавали бумагу, начальник клялся, что перерасходованы нормы, а вытираться обрывками газет Илья Ильич ни при каких условиях не стал. Свое лицо он знал наизусть и никогда не пугал остатками грима кондукторов последних ночных трамваев.

Ящичек его был в идеальном порядке: аккуратно застлан чистой бумагой, слева лежали салфетки, коробки с гримом, разные пузырьки, кисточки и карандаши, посредине — немного подсохший бутерброд с кабачковой икрой, а справа — книга писателя П. И. Мельникова (Печерского) «На горах», том второй, который он уже полгода читал, если бывал свободен в каком-нибудь акте.

Надобность в личнособственническом замочке объяснялась еще тем, что не одни салфетки, но и грим выдавался по жестким нормам. Эти беззаботные лоботрясы приносили его в кармане, мазались неэкономично, к концу квартала начинали клянчить и воровать друг у друга, а Илья Ильич этого не выносил.

Старательно развесив на плечиках свой костюм с галунами, он облачился в повседневные штаны и пиджак, увидел в зеркале свою усталую физиономию с мешками под глазами и отвернулся. Взял, было, бутерброд, подержал в руке и тихо положил обратно.

— Калиновский, как левый крайний — вот был бог,— сказал кто-то из лоботрясов; остальные задумчиво кивали головами.

— Бога не было,— сказал Илья Ильич в каком-то странном трансе, и все удивленно на него посмотрели.

Он запер ящичек и, не прощаясь, вышел. Спустился этажом ниже, к парикмахерам,— они беседовали о международной политике, дымя сигаретами у окна. Стены были увешаны косами, локонами, бородами всех мастей, горы скальпов громоздились в корзинах и на столах.

— Паричок мой, пожалуйста... отметьте,— вежливо сказал Илья Ильич.

Один из парикмахеров поставил птичку в списке, взял парик и, метко прицелясь, попал точно в корзину.

Илья Ильич, пошатываясь, поплелся вниз. Балет, видимо, кончился, так как со сцены валили уставшие танцоры. Илья Ильич тоже устал, так смертельно устал, как этого с ним не было никогда в жизни.

4

Домой он явился позже обычного. Осторожно отпирая дверь и крадясь на цыпочках, он старался не производить звуков, чтобы не разбудить внука и дочь.

На кухне ему была оставлена, как всегда, застывшая картошка на сковороде, котлеты из домовой кухни и малиновое желе. На веревке гирляндой висели влажные рубашонки, чулочки, штанишки, на крайних красовалась дыра. Илья Ильич сам покупал эти штаны на прошлой неделе в детском универмаге, их стоимость была равна его трехдневному заработку, поэтому он потрогал края дыры и вздохнул.

Жена Ильи Ильича умерла десять лет назад от рака легких. Она никогда в жизни не курила. На попечении Ильи Ильича осталась семнадцатилетняя дочь Люба.

Вечерами Илья Ильич бывал в театре, а днем почти не видел дочку, потому что она работала на трикотажной фабрике. Она бегала на танцы в парк, в Дом офицеров, знакомилась с курсантами, искала себе мужа, но не нашла, а лишь забеременела и родила мальчика. Так стало их трое.

Крышка, покрывавшая сковородку, с грохотом полетела на пол. Почему всякий раз, когда ты вот так тихо хочешь повернуться на кухне, обязательно что-нибудь с грохотом летит? Поднимая крышку, Илья Ильич свалил нож. От досады он махнул рукой и принялся есть картошку, не разогревая. У него вздрагивал подбородок, вилка мелко постукивала о сковороду, он не чувствовал ни вкуса, ни запаха, лишь машинально жевал, проглатывал и думал.

Жену тогда положили в онкологический институт, шестнадцатая палата, первая койка слева. Он приходил, приносил мед, апельсины, садился на белый металлический стул. Жена беспокоилась: «Ни к чему не прикасайся!» Он посмеивался, а она упрямо твердила, что рак заразен. Наперекор врачам почему-то все, абсолютно все больные в этом огромном здании считали, что рак заразен.

Вот они с женой беседовали об операции, метастазах, стадиях, сроках, по-деловому, серьезно беседовали, потом он приходит, а ему говорят, что тело жены в мертвецкой. И тоже по-деловому, понятно объяснили, как забрать, какие нужны формальности, подсказали насчет машины.

Долго потом, просыпаясь по утрам, ему приходилось внушать себе: «Надо жить ради Любочки»,— это помогло, он стал позволять себе кружку пива, а все остальное отдавал ей. Потому что немыслимо сколько нужно нынче молодой женщине, чтобы быть привлекательной.

В годы юности Ильи Ильича девушки бегали в домотканых сарафанах — и нравились. Теперь нужны чулки за четыре пятьдесят, которые цепляются за все, что ни попади, туфли за тридцать, у которых через неделю ломается каблук — и вот слезы, и вот горе. Раньше заплетали косу, и было очень красиво. Теперь — прически, лондатоны, «гаммы», лаки, перекиси... Девчонке с трикотажной фабрики как найти мужа без всего этого?

Когда-то они с покойной женой мечтали, что из Любы выйдет прима-балерина. Но выяснилось, что у нее, как и у матери, нет никакого слуха, чувства ритма, вообще никаких особых способностей.

Выдающиеся способности — но это же ведь у редких людей! Статистически мир складывается из просто людей, не из премьеров, а из большой массы кордебалета. Миманса.

Когда жену называли еще «ходячей больной», она обычно выходила к Илье Ильичу в коридор, где женщины вязали, играли в подкидного да обсуждали, кому и сколько жить. Одна, игравшая в карты, сказала: «Мне, девки, недельки три еще — и до свидания». Действительно, через три недельки — померла. «Ну, надо же,— подумал Илья Ильич,— так просто сказала, ходя с восьмерок: «Мне, девки, недельки три еще — и до свидания».

Он обнаружил, что давно сидит, подперев голову, над пустой сковородкой.

Чтобы вскипятить чай — для этого он слишком устал, да и не хотелось ему ничего. Тихо прошаркал в комнату — кровать была приготовлена, одеяло отвернуто аккуратным уголком. Вот в чем нельзя было упрекнуть дочь — в неряшливости. Она всегда заботилась, чтобы в квартире было чисто и уютно. Не роскошно жили, но не хуже, чем люди. У них был и радиоприемник «Москвич», старенький, но берет отлично; и телевизор «Рекорд», приобрели в рассрочку; картина «Рожь» Шишкина; стулья недавно сменили; повсюду вышитые думочки; тюль на окнах.

По привычке Илья Ильич проверил внука — тот, конечно, лежал ничком поверх одеяла, раскидав руки и ноги, как парашютист в свободном полете (недавно была такая картина в «Работнице»).

Наведя порядок, старик разделся в темноте и лег в холодную постель, но едва он закрыл глаза, как почувствовал такой удар, что чуть не вылетел с постели. Он задохнулся от боли в ребре, посыпались облупленные бокалы из папье-маше, а ведущий закричал: «Как твоя фамилия?»

Дивясь такой чертовщине, Илья Ильич пощупал ребра: в одном месте при нажиме чуть-чуть болело, но не стоящий внимания пустяк. Закрыл опять глаза, пытался принять удобную позу, но едва начинал засыпать, как на него налетал премьер Борзых, и под конец он уже не знал, куда деваться, где ему стать, как на всех угодить: если он подбирал бокалы, на него вопили, если не трогал — еще больше вопили: дескать, специально рассыпал. Кругом он был виноват, кругом виноват.

Он перевернулся на другой бок, но оказался в пугающе длинной очереди, она почти не двигалась, потому что разные принцы с накрашенными лицами подавали и подавали через головы рубли, а очередь не протестовала, лишь задние нажимали и нажимали друг на друга; это было единственное, что умела очередь: давиться, протягивая руки, которых буфетчица не хотела замечать...

От такого кошмара у Ильи Ильича выступила испарина на голове. Он пересиливал себя, вставал и ходил по комнате, засовывал под одеяло безмятежно спящего своего парашютиста, ложился, но несчастья опять преследовали его: ему запрещалось иметь личный ящичек как противопоставление себя коллективу; затем он отдавался под следствие за хищение парика; Платонов в оркестре делал немыслимую киксу. И все это было так ужасно, просто конец света.

5

Придя на работу, Илья Ильич обнаружил театр на месте, целый и невредимый. Но сон все же оказался в руку.

На доске приказов, там, где висят расписания репетиций и объявления о занятиях политкружков, был приколот кнопкой лист, один из параграфов которого касался лично Ильи Ильича. За вчерашнее халатное отношение к своим обязанностям ему (фамилия, имя, отчество прописными буквами) объявлялся строгий выговор.

Илья Ильич оторопел и дважды перечитал бумажку.

— Вот так-то у нас,— сказала невесть как очутившаяся рядом Марья Поликарповна Шпак.— Как сами, так делают что хотят, а порядочному человеку — выговор.

— Право, я сам очень удивлен...— сказал Илья Ильич дрожащим от обиды голосом.

— Чему удивляться, милый, чему удивляться? В этой жизни я перестала удивляться. Ждешь беду отсюда, ан из-за угла тебя мешком. Но я бы на вашем месте так не оставила, я бы уж им показала.

— Да, я пойду и объясню,— сказал Илья Ильич.— Как же это делается? Не разобравшись... Они не имеют права!

— Иметь-то имеют,— сказала Марья Поликарповна.— Но неприятно. Я вам сочувствую.

— Я стоял во второй кулисе,— сказал Илья Ильич.— А принц уходит в пятую. И вот...

— Да, да,— сказала Марья Поликарповна.— Вы пойдите и расскажите, без крика, спокойненько. Правда, у вас ничего не получится, но вы почувствуете моральное удовлетворение.

Начальник цеха миманса приспособил себе под кабинет крохотную кладовку на пятом этаже, у входа на чердак. Он был там, сидел, как паук в своем закутке, составляя ведомость на зарплату.

Фамилия его была забавная — Чижик. Чем-то он соответствовал фамилии, потому что вечно летал по театру, кричал, там помогал, там мешал, многоцелевой и суматошный, и порядок в мимансе достигался ценой великой суеты с криком, бранью, о которой, впрочем, Чижик моментально забывал. Возможно, только такой человек и мог справиться с анархичной оравой всех этих студентов и лоботрясов, и одному богу ведомо, как он все-таки ухитрялся вовремя выпихивать их на сцену.

Безгранично почитая дирекцию, ловя на лету каждое указание, сгибаясь, подхалимничая и юля, Чижик, однако, с теми, кто был ему подчинен, превращался в льва рыкающего.

— Почему мне, не разобравшись, вынесли выговор? — волнуясь, но держа себя в руках, спросил Илья Ильич.— Ведь я всегда стою во второй кулисе. Борзых, вместо того чтобы уходить в пятую...

— Какое мне дело? — закричал Чижик, вдруг привычно рассвирепев, так как имел дело с подчиненным.— Ведущий потребовал докладную, я подал. Вас много, я один. Так каждый придет, наговорит, а я должен верить?

— Вы меня знаете,— убедительно сказал Илья Ильич.— Я столько лет работаю в театре... без... пятнышка.

Чижик с интересом посмотрел на него, склонив голову.

— Право, я здесь ни при чем, помочь ничем не могу. Там был ведущий, идите к нему и объясняйтесь. Ох ты, событие, выговор!.. На мне их сто.

Илья Ильич подумал, молча повернулся и вышел. Будь он хоть самую микроскопическую малость виноват, он бы проглотил выговор. Но здесь была нарушена элементарная справедливость. И он пошел ее искать.

После долгих блужданий по лабиринтам театра ему удалось обнаружить ведущего в нотной библиотеке. Там он просматривал партитуру сегодняшнего вечернего спектакля «Корневильские колокола».

Ведущий был человек еще молодой, из неудавшихся певцов. Он долго и нудно околачивался сперва в музучилище, потом в оперном хоре, но имел успех больше по общественной, чем по вокальной части. А так как, бегая по общественным делам, он постоянно мозолил глаза дирекциям, заседал с ними, привык запросто входить в кабинет, то ему и диплом

дали, и в театр приняли, несмотря на несостоятельность вокальную.

Такой тип людей непременно присутствует в любом искусстве. Они деятельно заседают, организуют секции, комиссии, что-то возглавляют и представляют так убедительно и авторитетно, что никому уже и в голову не приходит вспоминать об их творческой бездарности.

В данном случае искусству, однако, повезло. Должность ведущего — чисто административная, умения петь не требует, и, уйдя из хора на повышение, он оказался в своей тарелке: здесь он мог сколько угодно критиковать, указывать, поправлять и требовать от других того, чего сам не умел.

Но, как это бывает с людьми, добившимися положения исключительно благодаря свирепому комплексу неполноценности и потому дрожащими за свой авторитет, он никогда не признавал своих промахов. Он готов был скорее взорвать театр вместе с земным шаром, чем сознаться, что где-то он был не прав.

Вот почему он выслушал сбивчивое объяснение Ильи Ильича с таким же вниманием, как если бы тот просил квартиру для тещи.

— Дорогой товарищ,— сказал он,— я понимаю, что вчера вам было неприятно, когда на вас накричали. Вы знаете, что такое спектакль. С меня ведь тоже требуют, так? Давайте смотреть объективно: в спектакле случился «ляп». Был «ляп»? Был! Вы, да, да, вы ползали за этими кубками, потешали зал, потом еще что-то... И отменять приказ никто не будет. Это было бы смешно. Да, я писал рапорт и не собираюсь отказываться. А вам будет наука в другой раз.

— Но я не виноват!

— А это — как сказать. Товарищ, извините. До свидания!

— Тогда я буду жаловаться,— сказал Илья Ильич.

— Пожалуйста.

— Скажите мне, кому я могу подать официальную жалобу?

— Можно балетмейстеру, директору, министру культуры, в райисполком, господу богу Иисусу Христу,— не без юмора сказал ведущий и углубился в партитуру, показывая, что он уже выкинул из головы это дело.

Главный балетмейстер проводил репетицию в большом балетном зале. Танцоры в черных рабочих трико гроздьями сидели по подоконникам, в центре зала солисты в поте лица бились над па-де-труа, и балетмейстер возмущенно кричал:

— Стоп! Бред! Это тихий лепет на лужайке. У вас не руки, а протезный завод, ноги в сотой позиции! Куда вас занесло, кр-ретины?!

Когда он бывал в творческом ударе, таков обычно становился стиль его работы. Он был талантливым балетмейстером, ставил недурные балеты, поэтому негласно считалось, что ему, как одаренной личности, простительно всякое. И главное, он сам так считал.

Работал он широко, с размахом, делая упор на самое главное, не тратя талант по мелочам. Главным в балете были па-де-де и па-де-труа. Их исполняли примы и солисты, ну, еще немного кордебалет, как фон, а насчет миманса — там он просто тыкал Чижика пальцем в грудь:

— Ваших олухов выставьте слева и справа штук по пять.

Чижик моментально запоминал, сколько, где и каких «олухов» надо выставить, и больше балетмейстер о мимансе не помнил. Напрасно, конечно. Настоящие балетмейстеры о мимансе как раз помнили. Он этого не знал. А может, знал, да забыл.

Илья Ильич пробрался к подоконнику и стал терпеливо ждать, когда балетмейстер окончательно замордует танцоров, замордуется сам и объявит перерыв. Но балетмейстер был вынослив. Он сыпал «паралитиками», «недоумками» до тех пор, пока не стал вырисовываться его сложно-новаторский план, и он бы еще гонял, но у примы оторвалась на пуантах лента, перерыв наступил сам собой.

Пока бегали в костюмерную за иглой, Илья Ильич робко приступился со своим делом.

Сперва главный балетмейстер не понял. Он смотрел, силился вспомнить и не мог сообразить, чего от него, собственно, хотят.

— Валентин Борзых толкнул? За ним это бывает. Но это же балет. Не стойте где не надо. А что вы хотите от меня, от меня? Какой приказ? Ах, я должен отменять? Ну, знаете ли, мне сейчас не до того, простите. Эй, вы там, филиал желтого дома! Сколько раз я говорил, чтобы запирали дверь! Не пускать посторонних! Повторяем кусок! Заняли места! Начали!

Не успел Илья Ильич рта раскрыть, как мускулистые мальчики из стажеров мягко вытолкнули его за дверь, и щелкнул замок. Он еще ошарашенно постоял, слушая глухой топот вперемежку с вдохновенными криками маэстро, затем поплелся в дирекцию.

Дирекция была особым миром, Олимпом, в который Илья Ильич если когда-либо и входил, то не

Рисунок Вячеслава ЛОСЕВА

иначе как непроизвольно стушевываясь и теряясь. Казалось бы, с чего тушеваться, а все же...

В отличие от других помещений тут лежали красивые ковры, стояла министерская мебель, машинистки выглядели кинозвездами. Ибо тут решались вопросы кардинальные: хозрасчет, очередность спектаклей, гастроли, оформление десяти кубометров сороковки для декораций, количество лампочек для праздничной иллюминации. Естественно, как тут не растеряться скромному артисту миманса, пришедшему со своим личным пустячным вопросом?

Директор, к счастью, был у себя. Но у него находились люди, и секретарша предложила Илье Ильичу стул, чтобы присесть и подождать. Люди в кабинетах директоров имеют обыкновение долго разговаривать, шутить, но когда они все-таки стали по одному уходить, в кабинет вошел главный бухгалтер с кипой бумаг. Он, конечно, имел право входить в любое время без очереди, как и администратор и другие лица, которые запросто открывали дверь, входили, выходили, а Илья Ильич, тоскуя, мучительно вел счет: вот двое вошли, значит, там всего пять. Один вышел, осталось четыре. Еще двое вышли, но один вошел...

Уж совсем было освободился директор — и тут нагрянули иностранцы, холеные, в костюмах с иголочки, с золотыми кольцами, и все пришло в движение, заметались секретарши, пронося в кабинет минеральную воду, кофе, печенье в раскрытых коробках...

Гости ушли через час, когда приемная уже ломилась от ожидавшего народа. Директор показался в дверях, натягивая макинтош, его обступили — каждый со своим неотложным делом, и Илья Ильич тоже храбро стал толкаться. Директор говорил:

— Нет, нет, нам это не утвердят! Сами разберитесь! Я в министерство, да, да. Вы что, товарищ?

— Видите ли,— торопливо сказал Илья Ильич,— я артист миманса. Я стоял во второй кулисе, и вот в третьем акте...

— Дорогой, по вопросам миманса обратитесь к Чижику,— сказал директор, дружески взяв его за локоть и сделав умоляющее лицо.— Извините, разрываюсь, спешу на совещание! Чижик ваш непосредственный начальник, он решает все... Я сказал: эти сметы пока отложите, да, да! Все, все!

Он, отмахиваясь, побежал быстрым шагом, а Илья Ильич еще постоял и только потом ушел. Круг замкнулся, но он никак не мог понять, принесло ли это ему моральное удовлетворение.

Гобоист Паша Платонов, не имея дома условий, репетировал обычно днем в театре. Илья Ильич нашел его в оркестрантской, одного. Отложив гобой, Платонов резал ножом большой огурец и макал его в соль на газете. Он обрадовался Илье Ильичу и предложил поделиться огурцом. От угощения Илья Ильич отказался, но рассказал про все свои мытарства.

Окончание см. на стр. 25.

Фото Валерия НАМЯТОВА. Магнитогорск.

ТИХИЙ ВЫСТРЕЛ

Анатолий ГОЛОВКОВ

1

...Сырым зимним утром покончил с собой Владимир Геннадиевич Садовников.

Он выстрелил себе в висок на лестничной площадке во Дворце культуры «Юбилейный». Пистолет с почти полной обоймой патронов, «беретте», калибр 9 миллиметров, нашли возле тела, как того и желал покойный. В кармане его пиджака обнаружились записки — семье, товарищам по работе, правоохранительным органам,— где он просил никого в своей смерти не винить и назвал одну причину, бросившую к последней черте: болезнь, с которой он устал бороться.

«Прошу простить меня тех, кому нанес какую-то обиду,— писал Садовников.— Если и обижал кого, то мне казалось, что делал это в интересах дела. Дела были сложные и большой государственной важности. Прошу не считать меня трусом перед моей судьбой. Жил не сгибаясь и до конца дошел на своих ногах. Рано или поздно, конец у всех один...»

Это произошло в городе Воткинске, 26 февраля 1990 года, в 9 часов 20 минут утра.

Завод, делающий ракеты, и город, прикрытый снегом, были потрясены...

Возле гроба с телом бывшего генерального директора производственного объединения «Воткинский завод», дважды Героя Социалистического Труда, прошли десятки тысяч человек.

2

Владимир Геннадиевич Садовников был человеком неординарным, даже выдающимся, одним из тех засекреченных лидеров, на ком держалась оборона страны. 22 года он возглавлял завод, производящий ядерные ракеты, звавшиеся за рубежом «СС-20». Собрал вокруг себя специалистов высочайшего класса, создал гибкие технологии, чтобы быстро видоизменять продукцию согласно гонке вооружений. И его ракеты пугали цивилизованный мир, который тоже делал свои ракеты.

Садовников старался об этом не думать. Он был солдат партии и как солдат выполнял приказ.

Года три назад налаженную, накатанную жизнь завода нарушила конверсия. И заводу пришлось вместо «СС-20» выпускать стиральные машины, линии по розливу и укупорке бутылок молока, станки, детские коляски... Заводчанам казалось, что Владимир Геннадиевич с энтузиазмом принялся разрушать то, что создавал годами. На самом деле конверсия больно ударила по душе его: то, что логически воспринимал разум, не желало понимать сердце.

Он твердил рабочим и инженерам: «Партия считает, что конверсию следует начать нам». Но дома признавался родным: «Я всю жизнь думал, что чем больше ракет, тем лучше...»

Именно за ракеты «СС-20» и высокое качество этого оружия Садовников получил вторую Золотую Звезду и орден Ленина.

Эту вторую Звезду ему вручили в 1981 году; положено было установить бронзовый бюст на его родине, в маленьком татарском селе, далеко от Воткинска; прикрепили скульптора, специалиста по бюстам, и Садовников начал даже позировать ему («Раз партия считает, что бюст положен...»); первый вариант вышел неудачным, намечалась работа над вторым, но тут умер скульптор, и о Садовникове забыли...

Конверсию реальной сделала перестройка.

Вернувшись с XXVII съезда партии, Садовников с восхищением говорил о Горбачеве: «Знаете, это второй Ленин!». Однако пресса уже писала о разоблачениях, кадровых перестановках. Показывали золото, награбленное «узбекскими товарищами»; в Афганистане еще шла бессмысленная война; Ижевск еще носил имя покойного маршала, который был с Садовниковым дружен и поддерживал его всячески. И где-то вдали от Воткинска вызревала другая жизнь, появились другие люди, которые обрушились на привычные для него ценности с яростью; плюсы менялись на минусы. Клеймили вновь Сталина, а там добрались и до Леонида Ильича... Садовников же по-прежнему помнил слова бывшего генсека: «Всё, что создано народом, должно быть надежно защищено».

Но выходило теперь, что никакой «развитой социализм» не построен вовсе, экономика трещит по швам, а виной тому «бюрократы», ну вот такие, как он, Садовников, который всегда считал себя «скромным винтиком Системы».

После просмотра телевизора Владимир Геннадиевич мрачнел. Возможно, он и мог бы принять на себя часть вины за развал, тем более что был он, говорят, человеком совестливым и впечатлительным. Но он верил партии, убежден был в правоте затеянного ею дела. Создал отточенную до совершенства модель «социалистического предприятия». Приучил подчиненных, от инженера до рабочего, не щадить себя,

как поступал сам, поменьше думать о себе, но «более всего о деле», то есть о ракетах средней дальности. И абсолютно был уверен, что, построив завод и город, расселив рабочих по квартирам «со всеми удобствами», дал максимально желаемые ими блага.

И была колбаса, и водка до Указа, и рождались дети, чтобы когда-нибудь сменить на заводе отцов, уставших делать ракеты. И жены имели пальто из драпа с меховым воротником и зимние сапожки... Распределялись автомашины по степени заслуг перед обороною страны, а также «садоогороды» со стройными рядами редиса и огурцов...

Так что же? Все это зря? Все напрасно? Отчего же, к чему?.. Ведь он так старался, столько сделал... «А теперь,— говорил он родным,— наркомания, проституция... Часть труда ушла на поддержку паразитов общества?» Система все еще ценила его, он был попрежнему ей нужен; завод делал и другие ракеты, «СС-25»; они исправно грузились в вагоны, которые просвечивали бдительные американцы на предмет обнаружения «СС-20», запрещенных Договором. Садовников был убежден, что партия и Горбачев не допустят, чтобы речами развращали народ, «который уже и так норовит поменьше работать и побольше получать».

3

В 1988 году Садовникова окончательно «рассекретили» и послали в Америку на завод аналогичных ракет. Он и раньше знал кое-что об этой стране, листая журналы «Америка» с презрительным любопытством, понимая, на что способна буржуазная пропаганда. И потом, «если б у нас не было войны...»

Он перелетел через океан и увидел уютные, чистые города, построенные в несколько ином вкусе, чем его Воткинск. Встретил улыбчивых людей, спокойных и загорелых. Владимира Геннадиевича поразило не столько изобилие, выбор товаров со всего мира, а именно то, что страна «потенциального военного противника», как он привык думать долгие годы работы над оружием, уже успела достигнуть чего-то похожего на вымечтанный социализм...

Приехав, он признался домашним: «Это сказочная страна...». И вскоре после этого написал заявление на пенсию.

Какие же мотивы двигали им? Безусловно, болезнь уже давала о себе знать, хотя он сопротивлялся ей отчаянно: бегал по утрам, занимался йогой, голодал. Он неустанно консультировался у врачей, побывал у экстрасенсов, народных медиков, накупил литературы... Однако была и другая деталь, которую после смерти его как-то не принято обсуждать: генерального директора к пенсии недвусмысленно подталкивали.

Еще до поездки в Америку появилась в центральной газете статья за подписью (с недавнего времени уже бывшего) первого секретаря Удмуртского обкома партии коммунистов товарища Грищенко по поводу омоложения кадров.

Последовал ряд смещений. В среде партийной номенклатуры поговаривали: «Ну, а Владимир-то Геннадиевич? Засиделся, батенька...» И хотя министр оборонной промышленности вступился за генерального директора, намекнув, чтобы партийные органы не лезли в оборонные дела, Владимир Геннадиевич был крайне уязвлен: «Что ж, выходит, я теперь никому не нужен?» Было ему 59 с половиной лет.

И только когда Садовникова не стало, многим бросилось в глаза, что Грищенко не участвовал в похоронах, не согласился поддержать просьбу заводчан напечатать некролог в одной из центральных газет, чего Владимир Геннадиевич, безусловно, заслуживал...

Страдал Садовников и от множества анонимок на него. В каких только грехах не обвиняли почетного гражданина города Воткинска! Кому-то он, дескать, не желал повышать пенсию по своему деспотичному умыслу, кого-то обделил квартирою. Были и вовсе курьезные доносы, будто Владимир Геннадиевич использует служебную машину в личных целях. Это Садовников-то, который жил в небольшой трехкомнатной квартирке со скромной мебелью и потертыми коврами, не имея очень многого, чем обладали некоторые другие, непочетные граждане города! Курьез же заключался в том, что и служебная и личная «Волги» директора, к несчастью, были одного цвета.

На пенсии он ушел в себя. И теперь ничто не отвлекало его от болезни, той, с которой люди, бывает, живут годами. Потому что был лишен главного — **быть полезным**, что и составляло для него смысл жизни. Он ушел «на заслуженный отдых», когда еще мог бы работать...

4

Оставляет место для размышлений и хроника тех дней, когда Владимир Геннадиевич решил покончить с собой.

24 февраля он был с семьей. Но в этот день по городу пронесся слух, что якобы в воскресенье в Воткинске ожидается грандиозный митинг, а также беспорядки, не исключающие «расправу над некоторыми аппаратчиками». Садовников со своими взрослыми сыновьями, Владимиром и Валентином, достал из домашнего сейфа оружие, готовясь к возможному нападению.

— Вы полагаете, что Садовников всерьез опасался погромов? — спросил я вдову, Елену Дмитриевну.

— Думаю, у него были основания...— помолчав, ответила она.— Когда он узнал об этих слухах, сказал: «Меня пришьют в первую очередь». Я попыталась отшутиться: «Господи, да кому ты нужен?»Он как-то странно посмотрел на меня и тихо сказал: «Нет, я знаю. Есть люди, которые хотят со мной расправиться».

25 февраля, в воскресенье, они были дома, но ничего не случилось, в городе было спокойно.

26 февраля, в понедельник, Владимир Геннадиевич встал в прекрасном расположении духа.

— Уходя, он обнял меня,— рассказывала Елена Дмитриевна.— Сказал: «Я позвоню тебе через час». Глаза веселые, улыбается. Потом действительно позвонил: «Там у меня на столе папка с бумагами, завтра почитай».

И она прочла...

5

И спустя четыре месяца после смерти Садовникова, узнавая о цели приезда моего, люди опускали глаза, понижали голос, и лица выражали полнейшее недоумение: зачем потребовалось вновь ворошить эту историю? Уже вроде стало забываться все, успокоился город.

Я не астролог и не знаю, как влияет расположение звезд на автономную республику. Но последние годы ее будто преследует рок: процент самоубийств превышает все мыслимые нормы, что тревожит прежде всего врачей.

Главный психиатр республики Алексей Алексеевич Сунцов считает, что Удмуртия держит своеобразный «рекорд» по числу самоубийств — 41,4 случая на 100 тысяч населения (1986 г.). И с этих пор число самоубийств высоко, оно не опускалось ниже 36 случаев на 100 тысяч человек, причем процент психически больных, покончивших с собой, равен всего лишь 15.

Понятно, почему именно Ижевск был выбран местом проведения советско-американской конференции по самоубийствам. «В вашем регионе суровый климат,— констатировали коллеги из США.— У нас в Америке в холодных штатах тоже многовато самоубийств». Наши дополняли: «В воздухе Ижевска — тяжелые металлы. Они-то, помимо всего прочего, и приводят к депрессии». А тяжесть здешнего неба, атмосфера тупого безразличия к людям не давят на чувствительное сердце, не наводят на мысли о бессмысленности существования?..

Индустриальные города Удмуртии превратились в казармы, скопище унылых новостроек с видом на слегка затянутые дымкой голубые российские дали. Жизнь будто навсегда регламентирована. С раннего утра люди толпятся на автобусных остановках, ежась от ветра, мечтая поскорее очутиться в цехах, возле привычного станка. И так с рассвета до обеда, а там, глядишь,— конец смены. После работы отоваривают талоны на дешевую колбасу, на куски чего-то бесформенного, похожего, кажется, на свинину, что там еще... И совесть гонит домой, в семью, где от усталой жены, бывает, не дождешься доброго слова, особенно если успел перехватить кружечку-другую пива...

Бывает жизнь цветная, а есть черно-белая.

В Ижевске, в Воткинске вспомнилась мне первая командировка в «другое государство». Утром из окон вагона открылась взору разноцветная страна, жители которой раскрасили в желтые, оранжевые, голубые тона все — от цистерн до складских помещений, заборов, фасадов домов,— и так до самого Кёльна... И испытал я персональный шок, как Садовников в Америке. Бродил по улицам городов, проигравших нам войну, и жгла сердце обида за свою Отчизну, за старух из бесконечной вереницы сел и райцентров, на которых (из каких еще только сил?) держится Российская земля и которым даруют нынче тотальное повышение цен... За людей, которым всю жизнь обещали радостное цветное кино изобилия и братства, в результате — обворовали до нитки; иных успели уничтожить в лагерях, а на остальных надеются по сей день.

На Южном кладбище в Воткинске спит в своей могиле Владимир Геннадиевич Садовников.

Прощай, надежда?

6

Волна перестроечного шторма докатывает и до Ижевска, но по физическим законам становится уже плавной, длинной и совсем гасится. Словно город окружил себя волнорезами.

Крепка обкомовская власть. Она пока лишь позволяет быть с собою рядом власти Советской. Включать то первый, то второй микрофон. Сколачиваться в депутатские блоки, понимающие демократию каждый по-своему, иногда весьма оригинально.

Одни из тех, для кого эта демократия предназначена, терпеливо тянут лямку; и тогда, глядя на Родину как бы со стороны, не удивляешься, понимаешь, за счет чего и кого продаются еще в магазинах хлеб и молоко, ходят по улицам троллейбусы, мамаши ведут детей в садик... Другие накладывают на себя руки.

Кто там покидает навсегда трибуну? Какая там фамилия украшает табличку на дверях кабинета взамен прежней? Кому удастся убедить народ в правоте своих идей — предшественнику ли, новичку? Садовникова об этом уже не спросишь. А задавать подобные вопросы населению у нас еще не приучены.

Никакого политического демарша «бюрократ» Садовников не совершал и дверью на прощанье хлопать не пытался. Глух и скромен был последний выстрел его: город вздрогнул — страна так и не услышала. Просто устал человек, может быть, более многих других **имевший право** устать,— и все! Но остались другие. Остались и живут рядом с нами те, кто, «выполняя решения», заставлял других гнуть спину ради выдуманного в кабинетах коммунизма.

Вот они снова готовы, не считаясь с потерями, гнать и гнать всех подряд через минное поле с завязанными глазами. Вон их лица с праведно горящими глазами, их убеленные благородной сединой головы, их звезды на погонах, их губы, растянутые в снисходительной улыбке. Вон они, те, «кто был никем», недовольные, будто их только что оторвали от банкета, наущают нас, сереньких, как дальше жить...

Кому-то, возможно, уже мерещится «триумфальное шествие Советской власти», как в восемнадцатом. Власти, с которой, как сказал мне в Ленинграде А. А. Собчак, он никому не советует бороться, «ибо это дело бесперспективное». Возможно, и так... Но Анатолий Александрович, Гавриил Харитонович, Борис Николаевич, кто в этой борьбе за власть пожалеет Россию и россиян? Кто защитит их? Многие из них до Москвы, до Питера докричаться не могут! Их телефонные вопли застревают на каких-то неведомых коммутаторах. Их письма, полные боли, скапливаются на чьих-то равнодушных столах. Видны ли вам глаза их, когда на вашем табло загорается: «Решение принято!»? Им-то не на кого больше надеяться.

Или, может быть,— еще на тех, бывших, в одинаковых костюмах и шляпах от кремлевского спецателье?

Лицемерию и цинизму наших «бывших», которые теперь отсиживаются на персональных дачах, мы уже ужасались. И когда наступит, наконец, время отвечать за содеянное (лично я в этом нисколько не сомневаюсь!), не забыть бы спросить не только за мертвых, но и за живых. За ту часть народа нашего, которую все эти гришины, кунаевы, романовы, алиевы совратили, заставляя не просто множить ложь, но и верить в нее как в святыню. Поклоняться лжи.

За десятилетия безраздельной власти верхний эшелон партаппарата вскормил и воспитал немало людей, которые, в отличие, предположим, от Романова, жили совсем не по законам «двойной морали», как это теперь пишут. Пройдите сегодня по коридорам партийных комитетов, и вы встретите тех, чьим смыслом жизни искренне была и остается коммунистическая идея. Они не воровали, они верили.

А нам, мутантам постсталинской эпохи, у которых можно заменить кровь, но уже не переделать клетки, нам подчас достает ожесточения и суровости, чтоб записать их в стан врагов! В этом смысле нам бы, душелюбам, взять пример с Восточной Европы. Помните недавний телесюжет, когда чешский коммунист сжег себя посреди пражского сквера? И вот моего знакомого, бывшего собкора польской газеты по Москве, потом, в Варшаве, выставили с работы исключительно за то, что он был членом ПОРП... Что же мы, великие демократы и гуманисты, медлим, что ж не составляем очередной черный список, пусть даже в нем и окажутся миллионы?..

Каждая секунда прожитого времени драгоценна не только потому, что это наша история. Давайте научимся, наконец, смотреть на эту историю не только как на сплошную цепочку преступлений и авантюр. Альтернативой «Краткому курсу» может появиться новый «краткий курс», некое евангелие от перестройки, и окажется, что мы большую часть XX века только тем и занимались, что фанатично истребляли друг друга. В этом, безусловно, есть большая правда. Но чего бы стоила она без другой правды, пусть даже малой. Она заключается в том, что наша история — это время, которое прожито как сумма конкретных судеб.

Делать сегодня вид, что мы можем обойтись без такого взгляда на свое прошлое, что оно существовало как бы само по себе, без нас, забыть, что род свой мы ведем не только от Ивана Калиты или Владимира Красно Солнышко, но и с октября семнадцатого, вставать сегодня в такую позу — значит снова обманывать себя. Последствия очевидны и предсказуемы, потому что политический, идеологический водораздел неизбежно поведет к размежеванию, к сегрегации, за которыми нет иного аргумента, кроме автомата или ножа... Тревожнейший симптом нашего

больного времени угадывается в том, что и народные депутаты России, и партийные делегаты съездов при голосовании кардинально важных, принципиальных для всего общества вопросов раскалываются на два непримиримых лагеря. Многие боятся правого переворота, и такая опасность, на мой взгляд, не исключена. Ну, а как мы сможем смотреть в глаза друг другу, если завоевание демократических свобод обойдется ценой тысяч человеческих жизней, изуродованных судеб?

Тогда придется считаться с тем, что большинство аппаратчиков, прижатых к стенке, за которой ни воздуха, ни тверди, не сможет и не захочет «перестраивать» свое сознание нам в угоду. Одни из них уже сейчас ищут работу. Другие окажутся на улице завтра. Вот то, в чем как-то не хочется сознаваться нашим радикалам: это ведь тоже соотечественники! Они становятся теперь не только народными депутатами, но и — все чаще — пациентами больниц. Живут с ощущением катастрофы: земля ходит ходуном под ногами, все привычное рушится.

Про больницы — не выдумка, не передержка, ибо перестройка сотрясла не только страну, но и психику людей.

Вот что сказал заведующий психосоматическим отделением Всесоюзного центра отравлений института имени Склифосовского И. П. Дикий:

— Попытки самоубийств отражают состояние общества. После введения антиалкогольного указа наши палаты были забиты юными токсикоманами. Года два назад к нам стали поступать люди, пытавшиеся кончить с собой, которых мы вынуждены были отнести к новой группе — «перестроечного суицида», это аппаратчики министерств и ведомств...

И поразительная картина, скрытая прежде от глаз, возникла после беседы с Иваном Петровичем. В то самое время, когда многие из нас не без злорадного упоения следили, как расформировываются целые министерства, как таскают по этажам столы и стулья, готовят к уничтожению бумаги,— в те же самые дни институт имени Склифосовского принимал ежедневно по 3—4 работника этих министерств, для которых жизнь потеряла смысл... Спасти удалось немногих. Причем психически больных среди бывших «бюрократов-аппаратчиков», как подчеркнул Иван Петрович, ничтожно мало, считанные единицы. Это здоровые люди, доведенные «ветром перемен» до пограничных состояний... А вот недавно возникла своеобразная «мода» на самоубийства среди солдат. И опять-таки до нас доносятся лишь отрывочные сведения о том, что матери открыто протестуют против службы сыновей в стройбате, а мальчики в погонах, доведенные до отчаяния, кончают с собой...

В Москве количество самоубийств по сравнению с 1982 годом удвоилось и ежегодно возрастает в среднем на 10 процентов. В прошлом году было около 15 тысяч (!) попыток самоубийства, из них половина закончилась летальным исходом. Трудно определить, сколько именно партийных работников пытались покончить с собой, поскольку, как заметил Иван Петрович, «партаппаратчиков обслуживало главным образом IV Главное управление Минздрава СССР». Стучи в эти двери — не достучишься!

Психолог Светлана Юрьевна Пузанова со своими коллегами в Ижевске проводит консультации в отделении неврозов. Вот что ей приходится выслушивать от работников парткомов.

«Мы всю жизнь просидели в дотах. Я, истинный ленинец, служил партии, мир казался осмысленным и справедливым. Цель — ясною. Работа — почетной и важной. Ленинизм был для меня стержнем, великой духовной силой. Теперь мне кажется, что все было напрасно, я никому не нужен...» (мужчина, 52 года).

«Я ничего больше не понимаю. Мне страшно. Заставляю себя приходить в партком, но ведь людям нельзя показывать свои слабости... Чтобы как-то успокоить себя, внушаю, что все еще переменится и в стране восторжествуют идеалы социализма» (женщина, 32 года).

Одни публично жгут партбилеты, как это было в Прибалтике и Баку, другие мечутся, запутавшись в противоречиях времени, словно в паутине. И тогда порой в воспаленном мозгу возникает «простой выход» из положения — узкий черный коридор, за которым — ничто...

7

Так что нам нужнее сегодня — очередная классовая борьба или терпимость? Бедный, но вполне поправимый мир — или гражданская война? Очередная охота за ведьмами — или доверие? Боюсь, что уже ни кавалерийской шашкой, ни резиновой дубинкой, ни доносами, ни цитатами нам не убедить друг друга. Людям нужна уверенность в завтрашнем дне. А покамест партийные платформы, уткнувшись в тупик, громоздятся друг на друга, оспаривая, какая КПСС лучше, собираются колонны добрых молодцев под испытанным знаменем. Они-то знают, чего хотят!

Никто пока не застрахован от будущего, которое они нам сулят. Сколько угодно можно сочувствовать им, как живым людям, как человекам, но мы уже знаем, как они умеют жалеть нас. Эти неистребимы, непотопляемы. Высший эшелон номенклатуры никогда не забывает о своих меченосцах, и посмотрите, как прекрасно они умеют заботиться о себе, с какой нежностью шлют друг другу поздравления с майскими и ноябрьскими, как пекутся о чадах своих — просто залюбуешься! Но их — сотни. Обманутых ими — миллионы!

Ну, а мы? Сколь усердно помогаем мы себе, молясь за Россию в бездействии, под гипнозом новых указов? Как чтим в себе любой знак утешения, заглушения совести, живя, словно с опухолью в мозгу... И когда, убаюканная, стихает совесть, наступает бред сомнения.

Мы до танков на перекрестках наших городов, до какого-нибудь очередного террора будем сомневаться, надо или не надо протянуть руку помощи армянам Нагорного Карабаха. Мы все еще размышляем, кто был прав, а кто виноват, когда войска стреляли и давили все живое в Баку... Мы сами себе все еще стесняемся признаться, что народ Литвы, отстаивающий независимость, уже выбрал себе судьбу!.. Мы варварски грабим Среднюю Азию, заставляя ее за бесценок растить хлопок, намывать зеравшанское золото, добывать олово и сурьму, глядя, как на берегах Арала умирают дети. И еще удивляемся, когда в Ферганской или Ошской долинах вспыхивает мятеж. Мы никак не можем заставить себя избавиться от проклятого двуличия, чтобы лучше наше двуличие (а не правительство, которого мы, уверяю вас, вполне достойны) подало в отставку!

Тоталитарное сознание, через которое иные пытаются перескочить, словно через яму на дороге, на самом деле некая разновидность массового психического заболевания. С ним, возможно, уже вряд ли справиться старшим поколениям. Поговорите хотя бы с ветеранами партии в местах их комфортабельного заточения, вроде Переделкина. Нам же всем вместе жить, и, может быть, только наши внуки не будут отравлены ядом лжи и цинизма.

Путь к норме долог. Иначе зачем бы одним из нас объяснять другим элементарные уроки общечеловеческой морали? К чему бы нам говорить, писать, кричать, что никто из сограждан не подлежит моральной петле, пока вину не определит суд? Что одинаково безнравственно являться с доносом на кандидата в депутаты России, бывшего осужденного диссидента, как это сделали ленинградские чекисты, запугивать избирателей, отчего Юлий Рыбаков был лишен республиканского кандидатского мандата (ныне он депутат Ленсовета), равно как и травить в центральной прессе «бюрократа» Анатолия Рукавицина, бывшего секретаря Курского обкома партии, которого все-таки забаллотировали, припомнив ему давнишнюю историю, в которой он не был виноват.

А если все не так, если иначе жить, думать и поступать, то не получится ли, что одна часть населения страны бодро зашагает в наше распрекрасное, регулируемое, гуманно-рыночное будущее, а другая застрянет на полдороге? Неужели мы кого-то «не возьмем с собою»?

Ну, давайте оставим генерал-майора, которого командование вытолкало в отставку за резкую критику, Владимира Шаталова, депутата Ленсовета, «афганца», который про себя искренне говорит: «Одной ногой я с демократами, а другой — с консерваторами и ничего поделать с собой не могу...» Давайте перестанем знаться с другим генералом, Олегом Калугиным, бывшим разведчиком, бросившим вызов КГБ, с офицером, которого лишили всех наград и воинского звания...

Давайте, наконец, предадим забвению наших мертвых — и тех, чьи могилы обозначены столбиками с номерами на маленьком кладбище 35-й зоны бывшей Пермской колонии политзаключенных, и тех, кто встретил инфаркт за рабочим столом, потому что видел цель своей жизни в том, чтобы люди жили лучше, справедливее и достойнее...

Стало быть, порознь отныне и навсегда? Вы — своей дорогой, а мы — своей? Значит, мы, говорящие по-русски, родившиеся на одной земле, пережившие одну и ту же войну, становимся непримиримыми врагами?.. Страшновато представить. А все-таки, как не вспомнить, на Съезде народных депутатов РСФСР и те, и другие аплодировали друг другу стоя, только что проголосовав с редким для нынешних дней единодушием — за суверенитет России... Выходит, точки согласия все-таки есть?

И мне хочется спросить тебя сегодня, читатель, друг мой и брат, соотечественник, охваченный политической лихорадкой,— не тебя ли молодые еще родители вели в агитпункт, украшенный кумачом и еловыми лапами, чтобы ты лично приобщился к «таинствам» выборов «товарища Сталина»?.. Не ты ли приникал торжествующим ухом к радио, чтоб не прозевать репортаж парада с Красной площади под аромат праздничного пирога с кухни?.. Не ты ли заводовал первоцелинникам, не твоя ли душа дрожала при звуках «Прощания славянки»?.. Не твои ли речи слышны из курилки шестьдесят восьмого года, когда ты с другими восхищался, «как наши ребята взяли Прагу»?.. Не ты ли, возмужав, тайком читая по ночам Солженицына, увидев утром в газете очередной пасквиль на академика А. Д. Сахарова, участливо делился с коллегами по кафедре: «Конечно, Андрей Дмитриевич святой человек... Но зачем он связывается с этими западными журналистами?»... Не ты ли, оглушенный горем, после похорон собственного сына, убитого в Афганистане, все еще мысленно искал оправдание кровавой бойне, развязанной твоим правительством, вошедшим во вкус экспорта коммунистического режима?..

И если сказанное хоть в малой степени касается твоей судьбы, справедливо ли ты пытаешься ожесточить сердце свое против тех, кто живет рядом, но думает иначе?

Я задаю тебе эти вопросы, потому что уже давно спрашиваю об этом сам себя. И тогда не спится по ночам, мерещатся давно угасшие голоса, и сирена «скорой помощи» отлетает назад, в темень потерянного времени, словно кто-то еще может выбить пистолет из руки Владимира Геннадиевича Садовникова.

■

Обращаюсь ко всем тем, кто был несправедливо репрессирован в годы сталинизма, членам семей и близким погибших, всем, кому дорога память о трагическом прошлом нашей страны.

Обращаюсь в надежде на понимание и помощь в моей трудоемкой работе.

На протяжении почти 13 лет я составляю картотеку персонального учета лиц, репрессированных в период сталинского беззакония. За это время мною собран материал на 157 000 жертв произвола. Работа ведется самостоятельно, при полном отсутствии доступа к архивам, ибо они наглухо закрыты не только для меня, преступившего когда-то ведомственные барьеры, но также и для всех историков-исследователей. Все призывы общественности открыть архивы, незамедлительно подготовить и вынести на обсуждение сессии Верховного Совета СССР проект демократического закона об архивной службе в СССР никаких результатов не дают. Его нет.

Что же делать? Прежде всего работать, продолжать собирать материалы о репрессированных путем опроса граждан. Печально, но факт: пункт в анкете Всесоюзной переписи СССР на 1989 год о незаконных репрессиях в отношении семьи опрашиваемого отсутствовал.

Тех, кто пережил сталинские лагеря, высылки в места спецпоселения, сталинский геноцид, с каждым днем становится все меньше и меньше. Даже дети пострадавших уже не все могут помнить и рассказать, не говоря уже о внуках. Трагическая история нашего народа уходит в никуда.

При сложившейся на сей день ситуации у меня нет иного выхода в продолжении начатой работы, как обратиться к читателям: человеческий архив памяти и боли несет не меньшую пользу, чем архив бумаг. Мы обязаны сохранить его!

Поэтому, если вам что-нибудь известно о репрессированных родных, близких, друзьях, просьба: заполнить данную анкету. Пополнив мою картотеку, вы тем самым заложите основу будущей картотеки общества «Мемориал».

Обещаю вам не останавливаться в начатом еще школьником сборе материалов ни на час, ни на день, никогда.

АНКЕТА

1. Фамилия.
2. Имя.
3. Отчество.
4. Год рождения.
5. Год смерти.
6. Национальность.
7. Партийность.
8. Социальное происхождение.
9. Образование.
10. Последнее место работы и занимаемая должность до ареста.
11. Факты ареста, репрессий.
12. Факты реабилитации.

Анкету направлять по адресу: 117313, Москва, Ленинский проспект, д. 90, кв. 95. ЮРАСОВУ Дмитрию Геннадьевичу.

ОГОНЁК

ПРАВДИВЫЙ ОЧЕВИДЕЦ НЕВИДИМОГО

Андрей ДЕМЫКИН.
СВЕРКА ВРЕМЕНИ.
1973 г.

СТРЕКОЗА. 1970 г.

СТАРЬЕВЩИК.
1976 г.

Сегодня наконец мы имеем возможность знакомиться с творчеством художников, произведения которых раньше были недоступны широкой аудитории. Некоторые так и не дожили до своих персональных выставок. Судьба московского художника Андрея Демыкина (1951—1989) не является в этом смысле исключением.

При жизни официальных выставок не было. В декабре 1989 года тридцать работ художника экспонировались на московской выставке «Мемориал-89», а в феврале 1990 года его картина «Автопортрет с кистью» была представлена на выставке «Дни Москвы в Мадриде».

Намечается выставка в зале Фонда культуры СССР.

В издательстве Интерпракс (советско-американский фонд «Культурная инициатива») готовится альбом художника.

* * *

У него была одна профессия — живописец.

Поразительно достоинство, с которым он нес свой крест. Ни малейшего намека на суету. Напротив, аристократическая, без оглядки, щедрость и полная покорность творческой судьбе. Нужно еще добавить, что при душевной нежности и щедрости к окружающим, к себе Андрей был, говоря без преувеличения, просто беспощаден.

И вот теперь, когда оборванное время начинает разматываться в обратную сторону, мы все с изумлением обнаруживаем, какой невероятный художник еще совсем недавно жил среди нас.

Мне кажется, что по складу характера Андрей был классическим аскетом. Он с легкостью отказывался от любых благ и даже радовался, когда мир вокруг него сужался до размеров холста на подрамнике.

Андрей почти никогда не давал названий своим вещам: он щепетильно оберегал чистоту живописного жанра и, зная свою литературную одаренность, как художник, боялся ее.

Он не любил, когда объясняли при нем смысл его картин. Поэтому отметим лишь общее свойство созданных им произведений: все предметы, все явления, помещенные автором в пространстве живописного поля, собрались для того, чтобы оставаться там до скончания века. Они не позируют художнику, чтобы по окончании сеанса расползтись в разные стороны. Видимо, в этом-то и надо искать ключ к пониманию творчества Андрея Демыкина.

Андрей имел все данные, чтобы стать художником детской книги, ибо всерьез верил в чудеса. Он писал отличные стихи, прекрасно пел и играл на гитаре. Словом, был одарен природою по-царски. Но, на наше счастье, Андрей Демыкин был тем, кем он был. Он отдал себя живописи.

Не нужно быть особенным провидцем, чтобы предсказать его полотнам и графическим листам в недалеком будущем громкую известность. Сам Андрей увидел лишь ее начало и не успел, а может, даже не посмел в это поверить.

Лев ТОКМАКОВ

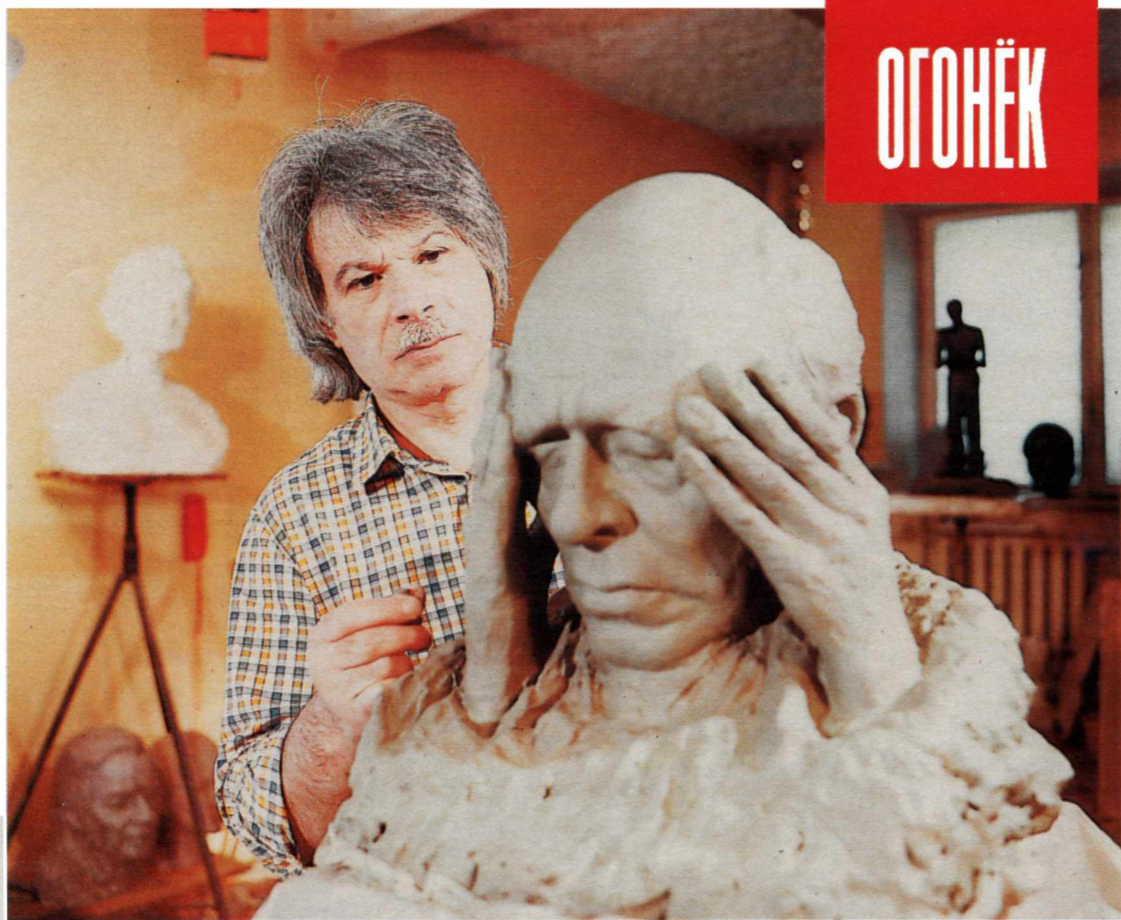

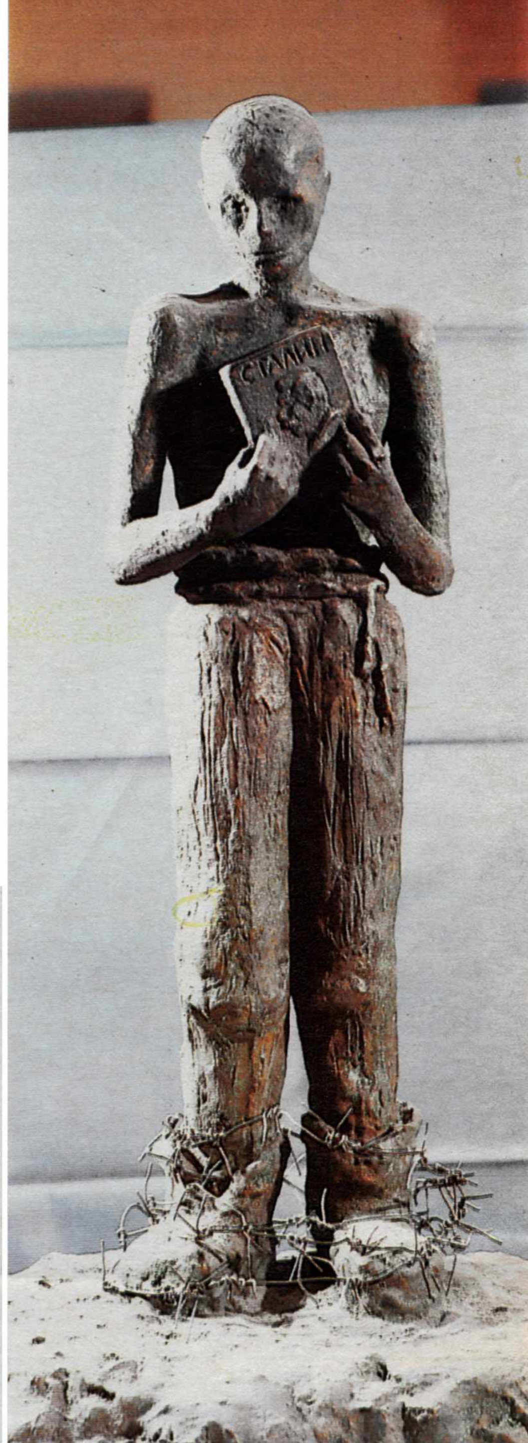
ПРОГУЛКА.
1983 г.

НОСТАЛЬГИЯ. 1973 г.

ОГОНЁК

ПАМЯТНИК, КОТОРОГО НЕТ...

Петр Шапиро — скульптор, который всю жизнь ваял своих современников. И вдруг (хотя вряд ли «вдруг», конечно) он создал монументальный образ декабристского восстания 1825 года, воспроизведя через знакомые силуэты великую трагедию одинокого человеческого мужества, которое через десятилетия стало всенародным. Вероятно, обращение к истории что-то изменило в душе художника, потому что вслед за первым памятником (к сожалению, так и оставшимся в мастерской, хотя проект был удостоен премии на Всесоюзном конкурсе) он создает философскую панораму сегодняшней трагедии Земли. Круг, разделенный пополам,— это наша многострадальная планета, где черная ее половина уже отравлена Чернобылем, обесчещена концлагерями и иссушена людским страданием. На другой — зеленой — половине еще жива наша беспечность. Два мыслителя — абстрактный роденовский и наш А. Д. Сахаров — трагически задумались о судьбах Земли, над которой маятник Фуко отсчитывает часы и дни...

Сколько же нам осталось времени для того, чтобы уничтожить небо в его бесконечной синеве, отравить моря и реки в трепетной доверчивости к людям, убить Землю, на которой живем? Художник обращается за ответом к нам с вами, ко всем, кто действительно любит и ценит жизнь, а не бытует в ней, кто не погубил в себе восторга перед красотой мира, перед великой добротой природы, пытающейся из последних сил спасти нас.

Человек, стоящий посредине,— узник и жертва сталинского произвола — слеп в своей верности времени, которое его погубило. В его трагической позе есть что-то зловещее, потому что жестокость, через которую он прошел, вытравила в нем все человеческое. И, может быть, задолго до этой позы он быстро привык к другой — к позе доносчика, палача, надсмотрщика? И это не столько его вина, сколько необратимая беда всего нашего общества, выпестованного режимом с молчаливого согласия каждого.

Трагическое начало биографии художника Петра Шапиро дает ему право на такое осмысление этой темы. Он, сын известного советского инженера-химика и романтической американки, приехавшей строить социализм, испытал все «прелести» спецбарака для детей «врагов народа». Художник призывает нас к бдительности, трогая те струны души, где оживают запоздалое покаяние и людской гнев.

Андрей ДЕМЕНТЬЕВ

Фото Юрия САДОВНИКОВА

АРТИСТ МИМАНСА

Начало на стр. 18.

Платонов отнесся к делу серьезно.

— С одной стороны, обидно, конечно,— сказал он.— С другой стороны, ты и сам какой-то... как ребенок, честное слово.

— Но ты сам говоришь, что обидно! — воскликнул Илья Ильич.— Они же все...

— Что они? Ну что? Не следует тебе думать, что кто-то желает лично тебе зла. Нет! Тебе никто не хамил, никто на тебя не цыкал, и вообще все отнеслись к тебе с должным вниманием. Чижик, ведущий, директор, ты, я — все мы члены налаженного организма, мы все хорошие, мы все хотим добра. Но каждый занят своей задачей, и никому неохота этак стопорить ход, что-то пересматривать, а то, гляди, сдавать назад — это же беспокойство!..

— Но справедливость...— начал было опять свое Илья Ильич.

— О справедливости Чижик запоет, когда коснется лично его самого! Но он побежит — и с ним будет то же, что с тобой. Наш век многому научился, но не научился внимательности. Пока над нами не каплет, мы равнодушны. А в общем, мы хорошие, да. Скажи, однако, пожалуйста, мало ли ты на своем веку видел несправедливостей? А часто ли ты в это дело встревал, если тебя не касалось? Так и другой, и третий, и ваш Чижик такой, все такие. Мы заняты. Когда речь идет о чужой обиде, мы очень заняты.

— Значит, я сам дурак? — уныло спросил Илья Ильич.

— Не исключается,— засмеялся Платонов.

6

Серьезный оперный театр поставил легкомысленную оперетку «Корневильские колокола» единственно по той причине, что она была кассовым спектаклем. Привыкшие к оперному пафосу артисты плохо вживались в опереточную глуповатость, и спектакль получился и не умный, и не глупый, а какой-то придурковатый. «Колокола» сильно всем надоели, но публика шла, спектакль держался, хотя играли его уже почти автоматически.

В этот день работалось особенно скверно. Певцы отбарабанивали кое-как. В местах, где сам бог велел смеяться, публика подло молчала. Это, в свою очередь, угнетающе действовало на сцену, и начиналась та муть, которая для театра хуже всего: все видят, что не ладится, но никто не ведает, как спасти, и каждый думает уже лишь о том, как бы скорее это кончилось...

Илья Ильич изображал слугу, поселянина, носильщика портшеза и уличную толпу. Артисты миманса, поддавшись общему гипнозу, ходили плохо, стояли неправильно, ошибались, и Илья Ильич вместе со всеми думал: хоть бы скорее домой.

В интермедии, пока менялись декорации, миманс изображал проход разных людей на ярмарку. Стипендию выдали, и студенты не явились, миманса было мало. Чижик экономно выпускал одну за другой нужные группки, зал скрипел креслами, кашлял, сморкался.

Илья Ильич уже успел нарядиться под бродячего музыканта. Чижик навьючил на него огромный бутафорский барабан и вытолкнул на авансцену:

— Не спеша, не спеша!

То ли у Ильи Ильича голова устала от долгого ожидания у директора, то ли Чижик слишком подтолкнул, но Илья Ильич не удержал равновесия под тяжелым барабаном и споткнулся на ровном месте, едва не растянувшись на сцене.

Вероятно, это получилось комично, потому что в зале наконец кто-то засмеялся. Пытаясь удержать съезжающий проклятый барабан, Илья Ильич волчком закрутился на месте, кое-как справился, посмотрел тоскливо на противоположный край сцены, куда еще нужно было дойти,— и тут зал буквально взорвался в хохоте. Зал полагал, что это не настоящий старик, а загримированный актер, что все так и надо.

И случилось чудо.

Илья Ильич проковылял и ушел, но все последующие за ним тоже встречались хохотом, а они это почувствовали и стали выжимать смех даже там, где сроду его не слышали.

Потом последовала красочная сцена ярмарки, сорвавшая бурю аплодисментов. Артисты перестали ощущать глухую стену, вдруг явились блеск, сверкающее остроумие. Зал все смеялся, аплодировал, и спектакль закончился бурным успехом.

В конце последнего акта Илья Ильич оттащил в уголок портшез и только собрался было идти наверх, как на него ястребом налетел Чижик.

— Директор с иностранцами в ложе сидел! Приказал узнать: кто такой? Я побежал сам, даю полную характеристику, работает, говорю, тридцать лет. «Отметить!» Да ты понимаешь ли, наш миманс спас спектакль! Премий, дорогуша, нет, перерасход, но уж путевку по линии месткома...

Илья Ильич вытер платком лоб.

— Помилуй бог, как это?..— пробормотал он.— Я ничего не хочу... Вы мне снимите, пожалуйста, выговор. Честное слово, не я виноват. Я ведь стоял во второй кулисе, а Борзых...

— Опять двадцать пять! — с досадой сказал Чижик.— Этого я не могу. Это такая механика: раз нажата кнопка, сработал рычажок — все, обратного хода нет. А сегодня, дорогуша, поощрение.

— Я не старался.

— Тем более! Значит, талант. Не надо думать про выговор, а о путевке я хлопочу. Выше нос, выше нос!

Илья Ильич пошел к лестнице и услышал, как за его спиной кто-то из солистов сказал:

— Вон тот, что с барабаном падал.

Нельзя сказать, что Илье Ильичу было неприятно слышать это. Размышляя над происшедшим, он стал подниматься на пятый.

Диво дивное! Парикмахер не стал выхватывать парик, а попросил зайти на минутку, любезно усадил перед зеркалом и стал вертеть его, размышляя вслух:

— В следующий раз я вам сделаю другой парик. Этакий пепельно-серый, растрепанный и в сосульках, как? Сегодня только и говорят, как вы перевернули спектакль. Поздравляю.

Это был уже фурор.

Потом были еще разговоры. Вспоминали аналогичные случаи, знаменитого актера МХАТа, который, играя в «Ревизоре» крохотную роль жандарма, потрясал зал. Илья Ильич, смятенный, поскорее переоделся, чтобы уйти от внимания и славы.

Внизу, уже в дверях, он столкнулся с Платоновым, который уходил с гобоем под мышкой.

— Я видел,— сказал Платонов первый.— Все в зале как заржут, думаю, что за черт? Гляжу, это ты. Здорово, брат! Я сам заржал.

— Сам не знаю, как получилось,— сказал Илья Ильич.— Ей-богу, не знаю... Выговор не сняли, путевку пообещали, но убей меня на этом месте, я не виноват!

Они вышли на улицу из актерского подъезда. Было еще не поздно, улица бурлила, Платонов глубокомысленно сказал:

— В том комедия, едри его в корень, что сам не знаешь, что на тебя свалится. Но заметь, в жизни никогда не бывают одни несчастья. Неудачи, неудачи, потом — трах! — удача. Верно, это сделано так специально, чтоб сравнивать. Вот и тебе долго не везло, ан, оказывается, ты талант... Может, дюбнем по этому поводу?

Они пошли в ресторан, сели в углу, заказали коньяку и дюбнули. Закусили семгой. Гулять так гулять.

— А про выговор забыть? — спрашивал Илья Ильич.

— Конечно! Надо делом доказывать,— сказал Платонов.— Ходить, канючить — ну его к черту, только себе и другим нервы мотать. Ты делом докажи, каков ты есть! Дюбнем за это.

После третьей рюмки жизнь показалась Илье Ильичу вполне приемлемой. Он даже ужаснулся, как это он мог считать вчера ее постылой. Мысль его напряженно работала.

— По-слу-шай! — воскликнул он, озаренный внезапным открытием.— В следующий раз я надену парик пепельно-серый, растрепанный, в сосульках, а перед выходом положу косяк, чтобы естественно спотыкаться. Я все запомнил! Я споткнусь так, что едва не упаду, но все же не упаду, лишь барабан перекатится на голову. Ничего?

— Ничего,— сказал Платонов,— и при этом смотри этаким недорезанным: чего, мол, скалитесь, думаете, легко такой барабан всю жизнь тащить?

— Да, да! Если это отрепетировать...

— Получится! — поддержал Платонов.— У тебя все получится. И япошка у тебя в Чио-Сан хороший, один грим чего стоит, а походка!.. Да если разобраться, ты, может, не хуже иных премьеров.

Тут Илья Ильич некстати вспомнил, как его сбил с ног Валентин Борзых, и на миг негодование окатило его, даже заныло ребро.

— Ладно. Пусть он делает антраша, молодой козел,— возмущенно сказал он.— Пусть рыдает зал. Но ведь и мы кое-что можем?

— Можешь, душа любезный, можешь,— закричал Платонов.— Погоди, ты еще королей будешь играть!

Илья Ильич посмотрел на него потрясенно:

— Королей?

— Да! А чего бы и нет? Сиди себе на троне, кивай.

— А что? — храбро сказал Илья Ильич.— И королей могу! Я в театре всю жизнь. Я актер миманса. Скажи, пожалуйста, ты видел театр без миманса? Вот ты гобой, я мим. Убери нас — что останется? Одни премьеры на проволочках, так я говорю?

— Так, старый дурак, правда,— сказал Платонов, прослезясь.— Похвалим сами себя. Давай за нас с тобой. За миманс, старик!

Фото Эдуарда ЭТТИНГЕРА

ХОЗЯЙСТВО КУЧЕРА

Милицию у нас ругают. Милиционерами пугают маленьких детей. Но иногда получается, что дети вырастают и поступают на службу в милицию. Если отбросить восхваления в адрес милиции из уст одних и презрение со стороны других, то окажется, что милиционер — обычный человек, на которого в отличие от многих из нас выпадают чудовищные нагрузки.

Сергей РОМЕЙКОВ

В детстве Саша не хотел быть ни моряком, ни космонавтом, ни народным артистом. Хотел — милиционером, сыщиком хотел. И стал им. Зная, что и отец его служил здесь же, в 108-м отделении, я спросил о преемственности.

— Может быть, может быть,— говорит он,— но все-таки не только отец. Мальчишеское желание было сильным и крепло, крепло...

Он часто повторяет слова — будь то в начале фразы, в конце или в середине: то ли разбег мысли дает, то ли, наоборот, сосредоточивается.

Его работа. Его работа — это река по имени «улица Горького». С десятками ресторанов и кафе, с кинотеатрами, просто театрами, с крупнейшими гостиницами и магазинами, дюжиной разного рода кооперативов и т. д.

И еще — люди. Ежесуточный миграционный поток в полтора миллиона человек.

Александр Александрович Кучер — заместитель начальника 108-го отделения милиции г. Москвы по уголовному розыску. Капитан. На этой реке с потаенными заводями и коварными стремнинами он не старлей, не майор. Вот именно — капитан.

Сидим в кабинете и разговариваем. (Это еще когда ночь не началась.) Я его пытаюсь разговорить. А он не хочет. Бубнит себе что-то под нос, и разбираешь только тогда, когда два раза по привычке повторит. Ему очень не нравится, что я выбрал его. А я не выбирал, мне посоветовали. Он говорит, что есть «другие, некоторые, которые очень любят». Мне с ним трудно, но я рад: мне-то как раз нужен из тех, что «не любят».

В конце концов он смиряется. Готов принести себя в жертву. И мы уговариваемся встретиться ночью. «Владения» 108-го отделения — это еще и часть Тверского бульвара с тусовками неформалов всех мастей, и пятачок у погоревших «Московских новостей», и с недавнего времени закусочная «Макдоналдс» со второй по протяженности очередью в Москве. Одним словом — местечко шумное, бедовое.

диться от руководящих обязанностей. Это — начать валять дурака, халтурить. Но совесть не позволяет делать это, совесть не позволяет...

Вместо того чтобы, ни на что не отвлекаясь, заниматься сыском, сегодня капитан Кучер распределяет работу между сотрудниками, контролирует, следит за ее исполнением, «сует нос во все дырки, вместо того чтобы сунуть в одну, но свою». Когда удается вырваться из этого административно-бумажного водоворота, подключается в дела сам.

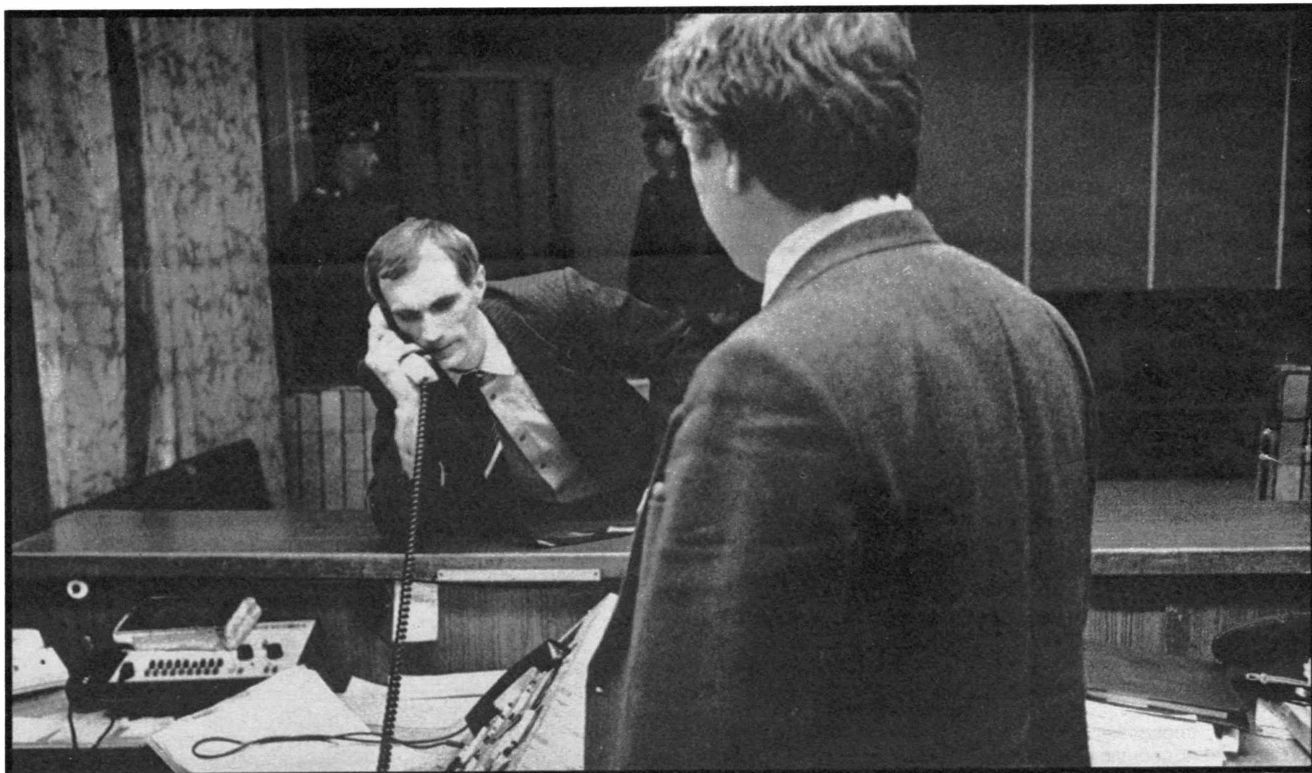
О времени. По прикидкам Сан Саныча офицер их отделения в среднем за месяц перерабатывает чуть ли не декаду. Получается месяц плюс одна треть. Естественно (противоестественно!), безвозмездно, то есть, как говорил мудрый Винни-Пух, даром.

Система материального поощрения работников (о стимулировании, увы, говорить не приходится) — весьма и весьма чахлая.

Рассказывает об удачном задержании: группа из трех оперуполномоченных взяла (трое на трое) особо обнаглевших вооруженных грабителей. За такое, говорит, и к очередному званию представить не грех, но пока — ничего, пока ничего. О задержаниях. Давно речь идет о том, чтобы принимать в органы парней не ниже 180 см. Пока это коснулось только постовых. Здесь же, в районном отделении, много ребят — «метр с кепкой». Туговато приходится порой щуплым милиционерам против тренированных «качков». Да, конечно, есть спортивная база с бассейном, тренажерами, но выбраться туда практически не удается. Сам Кучер вспомнил, что за последние два года был в бассейне дважды. А до отделений со своими спортивными сооружениями еще ой как далеко! Ютится 108-е в подвалах «Макдоналдса», окна газетами занавешены... В таких помещениях впору преступников содержать, а не тех, кто их ловит.

Успешное задержание, взятие, раскрытие — праздник общий. Отдушина: когда после «очень душно!» легче становится душе. Так говорит Кучер. Это, понятное дело, бывает не всегда. Если наоборот — тоска и обида, и злость на себя и на начальство, которое вяжет по рукам и ногам, не доверяет, советует свысока. И эта злость, эта обида, сдерживаемая, аккумулируемая в себе милиционером, неизбежно вырывается наружу.

— Бывает,— с сожалением говорит, хоть я его об этом не спрашивал,— бывает, что можно в принципе человека нормально довести до отделения, но вот попадется в такую минуту, в черную, и, бывает, не сдержишься, так прижмешь, так выкрутишь ему руку, что до хруста. И грубость, которой пока еще больше, чем хотелось бы,— тоже отсюда, от неудовлетворенности собой, от

На все это «хозяйство» — около 100 милиционеров. Из них 26 — оперуполномоченные «угро», сыщики.

Сан Саныч и такие, как он, проработавшие в милиции более 10 лет, считаются старейшинами. 10 лет это — о-го-го! Работникам даже с 5-летним стажем цены нет. Потому как текучесть кадров. Их сменяемость доходит до 25 процентов в год. А нехватка по главку приближается к 5 тысячам человек. Вот потому так скоро здесь «старятся», становятся многоопытными «стариками» в тридцать с небольшим. Тех, чей стаж перевалил за 10—15 лет, можно сосчитать по пальцам. И Кучер считает: Федин, Ратников...

Сегодня на 99 процентов (цифра Кучера) работа сыщика состоит из рутины: бумажки, отчеты, протоколы по административным делам, которыми, по-хорошему, должны заниматься участковые инспектора, выполнение других, не своих, не сугубо розыскных функций. Почему? Все та же набившая оскомину нехватка кадров. Люди не то что не идут в милицию (низкая зарплата, повышенная опасность, полный «комплект» нерешенных социально-бытовых вопросов и т. д.), люди **уходят** из нее. Причем уходят, как правило, те, у кого и голова, и руки на месте. (Другим-то куда идти, кому они нужны?) Конечно же, не все из остающихся в органах — головотяпы и неумехи. Более того — здесь остаются люди, которые, выражаясь высоким штилем, задают себе и постоянно, изо дня в день, отвечают на вопрос: если не я, то кто же...

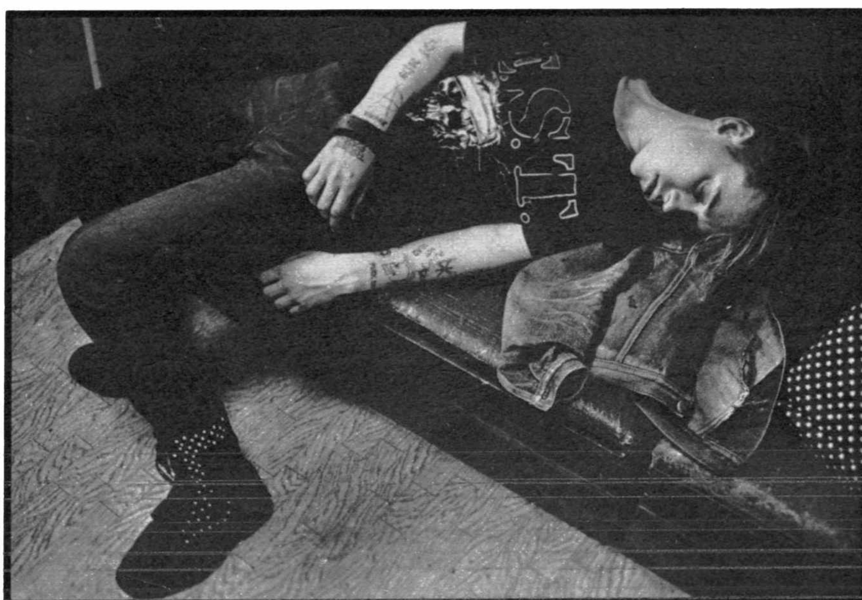
Вот я у Кучера и спросил:

— А не было,— говорю,— Сан Саныч, такого, чтобы плюнуть на все и уйти к чертовой бабушке? То есть на нормированный рабочий день, на более спокойную какую-нибудь работу?

Он что-то снова бурчит себе под нос, словно водитель прогревает двигатель, прежде чем тронуться.

Тронулся:

— Я свою работу люблю. Понимаете, люблю свою работу. Но я уже четыре года в этой должности и прошу, прошу руководство: отпустите, освободите меня от **не моих** обязанностей. Я — опер. Я — сыщик, мое дело — ловить преступников... Я должен делать то, что умею и люблю. Не отпускают...— Сник...— Есть, конечно, способ освобо-

невозможности делать так, как считаешь нужным ты, а не кабинетное начальство — в главке ли, в министерстве...

Но больше всего достается, конечно, домашним — самым родным, дорогим самым. Это — дома. В семье.

— Все это остается, остается... Много разводов, жены часто звонят, на мужей жалуются... Отдушины нет — и все на семью... А потом подойдешь к окну, смотришь на улицу, смотришь, смотришь... и понимаешь, что семья-то ни при чем. И снова: злость и досада. Что не сдержался, что ждал, ждал этого выходного и — нá тебе... Нервы у нас у всех, понимаете, никуда не годятся, никуда нервы... Стол любого сотрудника откройте — корвалол, валидол. Я тазепам пью...

...Раньше у нас милицию было принято хвалить, нахваливать по случаю и без оного. Министру, видимо, это нра-

вилось, да и руководству повыше... Прошло время, сменился ветер и много министров. Поменялась и «мода».

Что такое полицейский в США, Англии, ФРГ? Это царь и бог, оснащенный новейшей техникой, хорошо вооруженный и четко знающий свои права и обязанности. Не только знающий, но и отменно выполняющий их. Полицейскому на Западе хорошо платят, профессия считается престижной. У нас же не знают, какими «льготами» заманить парней в милицейские учебные заведения. Слышал, что в этом году в московскую высшую школу милиции будут принимать выпускников 10-х классов — с освобождением от службы в армии.

А вот вам картинка с натуры. Идем с Сан Санычем по улице, дорогу перегораживает детина изрядной подпитости и потертости. Он хотел закурить, и Кучер предложил ему свой «Беломор». Пьяный нахал от папирос с мемориальным названием отказался. Отверг также и предложение (мягко, по-товарищески) отправляться ближе к койке. Подверженный нашей пьяной традиции, он желал беседовать с нами. Сан Саныч строго взял его под руку (без хруста) и легко отбуксировал к стоящим неподалеку сержантам. Каково же было мое удивление, когда минут через 10 этот целеустремленный пьяница вновь возник перед нами:

— Что ж ты меня, чудак,— это он Кучеру,— ментам сдал, а?

Пришлось Сан Санычу «сдавать» его еще раз; только теперь он его собственноручно затолкал в патрульную машину. Доискался-таки служитель Бахуса... Можете вы себе представить столь долгое, столь доброжелательное отношение к нарушителю общественного порядка где-нибудь у них?

— Да мы тут беззубые все,— начал свой монолог старший оперуполномоченный по обслуживанию гостиницы «Интурист» Кирилл Парменов. И мне показалось, что он на самом деле шепелявит.

— Что, драки часто? — Я имел в виду зубы.

— Да нет,— махнул рукою.— Я о нашем беззубом законодательстве. Для того чтобы я доказал факт проституции, я, понимаешь ли, свечку должен держать. Да не один, а с понятым, сечешь? Но это не все. Потом она должна сознаться, что легла в постель к иностранцу не «по любви», а за вознаграждение. Да что они — дуры, что ли?! Так что проститутке доказать свою «чистую любовь» в сто раз проще, чем мне — обратное.

...Мы только еще подходили к «Интуристу», а Сан Санычу уже кивали — кто на бегу, спеша, кто строго, по-деловому, а кто и заискивающе — представительницы древнейшего ремесла.

С одной столкнулись буквально нос к носу.

— Ну что, снова ты здесь? — спрашивает мужеподобную (косая сажень в плечах!) деваху.

— Так куда ж мне, Сан Саныч,— жеманно передергивает этой самой саженью, мутновато-блудливые глазки прощупывают пути отхода.— Ведь домой поеду — меня обязательно кто-нибудь изнасилует... забесплатно. Лучше тут...

Тесно в дождливую, с пронизывающим ветром, ночь под козырьком-навесом «Интуриста». Неприступно стоят на входе добры молодцы из кооператива «Защита-сервис». Как же исхитряются валютные шлюхи, простите — путаны, проникать в столь желанные холлы, бары и рестораны к своим заморским работодателям? А очень просто. По телефону днем знакомому официанту заказывается столик (можно — в складчину), вечером столик (с минимальной закуской — выпивкой — хозрасчет!) занимается, и начинается охота... Понятно, что официанты идут на подобные сделки не только укрепления международных связей ради...

Тут же, под гостиничным козырьком, толпятся владельцы личного транспорта. Ими руководит «диспетчер», который четко контролирует ситуацию, как говорится, «следит за базаром». Он безошибочно выхватывает цепким оком тех из подгулявших гостей, кому нужно ехать. Желательно иностранцев. Предпочтительней за твердую валюту.

И так до самого рассвета. До закрытия валютного бара.

...Да простит меня читатель, что я отвлекся и на время мой герой, мой капитан, отошел на второй план. Но «Интурист», равно как и «Националь»,— солидные куски его работы.

— Сан Саныч, а вы в вашей оперативной работе пользуетесь услугами проституток как осведомительниц?

— Напрямую, конечно, нет. Но в ходе беседы — здесь ли, или когда в отделение пригласим,— бывает, что и проскочит интересная информация по делам, с которыми мы работаем...

Я присутствовал на таких беседах. «Девочки» чувствуют себя вальяжно — видно, не впервой. Глазки, реснички — само удивление, кротость и невинность!

Вот Света. Этакая Пышка, на любителя. Приехала из Омска. Давно ли? Да нет, вот только что и приехала... «к тетке». И прямиком — на работу. Командировка по обмену опытом, надо думать...

А Ира — только что из Одессы. Ее взяли вместе с женихом, гражданином одной высокоразвитой страны, на входе в гостиницу; плохо они разговаривали с «Защитой-сервис». Божится Ира, что жених должен был заказать ей номер в «Интуристе». Оказалось — запамятовал...

Слышал недавно, что проститутки ФРГ плохо «принимают» конкуренток из ГДР, даже бьют их иногда. А у нас, как видите, ничего, работы пока всем хватает, не дерутся еще...

Наш вездесущий, неистребимый дефицит на **все** никак не способствует борьбе с преступностью. Нет-нет да и приходится бросать людей на закрытие того или иного продуктового магазина: не успев отовариться, народ уходить не желает. И приходящей на помощь торговле милиции приходится слышать отнюдь не слова благодарности. «Все вы тут заодно: и торгаши, и милиция!» — убежденность времен недавнего застоя на удивление живуча, пока еще не опровергнута. Ситуация массового ажиотажа на руку разного рода жуликам.

В последнее время, рассказывает Кучер, участились случаи, когда вместо изделий из золота «с рук» продаются медные, латунные подделки, снабженные «фирменными» ценниками и клеймом пробы. Среди обратившихся за помощью в милицию — граждане Польши, Болгарии...

Обо всем об этом Кучер говорит не то чтобы бесстрастно, но как о ежедневной, малоинтересной, но неизбежной работе. Но вот что-то надтреснуло в его голосе, и без того глуховатом, какие-то новые, незнакомые мне еще зазвучали ноты. Низкие, тяжелые...

— Беда... Беда и позор, позор и стыд.— Он сутулится, передергивает в ознобе плечами (с утра — температура).— Недавно, понимаете, двух курсантов из школы милиции задержали. Они собирали мзду с нарушителей правил торговли: с жуликов, тех же мошенников, спекулянтов. Это такой позор, такой позор...

И так ему — чувствую — это больно, так нестерпимо плохо ему, будто он сам, капитан Кучер, был пойман с поличным, и теперь его, а не тех двоих, будут судить за то, что опозорил милицию.

— Доверие к нам людей — вот единственный гарант успешной работы. Одна у нас возможность противостоять преступникам — вернуть доверие людей к милиции. Без этого никакое техническое перевооружение дела не поправит. Нет, не поправит.

Мы идем по ночной Москве и говорим о доверии. Мелкий дождь, кажется, сыплет прямо из фонарей... Господи, сколько уже об этом говорено! О том, что, только опираясь на «всенародную поддержку», милиция может работать эффективно. Говорить-то говорили, а что толку? Каков результат? ДНД — смешно сегодня такое даже слушать. Комсомольские оперативные отряды как-то потихоньку, помаленьку «рассосались», сошли на нет.

— Бывает, едешь в электричке, вдруг — матерщина, хамство, крик... Смотришь — тут же, в этом вагоне, офицер, сидит и хоть бы что ему! А ведь немного совсем надо — ты только голос подай, только голосом поддержи — и этого уже хватит, чтобы поставить их на место, поддержи голосом...

— А вы сами, Сан Саныч?..

...Поздно уже позвонили из ресторана «Баку»: драка, в ход пошли ножи. Так совпало, что он там оказался один. Выстрелы в воздух не остановили дерущихся бандитов. («Понимаете, преступник перестал бояться пистолета! Перестал!») Лезвия повернулись на него. «Хорошо,— рассказывает,— возвращался с дежурства милиционер — вдвоем управились».

Задержание. Отдушина. На какое-то время...

Идет мелкий дождь, и поэтому поливальные машины тщательно моют мостовую...

У загулявшего кооператора обнаружили бундесмарки, но не обнаружили документа, позволяющего пользоваться ими. Кооператор нервничает. Составляется протокол...

В это время Кучеру докладывают: интересная информация. Он уходит и тут же возвращается за мной: пойдемте!

Перед нами взъерошенный, какой-то печально-возбужденный таксист. На Автозаводском мосту его остановили четверо под хмельком. Совсем немного проехали и — скрутили молодого водителя, пересадили на заднее сиденье, а сами погнали машину. Столкнулись с «Жигулями», скорость бешеная.

— Два раза по Горького мимо гаишника пронеслись — туда и обратно,— а тот хоть бы хны! — рассказывает потерпевший.

В одном из дворов его вытащили, поволокли зачем-то в подъезд. Как он вырвался? Как удалось вскочить в побитую машину и примчаться сюда?!

Кучер слушает внимательно, не перебивает. Посылает патруль проверить версию...

Со свертками и тщательно упакованными коробками расходятся из «Интуриста» последние служащие. Ночь переломилась, повернула на утро, и мы идем в отделение. Пьем некрепкий сладкий чай. Сан Саныч показывает мне альбомы с фотографиями девиц...

— Сам фотографировал,— говорит,— хоть это и не совсем по закону, но, знаете, помогает. Психологически срабатывает, психологически...

— Сан Саныч, вы член партии?

— Да. А вот вы как думаете: должны в милиции работать члены КПСС? — Вопросом на вопрос, вопросом на вопрос...

Я ответил что-то вроде того, что при реальной многопартийной системе, буде такая сложится когда-нибудь, проблема эта отойдет сама по себе. Самоликвидируется.

Он что-то хмыкнул, улыбнулся. И непонятно мне было: согласен он со мной или не согласен — кто его поймет...

Я покачнулся и понял, что засыпаю с открытыми глазами. Домашний кофе перестал действовать. Мне стало стыдно, потому что Кучер сидел, глядя прямо перед собой, и диктовал мне цифры:

— За четыре месяца совершено преступлений: тяжкие телесные повреждения — 2, разбой (один квартирный) — 2, грабежи тяжкие — 7 (три раскрыто), особо злостное хулиганство — 5 (два раскрыто), ношение холодного оружия... Наркотики... Мошенничество...

Я безнадежно засыпал. Поэтому решили выйти на улицу. Воробьиные гроздья ожили и зачирикали.

Ночь закончилась, чтобы начаться снова...

Москва.

Владимир ЧЕРНОВ

Рок-н-ролл мертв, а мы еще нет.
Б. Г. «Аквариум»

* * *

Б. Г. вернулся домой. И — не шелохнулось. «Московский комсомолец» хмыкнул недоуменно, обнаружив в одном из хит-парадов всплывшее вдруг забытое имя: «Гребенщиков». Где-то в самом конце списка. Прилепилось и сразу исчезло. Он неинтересен нынешним фанам: человек, переживший свою славу. Он сказал, зажав кисти рук в коленях, глядя куда-то в окно:

— Была такая девушка Мелани, на которую все молились в Америке в 60-е годы. Мы с ней выпивали недавно. Про нее уже не помнит никто. Два последних поколения ее просто не знают. Но она жива и сейчас куда более реальна. Я знаю семидесятилетних, которые моложе многих восемнадцатилетних, гораздо интересней и живей. Люди делятся на поколения не по горизонтали, а по вертикали.

* * *

Где-то в начале вертикали малоизвестный в широких и носимый на руках в узких кругах Б. Г. безмятежно предлагал глядевшим ему в рот мальчикам и девочкам:

Друзья, давайте все умрем!
К чему нам жизни трепыханье?
Уж лучше гроба громыханье
И смерти черный водоем!

И все подпевали: ля! ля-ля! ля-ля! ля-ля! Такая была манера сходить с ума. Но — сходили, сходили, а уцелели. Еще и пели. Вот все пели, пели, и однажды ирония начала наливаться фиолетовым сарказмом, и Б. Г. обнаружил, что:

— Мы до сих пор поем, хотя я не уверен, хочу ли я что-то сказать. Из моря информации, в котором мы тонем, единственный выход — это саморазрушение... Мы до сих пор поем, но нам уже недолго ждать.

— Нет у вас ощущения, что с людьми, которые первыми стали делать рок, жить им, случилось что-то необратимое? Они как-то стремительно постарели. Майк Науменко из красивого мальчика с каким-то надменным надломом, с американским голосом за несколько лет превратился... Это человек, который, кажется, не имел права стареть.

— Майк — из людей, которых время выбирает на какой-то срок, ну, вот как Донован, например, был период, когда он делал то, что надо. Его время проходит — и все. Майк такой. Может, и я такой, не знаю, мне трудно судить. Так бывает, потому что имеешь дело с сильнейшей энергией. Музыка как магия: концентрированная энергия. Очень опасная. Пока ведешь себя с ней правильно, она проходит через тебя, и все прекрасно. Но чуть повернешься к ней не тем боком: начнешь себя эксплуатировать или там гнаться за деньгами — все, ты конченый человек. Причем, это видно глазами, происходит физическое разрушение: зубы выпадают, тело разносит, человек седеет на глазах. Все — в считанные месяцы. Не помню, откуда эта фраза: история избирает людей, чтобы они

ЭПИТАФИЯ РОКУ

Гребенщиков приехал из Америки и исчез в своих убежищах. В Москве возник внезапно: какие-то съемки, я позвонил, он сказал, что говорить не хочется, но в пять он свободен. В пять он стоял один на продутой ветром мокрой площадке перед телецентром, в черном длинном плаще, широкополой пасторской шляпе, он озяб, никому не было до него дела, и мы сначала проехали мимо: мы его не узнали.
Он оброс бородою, его лицо было лицом странника. Когда-то он сказал: «Мой путь длинней, чем эта тропа за спиной. Но я помню то, что было показано мне». Я очень на это надеялся.
Он сказал, что не жрал с утра, мы завернули в кафе на Щербаковской. Но ел он плохо. В нем жила тревога. Это передавалось.
Поехали ко мне.
— Кофе?
— Угу.
— А почему борода?
— Да нипочему,— отвечал он вяло.— Когда мы были молодые, хотелось каких-то наворотов, и мы все это делали: одевались, раскрашивались там... Теперь это уже не так важно.

— То есть растет борода — пусть растет?
— Ну... не совсем. Мне, например, всегда хотелось носить твид, что-нибудь такое... барское. Вот — купил сейчас твидовые штаны, хожу в них. Ботинки вот купил.
— А раньше?
— Раньше все в тапочках, в сапогах.
— У одежды теряется знаковый смысл?
— Скорей меняется. Ну, вот если бы я сейчас был в костюме, то вел бы себя, как Человек-В-Костюме.
— А галстук-то у вас в доме есть?
— У меня дома нет. Но если б был, то там, наверное, был бы галстук. Мне вообще нравится, чтоб в доме все было. Но, видимо, просто время еще...
Однажды он сказал: «Слишком рано для цирка, слишком поздно для начала похода к святой земле». Через несколько дней позвонил ночью, проездом. Куда? «А-а, в Оптину пустынь. Что-то захотелось...»

Фото Валерия ПЛОТНИКОВА

делали ее дело. А когда все сделано, она их просто давит. Единственный способ не попасть под колесо — двигаться вместе с ним.
— Вы двигались, и...
— Мы прошли все круги и с чистой совестью вернулись туда, откуда начинали.
— Туда? Зачем? Столько интересного вокруг...
— Разве? А-а, я понимаю. Нас с самого начала многие интерпретировали как группу чуть ли не политическую. А мы никогда политикой не занимались. Живя в «Аквариуме», мы практически не ощущали, какая вокруг власть. Как-то обходились.

Играли то, что играли, это было безумно интересно. Исполняли собственную жизнь. Может быть, социальными мы казались потому, что пели о реальных вещах? Но это не политика. Мне всегда было интересней писать о том, что длится дольше, чем моя жизнь. Мне скучно писать про Брежнева, про перестройку. Это болтанка на поверхности жизни, а океан как невозмутимо лежал, так и лежит. Меня интересует то, что происходит в глубине.

— Какая рыба в океане плавает быстрее всех?

— Ну, примерно так.

— Название группы...

— Я ничего расшифровывать не буду.

— Нет-нет, я просто начал говорить о том, как я объяснял для себя «Аквариум». Как экологическую нишу. Комнатный океан. Аквариум — как образ жизни. Я — без exидства.

— Нет. Это — образ восприятия мира.

— Но все-таки попытка выгородить в окружающем собственное пространство? Чтобы жить не в государстве, не в строе, а в музыке? Один пианист на мой вопрос: почему, когда все лучшие музыканты страны давно на Западе, не уезжает Рихтер? — сказал замечательную вещь, он сказал: а Рихтеру все равно, где жить. Он живет не в стране, а в музыке.

— Правильно. Но я бы уточнил. Не в музыке даже, а просто — по-настоящему. Когда я в деревне, на Валдае, выхожу ночью в лес, это и есть настоящая жизнь. Такая, как в наших песнях. Когда я в городе пробиваю что-нибудь на худсовете или бегаю за коньяком — это забавно, но это ненастоящее. Это вообще не жизнь. Все наши тусовки, западвосток, интервью, телевидение, актуальные репортажи — не жизнь. При всем моем уважении к «Огоньку», когда я открываю свежий номер его, у меня ощущение, что я листаю древний, архивный журнал. Когда выхожу на улицу и вижу камень — это живое. В нем сотни тысяч лет, и все они здесь, сейчас. Жизнь — камень, трава, луна. «Аквариум» имеет дело с реальными вещами. Мы можем плохо с ними обращаться, мы часто вообще этого не умеем, но это реальные вещи. Поэтому мне с журналистами сложно говорить. С шаманами — легко. Со священниками.

Однажды он сказал: «Здравствуй, моя смерть. Я рад, что мы говорим на одном языке».

* * *

— А собственное будущее...

— У меня будущего нет. По неизвестной причине у меня пропало будущее. А в прошлом году вообще исчезла способность к предвидению.

— То есть если вдруг ночью умрешь, это уже ничего? Не страшно, потому что все сделано?

— Я мог спокойно умереть уже в 1987 году, потому что все исполнил. То, чем мы, я имею в виду группу, занимаемся сегодня,— алхимия. Свою функцию мы выполнили, работая с 80-го по 85-й год, сделав весь этот цикл альбомов, начиная с «Синего альбома», закончив «Детьми декабря». Все. После этого группа начала физически распадаться: Сашка Куссуль утонул, Севка Гаккель все время говорит, что должен уйти, и правильно говорит, и ушел было, но он человек слабый, поддается на искушения, и я его время от времени сманиваю.

Однажды он сказал: «Мне пора на покой. Я устал быть послом рок-н-ролла в неритмичной стране...»

Он сказал: «Если б вы знали, как мне надоел скандал!.. Эй, кто там претендует на мой пьедестал?! Где та молодая шпана, что сотрет нас с лица земли?»

И еще он сказал: «Ее нет, нет, нет...»

* * *

Когда я сейчас включаю телевизор, я вижу, как по всем каналам его скачет «молодая шпана», выпрыгивая выше головы с тем, чтобы обрушиться в шпагат, и со страшной силой напевает о наболевшем: о грезах и розах на снегу, о ласковом мае и девушках, с которыми прошло успешно или сорвалось рандеву на Бульваре (естественно, Роз). Я не понимаю только: почему обо всем этом нужно так громко орать? В мире, где все мы скоро передохнем? Но я вижу у ног страдальцев тóлпы сострадающих, закативших глаза и ревущих вослед, у них, очевидно, тоже состоялась трагедия на почве недоданных сластей. И я думаю: Господи, вот этой модернизированной попсой, этими нью-виа все и закончилось? К этому дело шло? Это их имел в виду тощий, поддавший за кулисами лидер группы «Аквариум», когда, кривляясь, радостно вопил в микрофон, дразня бегущих по проходам дружинников, бегущих хватать и выволакивать его из зала, вырубать ток, вопил: «Сбудется мечта! И наши люди займут места! Под страхом лишения рук или ног — все будут слушать один только рок»? Да, да, разумеется, и хулиганство, и самоиздевка, все нормально, но ведь вышло-то тем не менее по спетому. И слушаем. Просто некуда деться!

А, собственно, разве что-нибудь иное случиться могло? Разве по-иному бывает у нас? Разве разрешенное однажды по законам абсурдного нашего устройства не превращается мгновенно в собственную противоположность? Вот разрешили модернизм: кушайте, господа. Обкушивайтесь.

Но куда же исчезло при этом то, что было роком? Нашим, ни на что не похожим, разве что на бунт? Куда делся факт национальной трагедии? Почему взамен скачет на экранах комедия абсурда? Пир во время чумы?

Свирепая особенность нашей структуры в том, что мы и самую запретную форму со временем разрешим. Но со скрипом разрешаем талант. Потому что он — зеркало, откуда черным зевом глядит наша трагедия. Умерших — да, разрешим. Живых? Живых мы отправим в Америку. Пусть там жируют, издаются, пляшут, поют за бешеные бабки.

Что же такого наговорило, пуская пузыри и захлебываясь, выползшее из подвалов на дрожащих кривеньких ножках больное дитя больной страны?

За несколько лет до политиков и публицистов оно сказало о том, что видело из своего подвала. Но в отличие от вышеупомянутых специалистов, выбираясь наверх и подтягиваясь, оно схватилось за оголенный провод. Ток приподнял его над землею. Разряд влил в его беззвучный крик синюю свою силу.

Однажды Б. Г. сказал, сам удивившись: «Кто мог знать, что он провод, пока не включили ток?»

* * *

Давно ли это было? А теперь оглянитесь... *Какие нервные лица: быть беде. Я помню, было небо, я не помню — где. Мы встретимся снова, мы скажем: привет! В этом есть что-то не то...*

Мыслим ли рок вне «эпохи застоя»? Может он жить за ее порогом? Рожденный в подземелье, он самим фактом существования означал скандал. Нарывался. Имидж свой выстраивал на противостояние. На драку. Самосожжение. И сколько их сломалось, сгорело, сошло на обочину! *Мы платим втройне: за тех, кто шел с нами, за тех, кто нас ждал, за тех, кто никогда не простит нам то, что рок-н-ролл мертв, а мы еще нет...*

Но другого пути, вероятно, нет.. А «вперед — это там, где красный свет...

И мы на полном лету в этом странном пути, и нету дверей, куда мы могли бы уйти. Забавно думать, что есть еще люди, у которых все впереди... Где та молодая шпана, что сотрет нас с лица земли? Ее нет, нет, нет...

Группа «Аукцион» (1989 год): *И я случайно в давешней чайной понял секрет: нас просто нет, вот беда... И, видимо, не было вообще никогда... Новый год на дворе. Вьюга, вьюга, и уже полвека ожидание долгожданной весны... Мне так стыдно: я стал предателем!*

Рок сполз обратно в свой подвал.

* * *

— Ну так как насчет «молодой шпаны»?

— Хм. Теоретически в этой песне говорилось о том, что должна прийти какая-то волна и смести предыдущую. Но если мы настоящие, то этого не может произойти.

— И все-таки... Может быть, где-то в подвалах?

— Я стараюсь слушать все, что сейчас появляется. Есть кое-что. Ну-у... «Водопады», такая смешная группа...

Смешная группа «Водопады» в смешной кассете «Панк-съезд», действие которого происходит, естественно, в подвале, так иллюстрирует создавшееся положение. Докладчик энергично обращается к собравшимся, подвал весьма меланхолично услышанное комментирует.

Докладчик: Ребята, иные пришли времена!

Подвал (сонно): А сколько их было...

Докладчик: Крутой поворот совершает страна!

Подвал: А сколько их было...

Докладчик: Закончились годы застоя и сна!

Подвал (заинтересовавшись): А сколько их было?

Докладчик: Да лет 25. Перестаньте тужить!

Подвал (в ужасе): Да это же вся наша жизнь!

Жизнь прошла. И всем им стало по 35—40 лет. И Мамонову, и Макаревичу, и Шевчуку. И Б. Г.

Однажды он сказал: «Жить быстро, умереть молодым — это старый клич. Но я хочу быть живым». Нормально.

А рок-н-ролл мертв.

* * *

— Боря, один ваш поклонник, узнав о поездке в Штаты, сказал мне: все, Гребенщиков кончился. Продался, уехал зашибать бабки. Но черт с ним. Хуже: он бросил нас. Мы за ним шли. А он взял и бросил. Предал.

— У меня нет никакой ответственности за идущих следом, есть ответственность только за собственную душу перед Богом. Кстати, я думаю, из-за этого за нами кто-то и шел. Но мы никого никуда не обещали привести. Никогда.

— Сейчас, как всегда, в эпоху разброда и смуты, появилось множество разных мессий, которые обещают всех спасти, научить, они говорят, что знают, как надо. А вы знаете, как надо?

— Нет, я не знаю.

— Так куда вы идете?

— Я даже не могу сказать, что иду. Я чувствую в любой момент, что мне следует делать, я знаю, где мои долги. Но я не плачу по чужим счетам.

— А кто-то мне говорил про кабальный контракт, что связал вас по рукам и ногам...

— Контракт как контракт, 80 страниц. Не думаю, что кабальный. Но что мне даже кабальные условия? Я спрячусь в городе Череповце — меня не то что Си-би-эс, милиция не найдет. Я же русский, тот русский, что всему миру известен как жулик. И что я такого сделал? Появилась возможность, ничуть не изменяя себе, себя, поехать туда, куда, я знал всегда, меня ни за что и никогда не пустят. И вдруг пустили! Вы бы отказались поехать и напрямую пообщаться с людьми, у которых учились, по клочкам узнавали что-то об их жизни, причем не просто пообщаться, а самому пожить, как они? Вы бы отказались? А кто бы отказался? «Предал!..» Мне был дан волшебный шанс, и он до сих пор есть, я снова туда поеду, записывать второй диск. Я жил там, как ребенок в игрушечной лавке. Это было как каникулы...

— От нашей жизни?

— Да. Освобождение. И пришедшее внезапно сознание того, что случившееся со мной — могут абсолютно все. Мой друг уехал в Нью-Йорк, не зная английского, без копейки денег. Сегодня он уже снимает там жилье, рисует картины и продает их... Не надо бояться. У нас же у всех страх.

— Еще бы.

— Я дико боялся. Когда ехал и первое время там. Потом расслабился, потому что ничего страшного со мной не происходило. У нас же у всех комплекс швейцара. У всех советских людей. Ты все время ждешь, что кто-то тебя постукает сзади по плечу: «А вы что здесь делаете? Пройдемте!» И выгонят. Это у нас в крови. В этом сущность великого эксперимента: взять страну и из нормальных людей сделать некую социалистическую общность — советский народ, в котором каждого в любую минуту можно откуда угодно погнать, и он примет это как должное. В Нью-Йорке я гулял по ночам один, и мне дурного слова ни разу никто не сказал. А когда вернулся в Москву — меня снова начало трясти. Вот здесь, у нас, страшно. И в Ленинграде страшно.

— А не появилось желания отвалить навсегда?

— Не-ет. Здесь моя жизнь. Настоящая, страшная. Туда надо ехать... Я называю это «сафари». Я уезжаю, как охотник, коллекционер, Миклухо-Маклай. Я должен сам увидеть пирамиды. Потрогать рукой. Мне это нужно для песен. Но дело-то в том, что такая возможность должна быть у всякого человека. А у нас того, кто ею воспользуется, все еще нередко называют предателем. У нас это в генах.

* * *

Несколько лет — до того, как тронулся лед,— о каменном мире, где выпало жить, о людоедском его устройстве и тоскливом незнании пути орал рок: *Какая тоска — не знать, куда пойти. Мы пойдем туда, где разрывается ткань! В одну тюрьму — из другой тюрьмы: нас разбудили в такую кромешную рань! Сметана на бананах, молоко на губах...*

Еще бы не оцепенели советские люди, упоенно внимавшие младенче-

ским улыбкам тогдашних знаменитых певцов!

Случайно ли, думаю я сейчас, те певцы одеты были, как чиновники? И чиновные пели тексты, и щеки их были обширны и благоуханны, как у хозяев на портретах? И каждый внимающий им как-то начинал догадываться, что лишь обладатели щек вправе представлять весь советский народ, им руководить и водить его туда-сюда.

Вопли рока нестерпимо и гадостно выплевывали то, от чего хотелось отвернуться, они мордой возили об стол...

Однажды он сказал: «Цветы, что я подарил тебе, будут стоять до утра. Но никто из нас не выйдет отсюда живым...»

* * *

— Отчего так много строчек, в которых предчувствие конца?

— Не знаю. Знаю, что во мне это не вызывает печали. Что было, то было, что будет — будет.

— По делам нашим?

— А вырезать десятки миллионов людей — самых независимых, с природным чувством собственного достоинства, лучших, да еще несколько миллионов сверх, на всякий случай,— вы думаете, это даром сойдет?

— Мы и человечество ограбили, выломав из мирового здания стену — целый народ, утверждая при этом, что наше и не наше друг друга исключают. Это замечательное достижение: борьба с общемировой культурой.

— У нас к музыке до сих пор относятся, как к спортивным состязаниям. Чья победит? А культуры не сражаются друг с другом. Это ребенку кажется, когда он случайно увидит родителей в постели, что они борются. А они любят друг друга. И в любви рождаются дети, наделенные свойствами обоих родителей.

Я думаю, в истории человечества у России своя определенная функция: какая-то щемящая духовность. Я не русофил, нет, я люблю Россию, русскую культуру, но вот Чайковского я люблю не за то, что он русский. Я люблю его потому, что у меня от него внутри все начинает щемить. Это не только мое ощущение. И такого нет ни в одной музыке: ни в Европе, ни в Америке, ни в Африке, ни на Востоке. В России есть щемящесть, может быть, потому, что Россия — это великая женственность. И это все ощущают. Но можем это как следует только мы. Хотим — не хотим, умеем — не умеем, порой плохо умеем, но это мы можем. И этого ждет от нас человечество. Я этому учусь. То есть я знаю, чему учиться. Я знаю, что́ я должен. А уж выйдет ли — Бог знает...

Я не смогу уехать, потому что здесь во всем, как и в музыке, эта щемящая штука. Она питает. Может быть, я поступаю неправильно и буду об этом жалеть, но...

Однажды он сказал: «У каждого дома есть окна, из каждой двери можно сделать шаг».

И еще он сказал: «Теперь ты открыт. Ты отбросил свой щит. Ты повесил мишени на грудь — стоит лишь тетиву натянуть!..

Ты ходячая цель.

Ты уверен, что верен твой путь».

* * *

Рок свое сказал. И уже звучат новые слова, затягивая, как ряской, круг чистой, невычерпанной воды. Но лишь когда пустеет колодец, идет в него новая вода. Рок мертв.

Но мы еще нет.

Валентин ЮМАШЕВ **Фото Игоря УТКИНА**

РИМСКИЕ КАНИКУЛЫ

Все кончилось. Все справедливо. Сильная, а скорее всего сильнейшая сборная ФРГ стала чемпионом, обладателем Кубка мира, но отчего-то ощущение неудовлетворенности, некоей тоски не покидает меня. Не то что ждал чего-то большего, и не в последнем, ненужном пенальти дело; просто, наверное, когда впервые изнутри погружаешься в такое грандиозное мероприятие, как чемпионат мира по футболу, выясняется, что приходится прощаться с юношеским романтизмом. Получая аккредитационную карточку с литерой «Р» — пресса, нужно сказать последнее прости естественному, наивному, искреннему, беззаботному восприятию футбола. А это обидно.

Входишь в пресс-центр, и очаровательные девушки (господи, где они отыскали таких!) подают тебе на подносе конфеты «Марс», и запиваешь все это шестью разновидностями кока-колы. Компьютеры, факсы, телексы, немедленная связь с любой точкой мира — это все для тебя. На трибунах стадиона журналистское место оборудовано телефоном, телевизором, настольной лампой. В связи с этим все делают серьезный, знающий вид и не позволяют себе лишних эмоций. И когда знаменитая «волна» болельщиков с визгом, грохотом и воем, прокатываясь по стадиону, доходит до ложи прессы, здесь она бесславно и беспомощно обрывается, даже не пытаясь плеснуться среди журналистов.

Я вместе с ними. Меня тоже зачем-то приглашают на приемы. Мне тоже дают пепси-колу с «Марсом». Я тоже делаю умный вид, и вместо того чтобы вскакивать и ликовать, я сижу на стадионе и нажимаю на кнопки телефона.

Пусть будет так. Пусть будет взгляд на футбол с этой точки трибуны, где сидят знающие, посвященные и примкнувшие к ним в этот короткий миг чемпионата.

Чемпионат был хорош тем, что, несмотря на свою временами сенсационность, а местами загадочность, в конце концов он уверенно выруливал туда, где играли все известные лица, а чужих там уже не было. И как будто сама судьба свела в полуфинале сборные Италии и Аргентины. Да еще в Неаполе, городе Марадоны. Матч был символичным. Ковыляющая, спотыкающаяся сборная Аргентины, непонятно как добравшаяся до полуфинала, должна была сдать свои полномочия чемпионов мира самоуверенным, рвавшимся к Кубку итальянцам. И Марадона обязан был быть повержен именно здесь, в Неаполе, на глазах у поклоняющегося ему города.

Не произошло, не случилось. Опять футбол сделал все иначе. И наказал самоуверенность. И опять подтвердил, что будет служить лишь тем, кто предан ему, кто отдается ему весь без остатка. Скованные, рефлексирующие итальянцы бесславно пробили пенальти и простились с честолюбивыми мечтами. И судья, как ни старался, так и не смог им помочь.

Да, судья... Во время этого матча я сидел рядом с аргентинским журналистом, он был бледен, шло дополнительное время, итальянцы продолжали давить, но мяч упорно не шел в ворота сборной Аргентины. Сосед, почти завывая, показал мне на верхний угол экрана телевизора, там пошла 23-я минута первого тайма дополнительного времени, судья добавил уже восьмую минуту. Аргентинец проклинал судью, который бесстрашно помогал итальянцам всетаки забить гол с игры, не доводя дело до послематчевых пенальти. Это уже был 49-й матч чемпионата, и потому ни он, ни я уже ничему не удивлялись. Аргентинский журналист лишь продолжал постанывать, а я поглядывал на секундомер, пытаясь понять, когда заговорит совесть у судьи. Заговорила она у него на одиннадцать минут позже положенного.

Вообще этот чемпионат запомнится и игрокам, и тренерам, и болельщикам удивительным судейством. Что творили судьи, какие голы они засчитывали, какие пенальти назначали — это отдельный рассказ. Как будто судьи проводили свой чемпионат мира по футболу по своим правилам, где можно полевым игрокам выбивать мяч из ворот рукой, голы забивать из вне игры, удалять с поля игроков, которые к фолу не имели отношения, назначать пенальти за нарушения вне штрафной и т. д. Они

Этот снимок профессиональное жюри чемпионата признало одним из лучших.

дельник обязан публиковать материалы с таких событий с опозданием максимум в один-два дня. Но наши возможности и наш полиграфический цикл позволяют донести до вас дыхание Италии именно с опозданием в две недели.

Вся же мировая пресса работает иначе. Я уже говорил, на стадионах место журналиста было оборудовано телефоном. Но вовсе не для того, чтобы прямо с игры вы орали свой текст ничего не слышащей на том конце провода стенографистке. (Хотя, если очень хочется, можно и так.) Все мои соседи во время матча писали текст прямо на компьютер и в перерыве, набрав по телефону редакцию, с помощью специального устройства — модема отправляли уже набранный текст на электронную верстку. Никаких машинисток, никаких наборщиков. Матч с дополнительным временем мог закончиться где-то около одиннадцати вечера по местному времени, а уже в час ночи в ночных кафе можно было купить газету со всеми материалами о только что закончившейся встрече. Непонятные, немыслимые для нас скорости, но именно так, в таких темпах живет вся современная пресса. Мы же — в доисторическом времени. На наших журналистов больно смотреть. Но, кстати говоря, даже если я и решу воспользоваться современным средством связи, например, факсом, это еще ничего не значит. Я написал записку в редакцию, и часов восемь несчастные итальянские операторы пытались соединиться с Москвой, но связи не было. Мы не приспособлены к современным средствам коммуникации. И я мог бы, конечно, на зависть газете «Правда» привезти в Италию персональный компьютер, отстучать прямо во время игры все, что я про нее думаю,

откровенно, почти не стесняясь, помогали хозяевам чемпионата, итальянцам, хотя те и так сами бы дошли по крайней мере до полуфинала. Но больше всего меня поразил бодрый тон президента ФИФА Ж. Авеланжа, который как ни в чем не бывало твердил, что судейство хорошее и вообще чемпионат вместе с проводящими его итальянцами замечательный. В тон ему вторило другое руководящее лицо ФИФА, генеральный секретарь Й. Блаттер. И чем больше накапливалось судейских ошибок, тем оптимистичнее становился тон официальных лиц ФИФА.

Довершил эту судейскую фантасмагорию мексиканский судья Кодезал, проводивший финальный матч ФРГ — Аргентина. Понятно, что очень хотелось, чтобы справедливость восторжествовала, еще более понятно, что очень не хотелось определять чемпиона мира по серии одиннадцатиметровых. Но то, что сотворил для удовлетворения этих понятных болельщицких желаний судья, испортило финальный матч навсегда. После матча этот эпизод с назначением пенальти в ворота аргентинцев телевидение показывало десятки раз в замедленной съемке, с разных точек. Мне четко виделось, что штрафного не было, защитник чисто сыграл в мяч. Примерно то же самое говорили специалисты с экранов телевизоров и большинство журналистов в пресс-центре. Кто-то из немецких газетчиков уверял меня, что штрафной все-таки был. Но дело-то не в этом. Был пенальти или не был... Просто за пять минут до конца основного времени назначать его было нельзя. Можно было бы другой — грубый, стопроцентный, откровенный, не вызывающий никаких сомнений. И категорически нельзя такой — вызывающий споры, разные толкования. И трижды нельзя — за считанные минуты до окончания основного времени. Это непреложный судейский закон, и почему он был нарушен, зачем нужна была такая победа — это, я думаю, останется загадкой навсегда.

А Авеланж на следующий день опять сказал бодрым голосом оптимистичные слова про судейство, про организаторов итальянцев и пожелал таких же успехов чемпионату мира в США. Вообще жизнь ФИФА — это, видимо, особая тема и особая история. Мягко говоря, неадекватность восприятия, неповоротливость, замкнутость, чопорность, знакомый, но с капиталистическими оттенками бюрократизм — все это только поверхностное ощущение от ФИФА. Там, внутри, болезни, мне кажется, более серьезные. Впрочем, больной признаваться в них не собирается. Функционеры влиятельнейшей спортивной международной федерации участвуют в банкетах, устраивают приемы, сами ходят на них, живут в прекрасных отелях (сразу скажу, что против приемов, банкетов и прекрасных отелей ничего не имею), но такое впечатление, что они малость забыли, кто существует для кого, и решили, что они — главное, а футбол — это второстепенное. Они наказывают игроков, тренеров, иногда целые стадионы и даже страны, они прощают и милуют, они делят многомиллионные прибыли чемпионатов. И то, что ФИФА решила провести следующий Кубок мира в нефутбольной Америке, в США, никого не удивило, самые большие деньги ФИФА получит там. И последнее, так, между прочим, именно эти ребята, функционеры ФИФА, наградили незадачливого Марата Грамова, спортивного министра нашей страны, теперь уже бывшего, самой почетной наградой Международной федерации футбола. Именно того, кого наш парламент отказался оставлять на посту председателя Госкомспорта. За что они его наградили, за какие выдающиеся организаторские способности?.. Это еще одна маленькая тайна ФИФА.

Кстати говоря, я отлично понимаю, что печатать, а значит, и читать заметки с чемпионата мира по футболу спустя две недели после его окончания — это странно и даже где-то глупо. И ясно мне, что иллюстрированный еженe-

потом нажать на кнопочки телефона и... И ничего бы не произошло. Все мои соседи из Австралии, США, Аргентины, ЮАР, Японии, Южной Кореи и еще сотни стран в ту же секунду соединяются со своими редакциями. Я же буду нажимать кнопочки до утра.

Нечто подобное я писал после Олимпийских игр в Сеуле. Прошло два года, и абсолютно ничего не изменилось. Я имею в виду у нас. А у них-то многое что изменилось. Компьютеры стали еще меньше. А фотокоры носят с собой чемоданчик, подключают его к телефону, вставляют фотокарточку в щелочку чемоданчика, и через несколько секунд изображение в редакции. Два года назад я этого чемоданчика не видел. Забавно, что у них появится через два года на Олимпиаде в Барселоне?..

Для многих первой неожиданностью, даже сенсацией стало слабое выступление нашей сборной. Хотя, по-моему, для нас, отечественных болельщиков, ничего неожиданного здесь не было. Признаюсь честно, когда мы выигрывали 4:0 у Камеруна и вдруг стали возможны теоретические расклады выхода нашей сборной в ⅛ финала, я испугался, а вдруг действительно выйдут. Звучит, я понимаю, непатриотично, но видеть тот вымученный футбол, в который играли наши, да еще при этом и болеть за них — это было выше сил.

Я не хочу говорить ничего в адрес В. Лобановского: ни плохого, ни, естественно, хорошего. Только не могу понять одного, почему он не хочет хотя бы сейчас признать, что его команда абсолютно не соответствовала тому футболу и той игре, которую показывали практически все участники чемпионата. Мели набрать одиннадцать футболистов — это, помнится, из детского недоумения. Затем, когда стал постарше, размышления пошли в другую сторону.

Когда мы желали, мы могли победить в чем угодно. Великое социалистическое государство демонстрировало миру преимущества системы с помощью спорта. Если это было надо, мы побеждали в любом виде спорта: акробатике, баскетболе, волейболе, гандболе, гимнастике, городках и далее по алфавиту, смотрите «Спортлото»... Даже те виды спорта, которые требовали более сложного технического оснащения,— бобслей, да тот же хоккей или фигурное катание, катков не хватало, и в них все равно мы были первыми: партия сказала — надо, комсомол ответил — есть. И только футбол удивительным образом не поддавался этому идеологическому насилию.

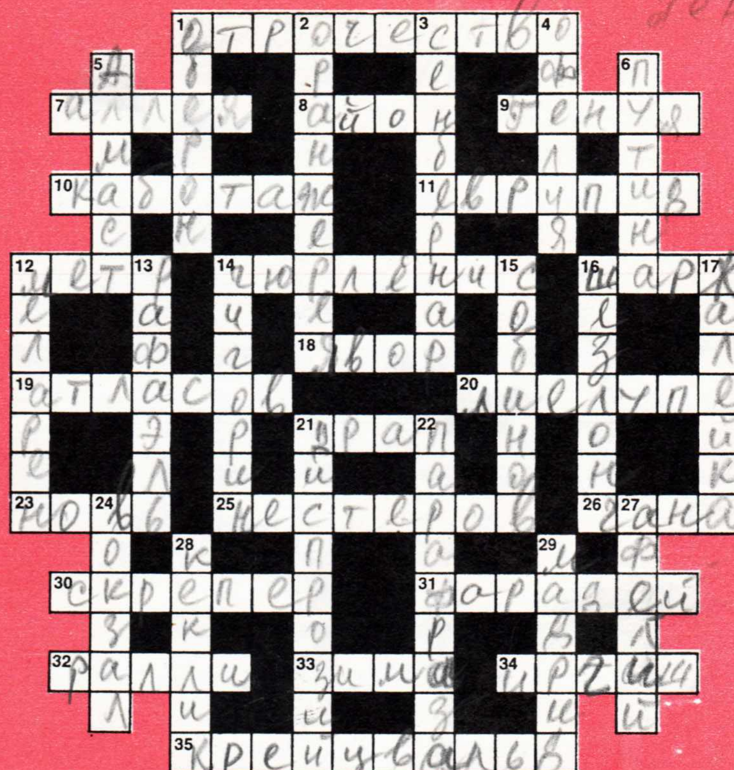
Мы делали ракеты, перекрывали Енисей, занимали первые места в неофициальном олимпийском зачете, футбол просто мог обожать Леонид Ильич, а в связи с ним и все Политбюро, но круглый мяч не подчинялся законам диктатуры пролетариата, и каждый раз мы возвращались с чемпионата мира побитые, неудовлетворенные, и четвертое место на чемпионате мира в Англии до сих пор вспоминается как нечто невероятное. Не помогали ни комсомольские собрания, ни тайные вознаграждения за грядущие победы. То, что прекрасно срабатывало в любом другом виде спорта, при встрече с футболом вдруг утрачивало всякий смысл. Наша команда — скованная, неповоротливая, какая-то испуганная — оказывалась той, каковой и являлась на самом деле. Камуфляж не удавался.

Как будто он надел специальные очки и видел игру сборной СССР совсем другими глазами. Можно ведь и сейчас вставить видеокассету с записью матчей с нашей сборной, и на экране появятся ленивые, дерганые, какие-то сонные игроки с нелепыми действиями. Понятно, там, в Италии, в запале он мог, защищаясь, не признавать очевидного, но сейчас, по прошествии времени, сказать, что по уровню игры наша сборная достойна финала?!

Всякий раз, когда заканчивался очередной чемпионат мира и мы в очередной раз складывали чемоданы на подступах к тем стадионам, где разыгрывалось главное действие, я все никак не мог понять, почему мы не можем победить. В такой большой стране и не сумели и побеждали другие. Преимущества социализма приходилось доказывать с помощью других видов спорта.

Мы не могли победить, потому что в футболе побеждают совсем другие люди, те, кто живет по-другому, по-человечески. Кто живет раскрепощенно и весело.

Я, как это ни печально, не верю в победу советского футбола ни в 1994 году, ни в 1998-м. Так же как и не верю в нее и в 2002-м. Должно родиться совсем другое поколение людей — радостных, естественных, веселых и раскованных. Только такой народ может подарить миру победителей. Поэтому есть маленькая надежда на нашу победу в 2010 году. Через двадцать лет, хочется верить, мы станем веселее...

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Повесть Л. Н. Толстого. 7. Дорога, обсаженная по обеим сторонам деревьями. 8. Остров в Восточно-Сибирском море. 9. Порт в Италии. 10. Судоходство между портами одной страны. 11. Древнегреческий поэт-драматург. 12. Основная единица длины. 14. Литовский живописец и композитор. 16. Юмористическое изображение. 18. Белый клен. 19. Русский землепроходец, сибирский казак. 20. Река, впадающая в Рижский залив. 21. Плотная, с густым ворсом ткань для верхней одежды. 23. Роман И. С. Тургенева. 25. Русский летчик, основоположник высшего пилотажа. 26. Государство в Западной Африке. 30. Землеройно-транспортная машина. 31. Английский физик, основоположник учения об электромагнитном поле. 32. Спортивные соревнования на автомобилях, мотоциклах. 33. Картина народного художника СССР С. В. Герасимова. 34. Река в Казахстане. 35. Эстонский писатель-просветитель, фольклорист.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Спутник Урана. 2. Помещение для выращивания растений в определенных условиях. 3. Порода караульных и декоративных собак. 4. Действующее лицо в трагедии Шекспира «Гамлет». 5. Опера А. А. Спендиарова. 6. Сезон промыслового рыболовства. 12. Озеро в Швеции. 13. Опера А. С. Аренского. 14. Основатель русской школы шахматной игры. 15. Лирический тенор, выступавший в Большом театре. 16. Легкое раздвижное кресло. 17. Народный духовой музыкальный инструмент. 21. Химический элемент, металл. 22. Виртуозная музыкальная пьеса на народные мелодии. 24. Здание станции на путях сообщения. 27. Наиболее удаленная от Солнца точка орбиты планеты. 28. Каменная куропатка. 29. Столица государства на юго-западе Европы.

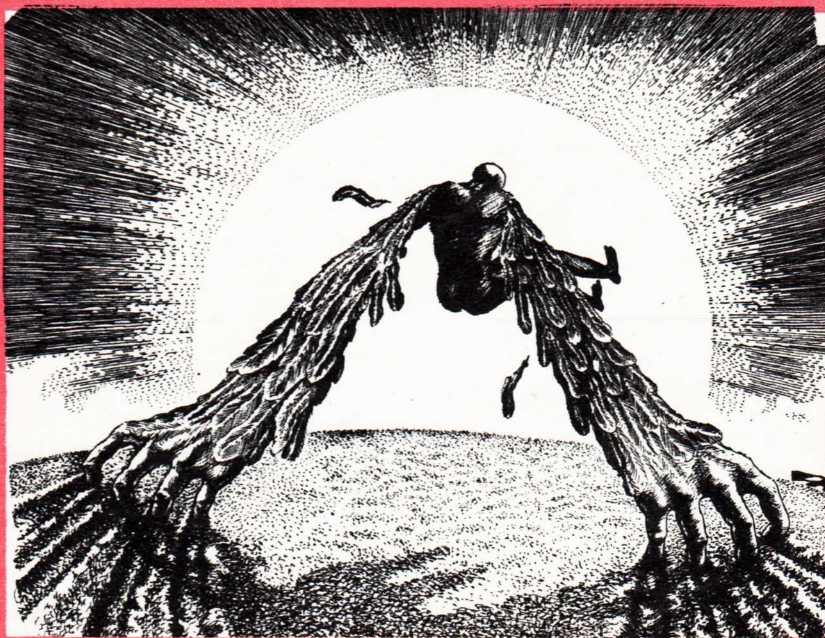
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД № 29

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Уважение. 8. Ситуация. 11. Рустика. 12. Венчик. 14. Дикция. 15. Координация. 18. Тартюф. 19. Титло. 21. Горняк. 22. Романенко. 23. Эталон. 25. Русло. 28. Трибун. 30. Гимнастерка. 32. Версия. 33. Артель. 34. «Тропики». 36. Вагранка. 37. Парусник.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Авдеевка. 2. Метчик. 3. Шифр. 4. Дина. 5. Фуксия. 6. Биохимия. 9. Осадки. 10. «Сигнал». 13. Конференция. 14. Диагностика. 16. Отрасль. 17. Престиж. 20. Теннис. 24. Телеграф. 26. Ушаков. 27. Летчик. 29. Угольник. 30. Гиджак. 31. Арктур. 34. Така. 35. Изар.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок Алексея МЕРИНОВА

40 коп.
Индекс 70663